РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ДЖЕК ИЗ ТЕНИ

Полное издание

Джек из Тени
Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. Джек из Тени
Джек из Тени. Роман
  Придававший форму. Предисловие Джо Холдемана
  Предисловие автора
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
Джек-Тень. Новелла
  Предисловие автора
Царство Теней. Синопсис

Джек-Тень. Биография героя
Хронология жизни и творчества Роджера Желязны

Аннотация

Финалист премии «Хьюго».

Шорт-лист премии «Локус».

Номинант премии Академии НФ, фэнтези и хоррора.

Этот мир поделен на Светлую и Темную стороны, в одной из которых царят вечные день и наука, а в другой – ночь и колдовство. Но есть еще Сумеречные земли, родина легендарного неуловимого вора Джека из Тени. Говорят, именно из теней он черпает свою магическую силу. Говорят, у него несколько жизней, но нет души. Говорят, он был обвинен в еще не совершенном преступлении и несправедливо наказан. Теперь у него нет друзей, кроме проклятого темного ангела по имени Утренняя Звезда, и нет другой цели, кроме мести. Мести, которая может обрушить небеса и уничтожить мир.

«Джек из Тени» – одна из самых глубоких и загадочных книг мастера фэнтези Роджера Желязны, заслужившая свое место на полке рядом с шедеврами воображения Борхеса, Кафки и Братьев Стругацких.

Роман публикуется в новом переводе и снабжен дополнительными материалами: рядом предисловий, эссе и новеллой о Джеке из Тени.

«В наши дни издателям нравится возводить стены между научной фантастикой и фэнтези, но на самом деле это две стороны одной медали. Это блестяще доказал Роджер Желязны своим "Джеком из Тени", запоминающимся и оригинальным сочетании двух жанров, написанным с обычным для автора щегольством. В нем он создает еще одного запоминающегося героя, достойного брата Корвина из "Амбера" и Сэма из "Князя света", а мир, в котором он обитает, является одним из самых экзотических и красочных пейзажей Роджера. Обязательное чтение для всех поклонников мастера». – Джордж Р. Р. Мартин

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Роджер Желязны
Джек из Тени

Roger Zelazny
Jack of Shadows
Shadowland and Shadowjack short stories

Copyright © 1971 by Roger Zelazny Published by permission of The Estate of the Author and their literary agents, Zeno Agency Limited (Great Britain) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод *Владимира Гольдича*
Перевод новеллы «Джек-Тень» *Владимира Обручева*

Иллюстрации *Тамары Мартыновой*

© В. Гольдич, перевод на русский язык, 2023
© В. Обручев, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Джек из Тени

Роман

ДЖЕК ИЗ ТЕНИ

Придававший форму
Предисловие Джо Холдемана

Роджер Желязны ворвался в мир научной фантастики, точно стремительный сияющий метеор, примерно в то же время, когда мы с женой с куда большей скромностью в нее пробрались. Как мне кажется, мы впервые увидели Роджера на Всемирном конвенте научной фантастики в Вашингтоне, округ Колумбия, в 1963 году, как раз перед тем, как мир НФ потрясла стремительная череда выдающихся романов и повестей — «Творец снов», «Князь Света», «Придающий форму», «…И зови меня Конрад», — появившихся всего за несколько следующих лет.

Но по-настоящему мы познакомились на шумной вечеринке любителей научной фантастики в пригородном доме Боба и Пегги Рэй Павлатов, в Мэриленде. В те дни Роджер и я были болезненно застенчивыми и сбежали от чрезмерно дружелюбных гостей, прихватив с собой бутылку вина, на прохладный осенний воздух. Со временем мы стали более коммуникабельными, но подружились в тот вечер, за розовым кустом, когда

говорили о королях и капусте, обменивались шутками и пили розовый «Матеуш», по очереди прикладываясь к бутылке.

Роджер изучал технику, основные элементы писательского труда. Когда мы познакомились — за многие годы до того, как появились компьютеры, — Роджер находился в перипатетической фазе: он владел четырьмя пишущими машинками, стоявшими в разных комнатах дома, и носил стопку листов рукописи из одного помещения в другое, печатал пару страниц на одной машинке, а потом переходил к другой. Он считал, что так ему удается внести свежесть в свою работу, и дело было не только в том, чтобы вставить и выровнять бумагу, но и в некоторых отличиях в гарнитуре, полях и «кулачках» каждой пишущей машинки.

Он никогда не отличался общительностью, но у меня осталось много воспоминаний о Роджере, в которых он развлекал окружающих. Он был тихим и говорил с легкими запинками, но, если у него появлялась история, которую он хотел рассказать, становился энергичным и изобретательным, у него всегда имелся запас забавных анекдотов и шуток — и, пожалуй, он единственный взрослый, которого я знал, носивший в

кармане шнурок для игры «в веревочку».

Этот, казалось бы, детский талант однажды помог растопить лед, когда мы с четой Желязны оказались в неловкой ситуации в Советском Союзе, в окружении партийных функционеров в темных костюмах, с хмурым видом следовавших формальностям и протоколу. Когда мы вышли на улицу и стояли, дожидаясь автобуса, Роджер достал шнурок и начал плести геометрические фигуры — и русские растаяли. Я уже не помню, знал ли Роджер, что такие веревочные фигуры издавна были частью русской культуры, но возникло ощущение, будто он вдруг заговорил на их родном языке. Встреча происходила во время холодной войны, но они в него влюбились.

Те из нас, кто предпочитает твердую научную фантастику, возможно, лучше всего помнят рассказ Роджера «Роза для Екклезиаста», в котором он привносит новую жизнь и невероятную поэтическую силу в классический мотив Марса как древней, умирающей культуры. «Придающий форму», в котором психоаналитик проникает в мозг пациента и исцеляет его изнутри, — еще один прорыв, ставший топливом для десятков других работ. «Долина проклятий» открыла новый поджанр в приключенческой научной

фантастике: футуристический автомобиль как метафора всего мужского и американского. (Этот тип историй имел непосредственную связь с семьей Холдеманов — мой брат Джек разделял интерес Роджера к автомобильным гонкам и тюнингованным машинам. Более того, герой рассказа, Черт Таннер, в первом черновом наброске был назван Чертом Холдеманом, в знак уважения к моему брату. Однако редактор убедил Роджера изменить имя — и вовсе не из-за того, что в научной фантастике уже имелись знаменитые Холдеманы, а из-за подлого прихлебателя Никсона, который украл нашу фамилию.) Однако я больше всего люблю «Князя Света», который лучше других книг Роджера демонстрирует его знание религии и джойсовские шутовские игры со словами, ставшие его фирменным знаком. И еще эта книга *похожа* на Роджера, человека неугомонного, быть может, даже немного одержимого.

Но и «Джек из Тени» дает прекрасное представление о его выдающихся, ошеломляющих талантах. Когда я перечитываю этот необычный новаторский роман, перед глазами у меня предстает Роджер во всей своей пиротехнической силе и созерцательном изяществе. Мы слишком

рано потеряли Роджера, и, конечно, никто не сможет его заменить.

Предисловие автора

Иногда меня спрашивают, намеренно ли название «Джек из Тени» звучит как описание карты из невероятно сложной игры[1], вдобавок к тому, что представляет главного героя и как-то связано с географией. Ответ: да. Меня давно завораживали странные колоды карт, и в свое время я собрал солидную их коллекцию.

«Ха! — обычно отвечают мне, услышав это признание. — В таком случае упоминание карт и теней на каком-то подсознательном психологическом уровне связывает эту историю с вашим циклом «Хроники Амбера», верно?»

На самом деле нет. Когда я в последний раз спускался в катакомбы, мне не удалось найти никакой связи. Меня всего лишь привлекли образы. С другой стороны, никто ни разу не спросил: «Почему Джек?»

Я мог бы ответить так: Джек Вэнс.

В этой, десятой, моей книге я решил попытаться

---

[1] Примечания: 1

В оригинале название Jack of Shadows заключает в себе игру слов и может быть прочитано либо как «Джек из Тени», либо как «Валет теней» (*Прим. редактора*).

создать нечто вроде тех уникальных экзотических декораций, которыми так наслаждался во множестве рассказов Джека Вэнса. А потому, когда я все продумал, мне показалось справедливым подобрать название с именем Джек, чтобы у всех на виду отдать ему тайную дань уважения. Теперь вы все знаете.

Думаю, на предположения о связи с Амбером мог повлиять тот факт, что книга вышла между «Девятью принцами Амбера» и «Ружьями Авалона», первыми частями цикла; близость публикаций и стала причиной слухов.

Но если декорации и обязаны чем-то Джеку Вэнсу, то сам персонаж — нет. Я взял цитату из «Венецианского купца» в качестве эпиграфа только из-за того, что она выглядела удивительно уместной, когда оказалась оторванной от контекста. Работа Шекспира, перед которой я действительно в долгу, появилась примерно через восемь лет после «Венецианского купца». Я имею в виду «Макбета». Конечно, Джеку не противостоит Бирнамский лес, а в пьесе нет ни одной цитаты, которую я бы хотел использовать в романе. Но характер Джека претерпевает любопытные изменения, восходящие к шекспировскому портрету кровавого шотландца. Я не

осмеливаюсь продолжать, ведь предисловие не должно раскрывать сюжета. Некто по имени Дж. И. М. Стюарт чуть не испортил для меня таким образом «Ярмарку тщеславия» много лет назад.

Эту книгу я не могу назвать экспериментальной, как «Порождения света и тьмы», «Двери в песке», «Мост праха», «Знаки Дороги» или «Глаз Кота», где я отрабатывал различные техники, которые потом использовал в других книгах. Это была более ремесленная работа, ведь я точно знал, что хотел сделать и как, а главный герой, как обычно, указывал направление. Из названных пяти только «Порождения света и тьмы» предшествовали «Джеку из Тени». Рассматривая Джека в их контексте, я чувствую, что выработал в них определенный навык краткого импрессионистского описания экзотики, который мог перенестись как в «Девять принцев», так и в «Джека». Может быть, и нет. Но если эти романы как-то и связаны, то вот так.

Мне также интересно посмотреть на историю через призму прожитых лет, увидеть ее в свете того, что было не только раньше, но и позже. Мне кажется, что тень Джека падает на главного героя романа «Теперь мы выбираем лица». Кроме того, сардонический подход Джека к жизни и его

осмотрительность прослеживаются в поздних историях о Дилвише Проклятом — еще одном человеке, чей характер был извращен несправедливым наказанием.

Меня также несколько раз спрашивали, не является ли имя, которое Джек принимает на Светлой стороне, — Джонатан Тенн — отсылкой к аналогичному имени в «Бледном огне» Набокова[2]. Прошу прощения. Я действительно люблю иногда поиграть в литературные загадки, но «Джек из Тени» был написан до того, как я добрался до «Бледного огня».

И да, однажды я написал короткий комикс-приквел к этой книге («Джек-Тень»[3]) в соавторстве с художником Греем Морроу для «Иллюстрированного Роджера Желязны». И нет, в той истории, коротком и совершенно независимом произведении, нет ничего существенного для понимания оригинального романа или получения удовольствия от его прочтения. Итак, перед вами история, которую построил Джек с небольшой моей помо-

---

[2] Примечания: 2

Персонажа Набокова в русском переводе зовут Джон Шейд, его фамилия переводится с английского как «тень» (*Прим. редактора*).

[3] Примечания: 3

Позднее сценарий комикса был переработан в одноименный рассказ (*Прим. редактора*).

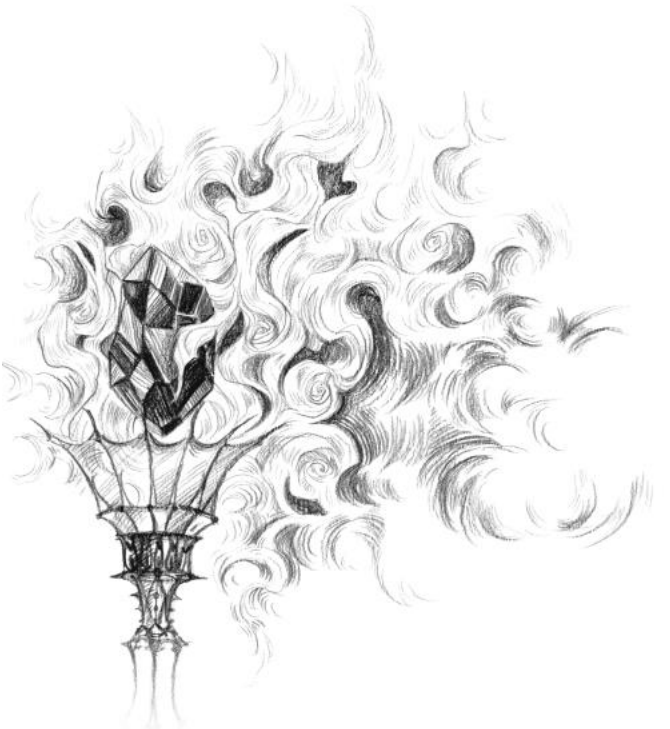
щью в качестве стенографиста. И, если хотите, представляйте его как фигуру с игральной карты. Пусть это будет карта Таро. Возможно, Башня…

Глава 1

Тот, кто тень поймать хотел,
Счастья тень – того удел[4].

У. Шекспир. «Венецианский купец»

[4] Примечания: 4
Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.



Это случилось, когда Джек, чье имя произносится в тени, отправился в Иглес, что в Сумеречных землях, чтобы посетить Адские Игры. Там его и заметили, когда он размышлял о ситуации с

Адским Пламенем.

Адское Пламя было изящной урной, мастерски сработанной из языков серебристого огня; в кончиках пылающих пальцев покоился рубин размером с кулак. Пальцы сжимали его так сильно, что разомкнуть их не представлялось возможным, но вопреки их хватке самоцвет источал холодное сияние.

Разумеется, Адское Пламя было выставлено для всеобщего обозрения, но тот факт, что люди видели смотревшего на него Джека, вызвал изрядный переполох. Джек совсем недавно прибыл в Иглес, и сначала его заметили, когда он проходил между светильниками вместе с другими зрителями, которые двигались через открытый по бокам выставочный павильон. Его узнали Смадж и Квазер, оставившие свои места силы, чтобы состязаться за трофей, и тут же отправились доложить об этом Мастеру Игр.

Смадж переступал с ноги на ногу и дергал себя за усы, пока в его почти квадратных глазах не появились слезы и он не начал моргать. Он смотрел снизу вверх на своего спутника, гиганта Квазера, — волосы, глаза, кожа: все серого цвета — вместо того, чтобы взирать на разноцветную тушу Бенони, Мастера Игр, чья воля была здесь

законом.

— Что вам двоим нужно? — осведомился Бенони.

Смадж продолжал смотреть и моргать, пока Квазер не заговорил голосом, похожим на пение флейты.

— У нас для вас информация, — сказал он.

— Я вас слушаю. Говорите, — ответил Бенони.

— Мы узнали кое-кого, чье присутствие должно вызвать у вас тревогу.

— О ком вы?

— Мы должны пройти в более светлое место, прежде чем я смогу вам сказать.

Мастер Игр повернул голову на разбухшей шее, и его янтарные глаза вспыхнули, когда он посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Если это какая-то глупая шутка… — начал он.

— Вовсе нет, — решительно заявил Квазер.

— Хорошо. В таком случае следуйте за мной. — Он вздохнул, резко развернулся, взметнув оранжево-зеленый плащ, и направился в ярко освещенный шатер.

Внутри он снова к ним повернулся.

— Здесь достаточно светло? — спросил он.

Квазер огляделся.

— Да, — сказал он. — Здесь он нас не услышит.

— О ком вы говорите? — спросил Мастер Игр.

— Известен ли вам некий Джек, который всегда слышит свое имя, если оно произносится в тени?

— Джек из Тени? Вор? Да, я слышал о нем.

— Вот почему мы хотели с вами поговорить в ярко освещенном месте. Он здесь, мы со Смаджем видели его всего несколько минут назад. Он разглядывал Адское Пламя.

— Ну ничего себе! — Глаза Мастера Игр широко распахнулись, а рот остался открытым. — Он его украдет!

Смадж прекратил теребить усы и несколько раз кивнул.

— …Мы здесь для того, чтобы попытаться его выиграть, — выпалил он. — Но мы не сможем, если его украдут.

— Джека необходимо остановить, — сказал Мастер Игр. — Как вы считаете, что мне следует сделать?

— Ваша воля здесь закон, — сказал Квазер.

— Верно… Быть может, стоит посадить его в карцер на время проведения Игр.

— В таком случае, — сказал Квазер, — позаботьтесь о том, чтобы не было теней ни там, где его схватят, ни там, куда вы его отправите. Говорят,

его невероятно трудно пленить — в особенности если рядом есть тени.

— Но здесь всюду тени! — воскликнул Бенони.

— Да. Поэтому его будет сложно удержать в качестве пленника.

— Тогда нам нужны либо яркие огни, либо полнейшая темнота.

— Но если все светильники не будут расположены под идеальными углами и недосягаемы, — сказал Квазер, — то он сумеет создать тени, необходимые ему для работы. И даже в темноте, если он сможет раздобыть любой, пусть самый слабый источник света, возникнут тени.

— Но какую силу он способен извлекать из теней? — спросил Бенони.

— Я не встречал никого, кто знал бы это наверняка.

— Значит, он пришелец с Темной стороны? Не человек? — спросил Мастер Игр.

— Некоторые говорят, что он обитатель Сумеречных земель, но тех, что ближе к темноте, — тех, где всегда есть тени.

— В таком случае ему следует совершить путешествие в Навозные ямы Глайва.

— Жестоко. — Смадж рассмеялся.

— Пойдемте со мной, покажете мне его, — ве-

лел Мастер Игр.

Они вышли из шатра. Небо у них над головой было серым, серебрящимся на востоке и чернеющим к западу. Звезды мерцали в темноте над рядами похожих на сталагмиты гор. Туч не было.

Они шагали по освещенной факелами дороге, пересекавшей лагерь, направляясь к павильону Адского Пламени. На западе промелькнула молния, рядом с тем местом на границе, где стояли святилища беспомощных богов.

Когда они приблизились к открытой стороне павильона, Квазер прикоснулся к руке Бенони и кивнул. Мастер Игр проследил за его взглядом и увидел высокого, худого мужчину, прислонившегося к шесту палатки, — черные волосы, смуглая кожа и орлиный нос, одет в серое; через правое плечо переброшен черный плащ.

Джек из Тени курил какую-то траву с Темной стороны, свернутую в трубочку, и от нее в свете факелов поднимался синий дым.

Некоторое время Бенони его разглядывал, испытывая те чувства, которые возникают, когда смотришь на существо, рожденное не женщиной, а неведомой темной силой в таком месте, каких людям следует избегать.

— Ладно, можете идти, — сказал Бенони, сглот-

нув.

— Мы бы хотели помочь… — начал Квазер.

— Вы можете идти!

Бенони посмотрел вслед удаляющимся фигурам и пробормотал:

— Всегда готовы предать своих.

Он отправился за стражей и несколькими десятками ярких светильников.

Джек последовал за стражниками без малейших возражений, не оказав сопротивления. Взятый в кольцо отрядом вооруженных людей, плененный кругом яркого света, он медленно кивал и выполнял указания — и за все время не произнес ни единого слова.

Его отвели в ярко освещенный шатер Мастера Игр и заставили встать перед столом, за которым сидел Бенони. Стража также вошла в шатер и окружила Джека, направив на него светильники и зеркала, уничтожавшие тени.

— Вас зовут Джек, — сказал Мастер Игр.

— Я этого не отрицаю.

Бенони заглянул в темные глаза мужчины, который продолжал спокойно смотреть на него. Он даже не моргал.

— …Иногда вас называют Джеком из Тени. — Джек молчал. — Не так ли?

— Человека можно называть по-разному, — ответил он.

Бенони отвернулся.

— Приведи их, — велел он одному из стражников.

Стражник ушел, но быстро вернулся со Смаджем и Квазером. Джек бросил взгляд в их сторону, но выражение его лица не изменилось.

— Вы знаете этого человека? — осведомился Бенони.

— Да, — ответили они хором.

— Но вы напрасно называете его человеком, — продолжал Квазер, — он пришел с Темной стороны.

— Назовите его.

— Его зовут Джек из Тени.

Мастер Игр улыбнулся.

— Человека действительно можно называть по-разному, — сказал он, — но в вашем случае наблюдается поразительное единодушие… Я Бенони, Мастер Адских Игр, а вы Джек из Тени, вор. И я готов держать пари, что вы здесь для того, чтобы украсть Адское Пламя. — Снова наступило молчание. — …Вам нет необходимости подтверждать это или отрицать, — продолжал Бенони. — Одно присутствие здесь сразу выдает

ваши намерения.

— Возможно, я пришел, чтобы поучаствовать в Играх, — предположил Джек.

Бенони рассмеялся.

— Конечно! Конечно! — сказал он, смахивая рукавом слезу. — Однако кража в программу соревнований не входит, а значит, у нас нет дисциплины, в которой вы могли бы соревноваться.

— Вы осудили меня заранее, а это нечестно, — сказал Джек. — Даже если я тот, за кого вы меня принимаете, я не совершил ничего противозаконного.

— …Пока что, — заметил Бенони. — Адское Пламя — очень привлекательный приз, разве не так?

Казалось, глаза Джека на мгновение просветлели, а на губах появилась невольная улыбка.

— Большинство с вами согласится, — быстро сказал он.

— И вы пришли сюда, чтобы его завоевать — по-своему. Вы известны как самый чудовищный вор, темноземелец.

— Неужели это значит, что я не могу быть обычным зрителем на публичном мероприятии?

— Когда речь идет об Адском Пламени — да. Оно бесценно, о нем мечтают и Светлая сторона,

и Темная. Как Мастер Игр я не могу допустить вашего присутствия рядом с ним.

— Издержки плохой репутации, — заметил Джек. — Что бы ты ни делал, тебя всегда подозревают.

— Хватит! Вы пришли, чтобы его украсть?

— Только глупец ответит на такой вопрос утвердительно.

— Значит, от вас невозможно получить честный ответ, — заявил Мастер Игр.

— Если под честным ответом вы подразумеваете то, что хотите услышать, — и неважно, правда это или нет, — тогда я вынужден сказать, что вы правы.

— Свяжите ему руки за спиной, — приказал Бенони.

Стражники выполнили приказ.

— Сколько у вас жизней, темноземелец? — спросил Мастер Игр.

Джек не ответил.

— Да перестаньте! Всем известно, что у обитателей Темной стороны жизнь не одна. Сколько их у вас?

— Мне не нравится, как это звучит, — сказал Джек.

— Вы все равно умрете не навсегда.

— От Навозных ям Глайва на Западном полюсе долгий путь, а идти приходится пешком. Иногда создание нового тела занимает годы, — сказал Джек.

— Значит, вы уже там бывали?

— Да, — ответил Джек, пробуя веревки на прочность, — и я бы предпочел не повторять этот путь.

— Значит, вы признаете, что у вас есть как минимум еще одна жизнь, — с довольным видом заявил Мастер Игр. — Хорошо. В таком случае у меня не будет ни малейших угрызений совести, если я отдам приказ о вашей немедленной казни…

— Подождите! — сказал Джек, вскидывая голову и показывая зубы. — Вы ведете себя глупо, ведь я ничего не совершил. Но забудем об этом. Пришел я сюда, чтобы украсть Адское Пламя или нет, уже значения не имеет, ведь теперь мне это не под силу. Отпустите меня, и я уйду в добровольное изгнание на время Адских Игр. Я не стану выходить в Сумерки и останусь в Темноте.

— И какие я буду иметь гарантии? — спросил Мастер Игр.

— Мое слово.

Бенони снова рассмеялся.

— Слово пришельца с Темной стороны, персонажа преступного фольклора? — наконец проговорил он. — Нет, Джек. Я не вижу иного способа обеспечить сохранность трофея, кроме как вынести вам смертный приговор. Это в моей власти, и так я и поступлю. Писец! Запиши, что я рассмотрел вопрос и вынес решение о казни.

Горбун с кольцами в бороде, щурившийся так, что тонкая, как его пергамент, кожа лица шла морщинами, вытащил перо и принялся писать.

Джек выпрямился во весь рост и посмотрел на Мастера Игр из-под полуприкрытых век.

— Смертный человек, — начал он, — ты боишься меня из-за того, что не понимаешь. Ты со Светлой стороны, у тебя всего одна жизнь, и, когда она закончится, другой не будет. А я с Темной стороны — и у нас, как говорят, нет души, которой якобы обладаете вы. Однако мы живем много раз благодаря процессу, что вам недоступен. Вы завидуете и потому хотите лишить меня жизни. Так знайте: смерть для меня столь же тяжела, как для любого из вас.

Мастер Игр опустил глаза.

— Но это не… — начал он.

— Прими мое предложение, — перебил его Джек, — и меня не будет на ваших Играх. Но если

ты позволишь привести свой приказ в исполнение, главным проигравшим окажешься ты.

Горбун перестал писать и повернулся к Бенони.

— Джек, — сказал Мастер Игр, — ты ведь пришел, чтобы *украсть* Адское Пламя, верно?

— Конечно, — ответил Джек.

— Но зачем? Тебе было бы трудно от него избавиться. Оно такое заметное…

— Я собирался отдать его другу, перед которым у меня долг. Он хочет получить безделушку. Отпустите меня, я скажу ему, что потерпел неудачу, и это будет правдой.

— Я не желаю изведать твою ярость, когда ты вернешься…

— Твои желания — ничто в сравнении с тем, что тебя ждет, если ты сделаешь это путешествие для меня обязательным.

— …Однако человек в моем положении не может поверить тому, кого называют Джеком-Лжецом.

— И мое слово ничего для тебя не значит?

— Боюсь, что нет, — ответил Мастер Игр и повернулся к писцу. — Продолжай писать.

— …И мои угрозы тоже ничего для тебя не значат?

— Они вызывают у меня некоторую тревогу. Но я вынужден сопоставлять твою месть — до которой еще несколько лет — с немедленным наказанием, которое мне грозит, если Адское Пламя будет украдено. Постарайся понять мое положение, Джек.

— Я понимаю, — сказал Джек, поворачиваясь к Смаджу и Квазеру. — Ты, ослиные уши, и ты, гинандроморф! Ни один из вас не будет забыт!

Смадж посмотрел на Квазера, а Квазер захлопал ресницами и улыбнулся.

— Ты можешь рассказать об этом нашему повелителю, Повелителю Нетопырей, — сказал он.

Лицо Джека исказилось при упоминании его древнего врага.

Из-за того, что в Сумеречных землях, там, где начинается наука, магия замедляется, прошло не меньше полминуты, прежде чем в шатер проникла летучая мышь и пролетела между ними.

— Мы соревнуемся под знаменем Нетопыря, — заявил Квазер.

Смех Джека смолк, когда тварь пронеслась мимо. Едва увидев ее, он опустил голову, на скулах его проступили желваки.

Повисшую тишину прерывало только поскрипывание пера.

— Так тому и быть, — сказал Джек.

Они отвели его к центру огороженной территории, где с огромным топором в руках стоял мужчина по имени Блайт. Джек быстро отвернулся и облизнул губы. Затем его взгляд вновь притянуло лезвие топора с блестящей кромкой.

Перед тем как Джека попросили встать у деревянной плахи на колени, воздух вокруг него начали рассекать кожистые снаряды — он знал, что это резвятся летучие мыши. Огромная их стая налетела с запада, но они двигались слишком быстро, чтобы отбрасывать тени, которые он мог бы использовать.

Джек выругался — он понял, что враг прислал своих приспешников, чтобы посмеяться над ним в момент его гибели.

Когда дело доходило до кражи, ему обычно сопутствовала удача. Мысль о том, что он потеряет одну из жизней из-за небрежности, раздражала Джека. Он, в конце концов, был тем, кем был…

Он встал на колени и опустил голову.

Пока Джек ждал, когда упадет топор, он размышлял о том, правда ли, что голова сохраняет сознание в течение одной или двух секунд после отсечения от тела. Он попытался отбросить эту мысль, но она постоянно возвращалась.

Не может ли быть, подумал он, что это не просто неудавшаяся работа? Если Повелитель Нетопырей устроил ему ловушку, это могло означать только одно.

Глава 2

Черноту расчертили полосы света — белая, серебряная, голубая, желтая, красная, — по большей части прямые, но какие-то извивались. Они пересекали все темное поле, и некоторые были ярче других…

Они двигались все медленнее, медленнее…

Наконец, линии перестали быть бесконечными дорогами или нитями паутины.

Они превратились в длинные тонкие ветви — затем в прутья — в световые дефисы…

А потом стали мерцающими точками.

Довольно долго Джек, ничего не понимая, наблюдал за звездами. Прошло немало времени, прежде чем в его сознание откуда-то проникло слово «звезды» и за широко раскрытыми глазами забрезжил тусклый свет.

Тишина, никаких ощущений, только зрительные образы…

Прошло еще больше времени, и он почувствовал, будто падает с большой высоты, обретая плоть, и наконец осознал, что лежит на спине и смотрит вверх, вновь ощущая полную тяжесть

своего тела.

— Я Джек-Тень, — сказал он мысленно, все еще не в силах пошевелиться.

Он не знал, где лежит или как попал в это обиталище тьмы и звезд. Однако ощущение было знакомым; возвращение казалось чем-то уже пережитым, хоть и очень давно.

Тепло, зародившееся в области сердца, стало распространяться по всему телу, и он почувствовал, как покалывание пробуждает все его чувства. И тогда он вспомнил.

— Проклятье! — Это было первое слово, которое Джек произнес, поскольку вместе с вернувшимся обонянием к нему пришло полное понимание ситуации.

Он находился в Навозных ямах Глайва, на Западном полюсе планеты, во владениях зловещего барона Дреккхейма, через земли которого должны были пройти все воскресшие.

Джек сообразил, что лежит на груде падали посреди озера отбросов. Его лицо исказила злая улыбка, и он в сотый раз подумал, что люди начинают и заканчивают свою жизнь именно так, однако и обитатели Темной стороны не могут похвастаться лучшей участью.

Когда Джек сумел пошевелить правой рукой,

он принялся массировать горло и шею. Он не испытывал боли, но на него накатили последние жуткие воспоминания. Как давно это произошло? Скорее всего, несколько лет назад. Таков его средний срок. Он содрогнулся и отбросил мысль о том, когда завершится его последняя жизнь. В следующее мгновение Джеком овладела дрожь, которая все никак не проходила. Он проклял свою потерянную одежду, которая либо сгнила вместе с его предыдущим телом, либо, что казалось более вероятным, была сношена до лохмотьев каким-то другим человеком.

Джек медленно поднялся на ноги, нуждаясь в воздухе, но жалея, что не может на время отказаться от дыхания. Он отбросил в сторону похожий на яйцо камень, обнаружившийся в его кулаке. Теперь, когда Джек почти стал собой, он решил не задерживаться на одном месте.

Все дороги вели на восток. Стиснув зубы, Джек выбрал путь, который показался ему самым легким.

Он не знал, сколько времени ему потребовалось, чтобы добраться до берега. Хотя его теневые глаза быстро привыкли к звездному свету, здесь не было истинных теней, с которыми он мог посоветоваться.

Да и что такое время? Год — это один полный оборот планеты вокруг солнца. Любые периоды такого года могут быть определены в соответствии с другими движениями планеты… или ее обитателей.

Для Джека четыре годовых флуктуации Сумрака обозначали времена года. Внутри этих отрезков времени даты неизменно определялись с помощью звезд — которые были видны всегда — и магических принципов, позволявших выявить настроение повелевающих ими духов. Он знал, что у жителей Светлой стороны были механические и электрические устройства, помогавшие им следить за движением времени, — ему удалось украсть несколько таких артефактов. Но из-за того, что они отказывались работать на Темной стороне, эти безделушки годились разве только на то, чтобы выдавать их девицам в тавернах за амулеты, обладающие большой противозачаточной силой.

Голый и грязный, Джек помедлил на темном и тихом берегу, а после того как восстановил дыхание, начал свой путь на восток.

Дорога постепенно забирала вверх, и ему все время попадались лужи и грязные пруды. Вонючие реки текли в сторону озера, ведь все отбросы

рано или поздно попадали в Глайв. Периодически высоко в воздух взмывали фонтаны, и мерзкая жижа окатывала Джека. Всюду виднелись трещины и расселины, откуда изливался запах сернистого газа. Джек быстро шел дальше, прикрывая нос и обращая молитвы к своим божествам. Впрочем, он сомневался, что его просьбы будут услышаны — едва ли боги внимают голосам из этой части мира.

Он шел вперед, изредка отдыхая. Земля продолжала подниматься, и через некоторое время стали появляться небольшие россыпи камней. Джек отчаянно дрожал, пробираясь между ними. Он забыл — конечно, сознательно — многие из худших особенностей этого места. Маленькие острые камни рвали подошвы его ног, и Джек знал, что оставляет кровавые следы. За спиной он слышал слабое шуршание многолапых существ, выползавших, чтобы их слизать. Считалось, что на этом этапе путешествия оглядываться — дурная примета.

Джек всегда с некоторой печалью относился к потере крови любым новым телом, которое становилось его собственностью. Но структура земли менялась по мере того, как он поднимался, и вскоре он уже шагал по гладкой скале. Позднее

он с удовлетворением отметил, что шорох за спиной исчез.

Когда Джек поднялся еще выше, запах стал слабее, и это его обрадовало. Он подумал, что, возможно, его обоняние просто отключилось, не вынеся такой долгой бомбардировки. Какой бы ни была причина, это позволило телу обратить внимание на другие проблемы — а за телом, конечно же, последовал разум. Вдобавок к тому, что он был грязен, покрыт болячками и ужасно устал, Джек осознал, что испытывает жажду и голод.

Взломав свои воспоминания, как дверь склада, он проник внутрь и занялся поисками, восстановил в памяти прошлые путешествия из Глайва, вспомнил все детали, какие сумел. Но, сколько бы Джек ни оглядывался на ходу, он не находил никаких соответствий, никаких знакомых вех.

Обойдя небольшую рощу металлических деревьев, Джек понял, что никогда прежде не ходил по этой дороге.

«Чистой воды я не найду еще долго, — подумал он, — разве что Судьба мне улыбнется и я наткнусь на дождевую лужу. Но здесь так редко идут дожди… Это же страна отбросов, а не чистоты. Если я попытаюсь призвать на помощь слабую магию, чтобы создать дождь, кто-нибудь это

заметит и начнет меня искать. И я стану легкой добычей, ведь сейчас у меня нет теней. И тогда меня ждет либо унизительная жизнь, либо новая смерть, после которой я вернусь в Ямы. Нет, я буду идти до тех пор, пока смерть не окажется совсем рядом, и *тогда* попытаюсь вызвать дождь».

Чуть позже он заметил вдалеке неестественный объект и с опаской к нему приблизился, обнаружив, что высотой тот в два его роста, а шириной — в два размаха рук. Он был каменным, с гладкой передней гранью. На ней Джек прочитал высеченное крупными буквами послание на языке Темной стороны:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РАБ».

Ниже стояла Великая печать Дреккхейма.

Джек ощутил огромное облегчение, ведь некоторым — тем некоторым, кто сумел сбежать со службы у барона и с кем Джек обсуждал данный вопрос, — было известно, что такие знаки стояли в местах, которые патрулировались меньше всего. Расчет был на то, что возвращающийся из Навозных ям пойдет в обход и в результате окажется там, где его будет легче поймать.

Джек прошел мимо камня — он бы плюнул, если бы у него не пересохло во рту.

По мере того как он шел вперед, силы постепенно покидали его, и, поскальзываясь, он все с большим трудом сохранял равновесие. В какой-то момент, когда он споткнулся и упал, Джек почувствовал уверенность, что продолжал двигаться во сне и преодолел огромное расстояние, не замечая ничего вокруг. Местность здесь была более неровной, чем в его последних воспоминаниях. У него появились проблески надежды, и их оказалось достаточно, чтобы встать и продолжить путь.

Вскоре после этого он заметил место, которому суждено было стать для него приютом, ведь он больше не мог идти.

У подножия уходившего вверх крутого каменного склона лежало множество поваленных и покосившихся валунов. Джек потратил последние силы на то, чтобы обползти это место, отыскивая признаки жизни.

Ничего не обнаружив, он заполз в каменный лабиринт, забрался так далеко, как только смог, отыскал более-менее ровную поверхность, упал на нее и заснул.

Он не знал, сколько прошло времени, но что-то, обитавшее в глубине водоема, имя которому сон, предупредило его. Словно утопающий, он устремился к далекой поверхности.

И почувствовал поцелуй в шею и прикосновение длинных волос, которые легли ему на плечи.

Мгновение он медлил, собирая оставшиеся силы. Потом схватил ее за волосы левой рукой, а правой скользнул вдоль тела. Оторвав ее от себя, перекатился влево, зная с того самого момента, как проснулся, что следует сделать. Его голова метнулась вперед с намеком на прежнюю быстроту.

Закончив, Джек вытер рот, встал и посмотрел на неподвижное тело.

— Бедная вампирша, — сказал он. — В тебе оказалось совсем немного крови — вот почему ты так отчаянно хотела получить мою, однако тебе не хватило сил. Но и я был отчаянно голоден. Каждый из нас делал то, что должен был.

Джек надел черные юбки, плащ и тесные сапоги и теперь шагал по возвышенности, периодически пересекая поля с черной травой, которая обвивала щиколотки и пыталась его остановить. Он уже сталкивался с подобными препятствиями, поэтому пинал траву прежде, чем она успевала его стреножить. У него не было ни малейшего желания стать удобрением.

Наконец ему удалось отыскать дождевую лужу. Он изучал ее несколько часов, с разных наблю-

дательных позиций, ведь она была идеальным местом для ловушки на того, кто возвращается. Когда Джек решил, что лужу никто не охраняет, он подошел, оглядел ее, упал на землю и долго пил. Отдохнул, снова напился, снова отдохнул и снова напился, жалея, что у него нет сосуда, чтобы унести воду с собой.

Не переставая сожалеть, Джек разделся и смыл грязь с тела.

Позднее он прошел мимо цветов, которые напоминали змей с корнями, — а может, это и вправду были змеи с корнями. Они шипели и падали на землю, пытаясь его достать.

Джек еще дважды сумел поспать, прежде чем заметил новую дождевую лужу. Однако ее охраняли, и ему пришлось использовать все свои воровские умения, чтобы напиться. Кроме того, Джек заполучил меч задремавшего стража и, поскольку тот уже ни в чем не нуждался, разжился хлебом, сыром, вином и одеждой.

Еды должно было хватить на одну трапезу. Это, а также отсутствие поблизости лошади позволило Джеку сделать вывод, что где-то рядом должен находиться еще один страж и смена может появиться в любой момент. Он выпил вино и наполнил флягу водой, проклиная ее малый

объем.

Затем, раз уж вокруг не имелось расселин или пещер, чтобы спрятать останки, Джек быстро ушел, оставив тело.

Он ел медленно, на ходу, и сначала его желудок протестовал из-за непривычного вторжения в его личное пространство. Джек покончил с половиной своих припасов, оставив другую на будущее. Изредка ему навстречу попадались мелкие зверьки. Он завел привычку носить в руках камни, надеясь, что сможет убить одного из них. Но они оказались невероятно быстрыми — или он стал слишком медленным. Однако ему удалось найти хороший кусок кремня, когда он в седьмой раз пополнял запас своих снарядов.

В какой-то момент он спрятался, услышав стук копыт, но никто не проехал рядом. Джек знал, что уже довольно далеко углубился в Дреккхейм, и ему стало интересно, к какой из его границ он направляется. Джек содрогнулся при мысли о том, что где-то Дреккхейм соприкасается с западной границей той безымянной земли, на которой стоит Хай-Даджен, место силы и крепость Повелителя Нетопырей.

Стоя на Темной земле, он обратился к ярким звездам с еще одной просьбой — на всякий слу-

чай.

Джек карабкался, кружил, иногда бежал, и его ненависть росла быстрее, чем голод.

Смадж, Квазер, Бенони, палач Блайт и Повелитель Нетопырей…

Он отыщет их одного за другим и отомстит, начав с более слабых, постепенно накапливая силу, после чего вступит в схватку с тем, кто даже сейчас, возможно, находится слишком близко, чтобы Джек мог спать спокойно.

И он спал беспокойно.

Ему снилось, что он вернулся в Навозные ямы. Однако на этот раз оказался прикован и, точно Утренняя Звезда, который вечно пребывает у Врат Рассвета, должен был остаться там навсегда.

Джек проснулся, мокрый от пота, несмотря на прохладу. Казалось, что губительные ароматы жуткого места ненадолго настигли его вновь, в своей полной силе.

Прошло немало времени, прежде чем он сумел доесть свои припасы.

Но его поддерживала ненависть. Она утоляла жажду или позволяла о ней забыть, давала силу пройти еще одну лигу всякий раз, когда тело предлагало прилечь.

Джек планировал их смерти, снова и снова,

воображал дыбу и клещи, пламя и тиски. Слышал крики и мольбы. В нижних покоях своего разума он видел куски плоти, сгустки крови и реки слез, которые извлечет из них прежде, чем позволит им умереть.

…И он знал, несмотря на боль, которую испытывал во время этого путешествия, что сильнее всего была ранена его гордость. Его так легко поймали, так небрежно с ним обошлись, так быстро от него избавились — словно прихлопнули надоедливое насекомое. Они обращались с ним не как с силой, обитающей в стране теней, а как с самым *обычным* вором!

Вот почему он думал о пытках, а не о простых ударах меча. Они оскорбили его чувства, убив его вот так. Если бы они сделали все иначе, возможно, он бы не испытывал такой ненависти. Это Повелитель Нетопырей, движимый завистью и жаждой мести, вероломно спланировал такое оскорбление. Он заплатит.

Ненависть вела Джека вперед. И, хотя она его согревала, он чувствовал, что холод усиливается, несмотря на то что в последнее время Джек перестал подниматься вверх.

Он лежал на спине и изучал темную сферу, что затмевала звезды в середине небосвода. Это было

средоточие силы Щита — этот шар, вечно пребывающий вдали от дневного света, — и кто-то должен был за ним присматривать. Где сейчас семь Сил, указанных в Книге Основ, чей сейчас черед держать Щит? Уж конечно, несмотря на все междоусобные конфликты, ни одна Сила не посмеет нарушить перемирие Щита, ведь от него зависит судьба мира. Сам Джек множество раз исполнял этот долг — и дважды вместе с Повелителем Нетопырей.

Он отчаянно хотел сотворить заклинание, которое позволило бы ему прочитать текущую страницу Книги Основ и увидеть записанные там имена. Ему пришло в голову, что одно из них может принадлежать ему. Но Джек не слышал своего имени с момента пробуждения в Навозных ямах. Нет, должно быть, это кто-то другой, решил он.

Он открыл свою сущность и почувствовал ужасающий холод внешней тьмы, который просачивался вдоль края сферы в верхней точке Щита, — всего лишь начальная течь, но чем дольше они будут тянуть, тем труднее будет ее запечатать. Это слишком важно, чтобы рисковать. Созданный с помощью заклинаний Щит не давал Вечной Зиме заморозить Темную сторону так же,

как силовые экраны не давали безжалостному жару солнца спалить все на Светлой стороне. Джек закрыл свою сущность, но все еще ощущал холод внутри.

Позднее ему удалось прикончить мелкого, покрытого темным мехом зверька, дремавшего на вершине камня. Джек снял с него шкуру и выпотрошил его с помощью меча, но не сумел найти хвороста для костра, и ему пришлось есть мясо сырым. Джек разгрызал кости зубами и высасывал костный мозг. У него вызывал отвращение такой образ жизни, хотя некоторые знакомые предпочитали его более цивилизованному. Джек радовался, что никто не видит, как он утоляет голод.

Он шел дальше, когда почувствовал покалывание в ушах.

«*Джек из Тени и...*»

И более ничего.

Должно быть, на губы того, кто это произнес, упала мимолетная тень. Все произошло слишком быстро.

Джек медленно повернул голову и понял, откуда исходит звук. Источник находился где-то по правую руку от него, и очень далеко. Более ста лиг, по его прикидкам. Не исключено, что в

другом владении.

Джек заскрежетал зубами. Если бы он знал, где находится, то смог бы угадать, где расположен источник. То, что он услышал, могло оказаться чем угодно — хоть фрагментом рассказанной в таверне истории, хоть частью плана тех, кто уже знал о его возвращении. Последняя возможность довольно долго не оставляла его мыслей.

Он ускорил шаг и не стал отдыхать, как собирался. И, обнаружив дождевую лужу, решил, что таким образом приманил к себе удачу.

Джек убедился, что за ним никто не наблюдает, и от души напился. Он не мог разглядеть свое отражение в мутной воде и напрягал глаза до тех пор, пока его черты не стали почти различимыми — темное, худое лицо, слабое сияние глаз, силуэт человека на фоне звезд.

— Ах, Джек! Ты и сам становишься тенью! — пробормотал он. — Чахнешь в жестокой стране, и все из-за того, что пообещал Полковнику, Который Никогда Не Умирал, проклятую безделушку! Не думал, что до этого дойдет, не так ли? Неужели эта попытка стоила цены, которую тебе пришлось заплатить? — И он рассмеялся, впервые после воскрешения. — Ты тоже смеешься, тень тени? — наконец спросил он у своего отраже-

ния. — Наверное, — решил он. — Но делаешь это вежливо, ведь ты *мое* отражение, и тебе известно, что я снова отправлюсь за проклятым камнем, как только узнаю, где он находится. Она того стоит.

На мгновение он забыл о своей ненависти и улыбнулся. Пламя, горевшее в его сознании, потухло, и на его месте возник образ девушки.

У нее были бледное лицо и зеленые, точно край древнего зеркала, глаза. Короткая верхняя губа влажно соприкасалась с нижней, чуть выпячиваясь. Подбородок помещался в круге его большого и указательного пальцев, а медные кудри челки падали на такие же брови, похожие на крылья парящей птицы. Ее звали Ивен, и ее макушка едва доставала до его плеча. Она носила зеленый бархат, подчеркивавший изящную талию. Ее шея походила на очищенный от коры ствол прелестного дерева. Пальцы скользили по струнам *палмирина*, точно искусные танцоры. Такой была Ивен из Неприступной Крепости.

Она родилась от одного из редких союзов между тьмой и светом, отцом ее был Полковник, Который Никогда Не Умирал, а матерью — смертная женщина по имени Лорет. Быть может, именно это придает ей часть очарования? — снова спра-

шивал он себя. И, если в ней живет частица света, есть ли у нее душа? Должно быть, дело в этом, решил он. Джек не мог представить Ивен силой Темной стороны, которая, как он сам, выбирается из Навозных ям Глайва. Нет! Он немедленно изгнал эту мысль.

Адское Пламя было выкупом за невесту, назначенным ее отцом, и Джек поклялся себе снова отправиться за ним. Но сначала — месть… Ивен должна понять. Она знает о его чести и гордости. Она подождет. Она сказала, что готова ждать вечно, в тот день, когда они расстались и он отправился в Иглес на Адские Игры. Она дочь своего отца — время ничего для нее не значит. Она переживет всех смертных женщин, сохранив юность, красоту и изящество. Она будет ждать.

— Да, тень тени, — сказал он своему второму «я» в луже. — Она того стоит.

Он спешил сквозь темноту, жалея, что его ноги не могут стать колесами, — и вновь услышал стук копыт. Джек снова спрятался, и всадники снова проскакали мимо. Однако на этот раз гораздо ближе.

Джек не слышал, чтобы кто-то произнес его имя, но подумал: нет ли связи между прозвучавшими чуть раньше словами и всадниками, что

промчались совсем рядом.

Температура не становилась ниже, но и не поднималась. Неизменная стылость теперь сопровождала его постоянно, и всякий раз, открывая свою сущность, Джек ощущал, как через Щит в вышине медленно, но неуклонно просачивается холод. Здесь это заметнее всего, подумалось ему, ведь Навозные ямы Глайва находятся непосредственно под высшей точкой Щита, под сферой. Возможно, дальше к востоку эффект еще не чувствуется.

Он шел, и он спал, и больше не слышал звуков, которые мог принять за преследование. Ободренный, Джек стал отдыхать чаще и время от времени отклоняться от выбранного по звездам пути, чтобы отыскать места, где имелись дождевые лужи или животные. Дважды ему удавалось найти воду, но еды он добыть не сумел.

Во время одной такой вылазки внимание Джека привлекло бледное красное сияние из расселины в скале, находившейся справа. Если бы он двигался быстрее, то прошел бы мимо, ничего не заметив, — настолько слабым был свет. Но Джек взбирался по склону, по гравию и осыпающимся камням.

Увидев сияние, он остановился и задумался.

Огонь? Если что-то горит, должны быть тени. А если есть тени…

Джек обнажил клинок, свернул в сторону и, держа меч перед собой, вошел в расселину. Он двинулся вдоль узкого прохода, после каждого шага прижимаясь спиной к стене.

Джек посмотрел вверх и оценил высоту стены в четыре собственных роста. Сквозь непроглядную черноту камня текла звездная река.

Постепенно проход стал забирать влево и внезапно закончился широким карнизом, возвышавшимся на три фута над дном долины. Джек остановился и принялся ее изучать.

Со всех сторон ее закрывали высокие и, как ему показалось, естественные каменные стены. У основания этих стен росли черные кусты, а поодаль — темные травы. Однако всякая растительность исчезала по краям круга.

Круг этот, диаметром футов восемьдесят, находился в дальней части долины. Границы его выглядели идеально ровными, а внутри не было никаких признаков жизни. В центре стоял огромный, поросший мхом камень, испускавший слабое сияние.

Джек ощутил тревогу, хоть и не понимал ее причины. Он посмотрел на острые утесы и эс-

карпы, которые перегораживали долину. Потом поднял глаза на звезды.

Была это игра воображения или свет действительно моргнул, когда он смотрел в другую сторону?

Джек спустился с уступа и стал осторожно продвигаться вперед, придерживаясь левой стены.

Камень полностью зарос мхом. Он был розоватого цвета, и у Джека возникло ощущение, что сияние исходит от него. Приблизившись, Джек отметил, что воздух в долине не такой холодный, как за ее пределами. Возможно, стены защищали ее от холода.

С мечом в руке Джек шагнул в круг и медленно приблизился к камню. Что бы ни сделало это место таким странным, возможно, он сумеет обратить это себе на пользу.

Но не успел он сделать и полдюжины шагов внутрь круга, как ощутил телепатическое прикосновение, как будто что-то придвинулось, припало к его разуму.

«*Свежий костный мозг! Я не могу сдерживаться!*» — уловил он мысль.

Джек остановился.

— Кто ты? Где ты? — спросил он.

«*Я лежу перед тобой, малыш. Подойди ко мне!*»

— Я вижу лишь замшелый камень, — сказал Джек.

«Скоро ты увидишь больше. Подойди ко мне!»

— Нет, благодарю, — ответил Джек, чувствуя зловещие намерения в пробудившемся сознании, которое обращалось к нему.

«Это не приглашение. Это приказ».

Он ощутил, как в него хлынула огромная сила, а вместе с ней — стремление двигаться вперед. Сопротивляясь изо всех сил, Джек спросил:

— Что ты такое?

«Я то, что ты видишь перед собой. А теперь подойди!»

— Камень или мох? — осведомился Джек, стараясь оставаться на месте, но чувствуя, что начинает проигрывать схватку. Он знал, что стоит ему сделать первый шаг — и второй не заставит себя ждать. Его воля будет сломлена, и камень сделает с ним все, что пожелает.

«Скажем так: я и то и другое, хотя на самом деле мы суть одно. А ты упрямое существо. Это хорошо. Теперь, однако, ты больше не сможешь мне сопротивляться».

Это оказалось правдой. Его правая нога попыталась двинуться вперед по собственной воле, и Джек понял, что через мгновение это ей удастся.

А потому пошел на компромисс.

Повернувшись, Джек подчинился давлению, но сделал шаг скорее вправо, чем вперед.

Затем его левая нога направилась к камню. Сопротивляясь и подчиняясь одновременно, он сдвинулся в сторону и вперед.

«*Очень хорошо. Пусть ты не придешь ко мне по прямой, но все равно придешь*».

На лбу у Джека выступил пот, но он продолжал бороться за каждый шаг; и медленно, по спирали, закручивающейся против часовой стрелки, приближался к тому, что его призывало. Он не знал, как долго продолжается его сопротивление. Он забыл обо всем: о ненависти, голоде, жажде и любви. Во вселенной остались лишь две вещи: он сам и розовый камень. Напряжение между ними наполняло воздух, точно устойчивая нота, которая со временем становится неслышной из-за своей неизменности, превращаясь в привычную деталь мира. Казалось, борьба между Джеком и камнем длится вечно.

Затем нечто третье вошло в замкнутую вселенную их противостояния.

Тридцать или сорок болезненных шагов — он потерял им счет — привели Джека в положение, из которого он смог увидеть дальнюю часть кам-

ня. Именно в этот момент его концентрация чуть не исчезла в короткой вспышке эмоций и едва не заставила его подчиниться чуждой воле.

Он покачнулся, заметив за сияющим камнем груду скелетов.

«*Да, мне пришлось расположить их там, чтобы вновь прибывшие не пугались и не обходили мой круг влияния. Именно там ты скоро будешь лежать, о сосуд с кровью*».

Вновь овладев собой, Джек продолжил дуэль; груды костей дали ему новый стимул. В своем медленном, кружном пути он прошел позади камня, мимо костей, и продолжил идти. Вскоре он вновь оказался перед камнем, только теперь футов на десять ближе. Движение по спирали продолжалось, и вскоре он вновь обнаружил себя с противоположной стороны.

«*Я должен признать, что ты уже продержался дольше, чем все остальные. Однако ты первый, кто догадался двигаться по кругу, уступая мне постепенно*».

Джек не ответил, но, обходя камень, посмотрел на жуткие останки и обратил внимание на то, что мечи и кинжалы, металлические пряжки и ремни совершенно не пострадали; одежда и прочие ткани по большей части были тронуты гнилью.

Рядом на земле валялось содержимое нескольких заплечных мешков, но слабый звездный свет не позволял ему разглядеть мелкие предметы. И все же, если ему не почудилось то, что он заметил среди костей, некоторая толика надежды у него оставалась — так решил Джек.

«Еще один круг, и ты придешь ко мне, маленькое существо. Ты прикоснешься ко мне».

Джек постепенно приближался к пятнистой розовой поверхности странной сущности. Казалось, что с каждым шагом она становилась все больше, и бледный свет, который она порождала, рассеивался сильнее. Джек не находил ни одной точки, которая светилась бы сама по себе; сияние испускала вся поверхность.

Он вернулся к передней части камня, теперь находясь от него на расстоянии плевка…

И снова начал движение в сторону; камень был так близко, что Джек уже мог протянуть руку и прикоснуться к нему…

Он перебросил меч в левую руку и нанес удар, оставив во мху глубокую рану, из которой начала сочиться жидкость.

«Так ты не сможешь мне навредить. Ты вообще не сможешь мне навредить».

Джек снова увидел скелеты, но теперь он нахо-

дился очень близко к поверхности камня, которая выглядела как раковая опухоль. Он чувствовал голод, который испытывало существо, он ногой отбрасывал в сторону кости и слышал, как они ломаются у него под сапогами. Он увидел то, что хотел, и заставил себя сделать еще три шага, чтобы приблизиться к этому, хоть и казалось, что он идет против урагана. Теперь он находился всего в нескольких дюймах от смертельно опасной поверхности.

Он метнулся к заплечным мешкам и потянул их к себе — используя клинок и руку, — кроме того, ему удалось подхватить лежавшие вокруг подгнившие плащи и куртки.

Затем он ощутил непреодолимую тягу, и его плечо коснулось поверхности камня, покрытого мхом.

Он попытался отползти в сторону, уже понимая, что у него ничего не получится.

В первое мгновение он ничего не почувствовал, потом в точке контакта ощутил жуткий холод, но почти сразу все исчезло. Боли не было. Джек понял, что у него полностью онемело плечо.

«Все не так страшно, как ты боялся, правда?»

Затем, как на человека, который сидел много часов, а потом резко встал, на него накатила

волна головокружения. Она почти сразу прошла, но появились новые ощущения. Как если бы кто-то выдернул пробку из его плеча, Джек почувствовал, как уходит его сила. С каждым биением сердца ему становилось все труднее ясно мыслить. Онемение стало распространяться по спине и предплечью. Джек с трудом поднял правую руку и нащупал мешок, висевший на поясе. Он возился с ним целую вечность.

Отчаянно сопротивляясь желанию закрыть глаза и опустить голову на грудь, он свалил перед собой тряпье, которое сумел схватить. Его левая рука продолжала до боли сжимать рукоять меча, и он поднес лезвие к груде ветоши, а потом ударил по нему кремнем. На сухой ткани заплясали искры, но он продолжал их высекать даже после того, как тряпки начали тлеть.

Когда появился первый язычок пламени, Джек использовал его, чтобы зажечь огарок свечи, принадлежавший одному из мертвецов.

Джек поднял свечу перед собой — и появились тени.

«*Что ты делаешь, обед?*»

Джек отдыхал в своих серых владениях, его разум очистился, он ощутил знакомое покалывание в кончиках пальцев рук и ног.

«Я камень, пьющий человеческую кровь! Отвечай мне! Что ты делаешь?»

Свеча мерцала, тени ласкали Джека. Он положил правую руку на левое плечо, и покалывание перешло туда — онемение уходило. Затем, одевшись в тени, Джек встал.

— Делаю? — спросил он. — Нет. Я уже сделал. Ты был моим гостем. А теперь я чувствую, что пришло время поменяться ролями.

Он отошел от камня и повернулся к нему лицом. Камень потянулся к нему, как делал прежде, но на этот раз Джек пошевелил руками — и на поросшую мхом поверхность упали тени. Он направил свое естество в изменчивый калейдоскоп созданного им лабиринта.

«Где ты?!»

— Везде, — ответил Джек. — И нигде.

Затем он убрал клинок в ножны и подошел к камню. Джек видел, что свеча скоро догорит, поэтому знал, что должен действовать быстро. Он приложил ладони к пористой поверхности.

— Вот он я, — сказал Джек.

В отличие от других лордов тьмы, чьи места силы были привязаны к географическим областям, в которых они правили, Джек обладал владениями более зыбкими, способными исчез-

нуть в любой момент, однако существовавшими везде, где свет встречался с преградой, рождая малую тьму.

И теперь, закутанный в малую тьму, Джек обрушил свою волю на камень.

Конечно, валун сопротивлялся, когда они поменялись ролями. Та сила, что помыкала Джеком, противилась ему, став жертвой. Джек растравил в себе голод, пустоту, вакуум. Струя, река, течение обратилось вспять.

…И Джек стал кормиться.

«*Ты не смеешь так поступать со мной. Ты вещь*».

Но Джек смеялся и становился все сильнее по мере того, как сопротивление камня слабело. Вскоре тот не мог даже протестовать.

К тому моменту, как свеча вспыхнула и погасла, мох стал коричневым, а сияние рассеялось. Что бы ни жило здесь прежде, жизнь его закончилась.

Джек долго тер руки о плащ, прежде чем покинул долину.

Глава 3

Сила, которую он получил, поддерживала его довольно долго, и Джек надеялся, что скоро покинет вонючее царство. Температура перестала падать, а однажды, когда Джек устраивался на ночлег, прошел легкий дождь. Джек прижался к скале и с головой накрылся плащом. Плащ не давал полной защиты, но Джек смеялся, когда вода касалась его кожи. Это был первый дождь с того момента, как он очнулся в Глайве.

После дождя осталось достаточно луж, чтобы Джек сумел привести себя в порядок, напиться и наполнить флягу. Он решил, что лучше продолжить путь, чем спать, — так у него быстрее просохнет одежда.

Она промчалась мимо его лица так быстро, что он едва успел среагировать. Это случилось, когда Джек приближался к разрушенной башне, — кусок тьмы оторвался от нее и полетел в его сторону, двигаясь быстро и непредсказуемо.

Джек не успел выхватить меч. Она пронеслась мимо и умчалась прочь. Он успел швырнуть в нее все три камня, что нес с собой, перед тем, как она исчезла из вида, — и едва не попал вторым.

Потом он опустил голову и полминуты извергал проклятия. Это была летучая мышь.

Мечтая о тенях, он побежал.

На равнине стояло множество разрушенных башен, и за одной из них лежал проход, что вел меж высоких холмов к вздымавшемуся за ними горному хребту.

Поскольку Джек не любил проходить мимо зданий — неважно, разрушены они или нет, — в которых могли прятаться враги, он попытался обойти башню по широкой дуге.

Он миновал ее и уже приближался к расселине, когда кто-то позвал его по имени.

— Джек! Мой Джек-Тень! — услышал он. — Это ты! Это и правда ты!

Он повернул голову на голос, и его рука легла на рукоять меча.

— Нет! Нет, мой Джеки! Тебе не нужен меч против старой Рози! — Он едва сумел ее увидеть, так неподвижно она стояла, спиной к разбитой стене, — старуха, одетая в черное, опирающаяся на посох.

— Откуда тебе известно мое имя? — наконец спросил Джек.

— Неужели ты меня забыл, дорогой Джек? Забыл Рози? Скажи, что это не так…

Он разглядывал ее согбенную фигуру, смотрел на седые волосы. «Сломанная швабра», — подумал он. Она напоминала сломанную швабру. И все же…

В ней было что-то знакомое. Но он не мог понять, что именно. Джек убрал руку от оружия и сделал несколько шагов к старухе.

— Рози?

Нет. Не может быть.

Он подошел совсем близко. И, наконец, посмотрел в ее глаза.

— Скажи, что ты меня помнишь, Джек.

— Я помню, — ответил он.

И он действительно помнил.

— Розали, из «Знака горящего пестика», что стоит на тракте, идущем вдоль океана. Но это было так давно, и в Сумеречных землях…

— Да, — сказала она. — Очень давно и очень далеко. Но я никогда тебя не забывала, Джек. Из всех мужчин, встреченных девчонкой из таверны, она запомнила именно тебя. Что с тобой стало, Джек?

— О, моя Розали! Меня обезглавили — спешу добавить, несправедливо, — и я возвращаюсь из Глайва. Но что случилось с тобой? Ты ведь не обитательница Темных земель. Ты смертная. Что

ты делаешь в жутких владениях Дреккхейма?

— Я — Мудрица Восточных границ, Джек. Признаю, что в молодости была не слишком мудра — тогда меня покорили твоя открытая улыбка и твои обещания, — но, став старше, я поняла их истинную цену. Я ухаживала за старой сводницей в ее последние годы, и она немного научила меня Искусству. И когда я узнала, что барону нужна Мудрица, чтобы охранять этот проход в его земли, я пришла сюда и принесла ему клятву верности. Говорят, он злой человек, но он всегда хорошо обращался со старой Рози. Лучше, чем большинство из тех, кого она знала. Я рада, что ты меня вспомнил.

Она достала из-под плаща тряпичный сверток, развернула его и положила на землю.

— Присядь и преломи со мной хлеб, Джек, — предложила она. — Как в старые добрые времена.

Он снял пояс с мечом и сел напротив Розали.

— Прошло много времени с тех пор, как ты съел живой камень, — сказала она и с этими словами протянула ему хлеб и кусок сушеного мяса. — Так что я знаю: ты испытываешь голод.

— Откуда тебе известно о моей встрече с камнем? — спросил Джек.

— Как я уже говорила, перед тобой Мудрица — в практическом смысле слова. Я не знала, что это ты с ним разобрался, но мне стало известно, что камень уничтожен. Вот для чего я присматриваю за этим местом по приказу барона. Я слежу за всем, что здесь происходит, и за всеми, кто здесь проходит. И докладываю ему о том, что мне удается узнать.

— Вот как, — проговорил Джек.

— Должно быть, в твоем хвастовстве была какая-то правда — ты не простой темноземелец, но Лорд, Сила, пусть и не такая значительная, — сказала она. — Все размышления приводят меня к тому, что только кто-то из них мог съесть красный камень. Должно быть, ты не шутил, когда бахвалился перед бедной девушкой. Возможно, о других вещах, но не об этом.

— О каких других вещах? — спросил Джек.

— Ну, например, ты говорил, что однажды вернешься к ней и возьмешь ее с собой в Теневую Обитель, замок, которого не видал ни один человек. Ты ей так сказал, и она ждала много лет. А потом на постоялом дворе заболела старая сводница. Молодой девушке, которая уже перестала быть молодой, следовало подумать о будущем. И она заключила сделку, чтобы овладеть более

выгодным ремеслом.

Некоторое время Джек молчал, глядя в землю, потом проглотил хлеб, который жевал.

— Я вернулся, — сказал он. — Я вернулся, и никто не вспомнил мою Розали. Все изменилось. Там были другие люди. И я снова ушел.

Она захихикала.

— Джек! Джек! Джек! — сказала она. — Сейчас нет нужды в красивой лжи. Старой женщине безразлично то, во что верила молодая девушка.

— Ты говоришь, что стала Мудрицей, — сказал он. — Неужели у тебя нет способа отличить правду от лжи?

— Я предпочла бы не использовать Искусство против Силы… — начала она.

— Используй, — сказал он и снова посмотрел ей в глаза.

Розали прищурилась и наклонилась вперед, встретившись с ним взглядом. Внезапно ее глаза стали огромными пещерами, открывшимися, чтобы его поглотить. Джек терпеливо сносил возникшее при этом ощущение падения. Оно закончилось несколько секунд спустя, когда она отвела взгляд и уронила голову на правое плечо.

— Ты *действительно* возвращался, — сказала она.

— Как я и говорил.

Он взял хлеб и принялся шумно его жевать, чтобы сделать вид, что не заметил влаги, появившейся у нее на щеках.

— Я забыла, — наконец сказала она. — Забыла, как мало значит время для обитателей Темной стороны. Ты не ведешь счет годам. Просто однажды ты решил, что вернешься за Рози, не подумав о том, что она могла состариться и умереть или просто куда-то уйти. Теперь я понимаю, Джеки. Ты привык к вещам, которые не меняются. Сила остается Силой. Ты можешь убить человека, а потом пообедать с ним через десять лет и посмеяться над давней дуэлью, пытаясь вспомнить ее причину. О, какую хорошую жизнь ты ведешь!

— У меня нет души. У тебя она есть.

— Душа? — Розали рассмеялась. — Что такое душа? Я никогда ни одной не видела. Откуда мне знать, что она существует? И, даже если она у меня есть, какой мне от нее прок? Я без колебаний обменяла бы ее на то, чтобы стать такой, как вы. Однако это за пределами возможностей моего Искусства.

— Мне жаль, — сказал Джек.

Некоторое время они ели молча.

— Я хочу кое о чем тебя спросить, — наконец

сказала она.

— И о чем же? — поинтересовался Джек.

— Существует ли на самом деле Теневая Обитель? — спросила она. — Замок с высокими затененными залами, равно невидимый для твоих врагов и друзей, куда ты мог бы отвести девушку, чтобы прожить с ней ее дни?

— Конечно, — ответил Джек и стал смотреть, как она ест. Розали потеряла много зубов, и у нее появилась привычка причмокивать губами. Но внезапно за сетью морщин он увидел лицо молодой девушки, какой она была прежде. Белые зубы сверкали, когда она улыбалась, волосы были длинными и блестящими, подобными небу Темной стороны в промежутках между звездами. А глаза ее, голубые, как небо Светлой стороны, которое ему случалось видеть, сияли. Ему нравилось думать, что они сияют для него.

«Должно быть, ей осталось жить совсем немного», — подумал он. Теперь, когда лицо девушки исчезло, он смотрел на отвисшую кожу под ее подбородком.

— Конечно, — повторил Джек, — и теперь, когда я нашел тебя, не хочешь ли ты уйти отсюда? Подальше от этой жалкой страны, в уют теней? Проведи остаток дней со мной, и я буду добр к

тебе.

Она изучающе посмотрела ему в лицо.

— Ты выполнишь свое обещание после стольких лет — теперь, когда я превратилась в уродливую старую каргу?

— Давай пройдем через перевал и отправимся в Сумеречные земли вместе.

— Зачем тебе так поступать ради меня? — спросила Розали.

— Ты знаешь зачем, — ответил Джек.

— Быстро дай мне руки! — сказала она.

Он протянул руки, она схватила их и перевернула ладонями вверх.

Наклонившись вперед, она принялась внимательно их рассматривать.

— О! Все бесполезно! — сказала она. — Я не могу тебя прочитать, Джек. Руки вора слишком часто изворачиваются, ловчат и манипулируют. Все линии лгут — хоть это и великолепно исковерканные руки!

— Что ты увидела, Розали, и о чем не захотела мне рассказать?

— Не заканчивай трапезу. Возьми свой хлеб и беги. Я слишком стара, чтобы уйти с тобой. Ты поступил очень мило, пригласив меня. Юной девушке могла бы понравиться Теневая Обитель,

но я хочу закончить свои дни здесь. А теперь иди. Поторопись! И попытайся меня простить.

— За что я должен тебя простить? — спросил Джек.

Она поцеловала обе его руки.

— Когда я увидела, что приближается тот, кого я ненавидела все эти годы, я отправила сообщение при помощи моего Искусства и твердо решила задержать тебя здесь. Теперь я понимаю, что поступила неправильно. Но гвардия барона уже спешит сюда. Беги к перевалу и ни за что не останавливайся. На другой стороне у тебя будет шанс от них ускользнуть. А я попытаюсь призвать бурю, чтобы сбить их со следа.

Он вскочил на ноги и привлек Розали к себе.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Но что ты увидела на моей ладони?

— Ничего.

— Скажи мне, Розали.

— Не имеет значения, поймают они тебя или нет, — ответила она, — ведь тебе суждено столкнуться с Силой, еще более могущественной, чем барон. И важнее всего то, что произойдет дальше. Не позволяй ненависти направить тебя к машине, что думает как человек и быстрее человека. На кону стоит слишком большая сила, а

такая сила и ненависть плохо сочетаются друг с другом.

— Подобные машины существуют только на Светлой стороне, — заметил Джек.

— Я знаю. А теперь беги, мальчик Джеки. Беги!

Он поцеловал ее в лоб.

— Мы с тобой еще встретимся, — сказал Джек, повернулся и побежал к перевалу.

Глядя ему вслед, Розали вдруг почувствовала, как сильно похолодало.

Поначалу предгорья были низкими, но вскоре уже возвышались над Джеком. Он бежал, и у него на глазах они превращались в высокие скошенные каменные стены. Проход расширялся, сужался и снова расширялся. Наконец, Джек сумел победить панику — теперь он держал ее на расстоянии вытянутой руки — и перешел на шаг. Незачем сразу растрачивать силы; если он будет двигаться медленнее, то одолеет большее расстояние, прежде чем поймет, что не может сделать больше ни шага.

Он глубоко дышал и прислушивался к шуму погони. И ничего не слышал.

Длинная черная змея сползла по стене справа, исчезла в расселине и больше не появлялась. По небу у него над головой промчалась падающая

звезда. Прожилки минералов мерцали, точно стекло, в звездном свете.

Джек думал о Розали и о том, каково это — иметь родителей, быть ребенком, зависеть от тех, кто обеспечивает твое благополучие. Он размышлял о том, каково быть старым и знать, что тебе суждено умереть и не вернуться обратно. Вскоре он устал от своих мыслей — как и от всего остального, — и у него возникло сильное желание лечь на землю, завернуться в плащ и погрузиться в сон.

Он делал все, чтобы не заснуть: считал шаги — тысяча, потом еще одна, — тер глаза, негромко пропел до конца несколько песен, вспоминал заклинания и заговоры, думал о еде, о женщинах, о своих самых великих кражах, насчитал еще тысячу шагов, потом сочинял пытки и унижения для своих врагов и, наконец, вспомнил про Ивен. Вскоре высокие стены стали ниже.

Джек шагал вдоль предгорий, похожих на те, что были на другой стороне. Он все еще не слышал звуков преследования — и это, как он надеялся, обещало, что его не догонят на перевале. Как только он выйдет на открытую местность, ему будет где спрятаться.

Сверху донеслись раскаты грома, он посмотрел

в небо и увидел, что звезды скрылись за тучами. Джек осознал, что они собрались очень быстро, и вспомнил обещание Розали вызвать бурю, чтобы скрыть его следы. Он улыбнулся, когда вспыхнула молния, ударил гром и первые капли упали ему на голову и плечи.

Когда Джек миновал перевал, он снова промок до нитки. Буря не собиралась утихать. Видимость стала совсем плохой, но, судя по всему, он вновь оказался на усыпанной камнями равнине вроде той, что осталась по другую сторону гор.

Джек отклонился примерно на милю от своего курса; то есть от самого удобного маршрута, который позволил бы ему покинуть владения барона. Затем он принялся искать и нашел группу валунов, устроился с сухой стороны самого большого из них и улегся спать.

Джека разбудил стук копыт. Он замер, прислушиваясь, и понял, что тот доносится со стороны перевала. Он вытащил меч и вытянул руку с ним вдоль тела. Дождь все еще продолжался, но заметно ослабел, и гром гремел где-то вдалеке.

Топот копыт стал тише. Джек прижал ухо к земле, вздохнул и улыбнулся. Он все еще был в безопасности.

Не обращая внимания на протесты затекших

мышц, он поднялся на ноги и продолжил путь. Джек был полон решимости двигаться дальше, пока дождь смывает его следы.

Его сапоги оставляли ямы в темной грязи, влажная одежда прилипла к телу. Он несколько раз чихнул и задрожал от холода. Потом ощутил необычную боль в правой руке, посмотрел и увидел, что продолжает сжимать меч. Джек вытер лезвие изнанкой плаща и убрал его в ножны. Сквозь прорехи в тучах он различил знакомые созвездия и, ориентируясь по ним, повернул восточнее.

Наконец дождь прекратился. Теперь его окружала одна лишь грязь. Но он продолжал идти. Его одежда начала высыхать, а ходьба помогала немного согреться.

Стук копыт появлялся и исчезал где-то сзади. «Зачем тратить столько сил на преследование одного человека?» — подумал Джек. В прошлый раз все было по-другому. Впрочем, этим путем он еще не возвращался.

«Либо я стал более значительной персоной, пока был мертв, — решил он, — либо люди барона охотятся за теми, кто возвращается, просто для развлечения. В любом случае лучше держаться от них подальше. Что могла подразумевать Розали,

когда сказала, что не имеет особого значения, поймают они меня или нет? Это очень странно, если она видела правду».

Позднее Джек добрался до более высокой скалистой местности, оставив позади влажную грязь, и начал искать убежище для отдыха. Однако вокруг расстилалась равнина, и он решил идти дальше, чтобы его не застали врасплох на открытом месте.

Он шел вперед, пока не заметил что-то похожее на каменную изгородь, а когда приблизился, увидел, что камни в ней светлее, чем те, что лежали вокруг, и что они располагаются на равном расстоянии друг от друга. У него сложилось впечатление, что форму им придала не природа, а какой-то мономаньяк, одержимый пятиугольниками.

Он нашел подходящее место для отдыха с сухой стороны ближайшего камня и улегся спать.

Ему приснилось, что дождь и гром возвратились. Гром не умолкал, и вселенная содрогалась от его грохота. Затем Джек довольно долго блуждал на границе между сном и бодрствованием. И в том, и в другом состоянии он чувствовал, что чего-то не хватает, хотя и не понимал чего.

«Я не мокрый!» — понял он наконец с удивле-

нием и раздражением.

Следуя за раскатами грома, Джек вернулся в собственное тело; голова его покоилась на отставленной в сторону руке. Несколько мгновений он лежал, полностью проснувшись, потом быстро вскочил на ноги, сообразив, что враги обнаружили его след.

Джек увидел всадников и насчитал семерых.

Клинок тут же оказался у него в руке, он накинул плащ на плечи, пробежался пальцами по волосам, потер глаза и стал ждать.

За его левым плечом, высоко в небесах, разгоралась звезда.

Джек решил, что убегать от всадников бессмысленно, в особенности если учесть, что здесь он не может рассчитывать на укрытие. Враги попросту загонят его, он слишком устанет, чтобы оказать им приличное сопротивление, и не сможет отправить в Ямы хотя бы нескольких.

Поэтому он просто ждал, и его лишь слегка отвлекало усиливающееся сияние в небесах.

Скакуны семи черных всадников высекали из камней искры раздвоенными копытами. Их глаза высоко над землей походили на пригоршню тлеющих углей, брошенную в его сторону. Из ноздрей вылетали клубы дыма, и время от вре-

мени кони издавали пронзительные, свистящие звуки. Молчаливое, похожее на волка существо, опустив голову к земле, бежало рядом с ними, и его хвост метался из стороны в сторону. Оно меняло направление в тех местах, где сворачивал Джек, когда приближался к камням.

— Ты будешь первым, — сказал он, сжимая в руке клинок.

И, словно услышав его слова, существо подняло морду, завыло и побежало быстрее, опережая всадников.

Джек отступил на четыре шага и прижался спиной к камню, когда существо помчалось к нему. Он высоко поднял меч, словно собирался нанести рубящий удар, и перехватил рукоять двумя руками.

Пасть существа была разинута, язык вывалился на сторону, открыв огромные зубы в почти человеческой ухмылке.

Когда тварь прыгнула на Джека, тот описал мечом полукруг и выставил клинок перед собой, уперев локти в камень.

Зверь не рычал, не лаял и не выл; он закричал, когда меч пронзил его.

Удар был таким сильным, что Джек лишился дыхания и рассадил упиравшиеся в камень лок-

ти. На мгновение у него закружилась голова, но вопль и отвратительная вонь зверя не дали ему потерять сознание.

Через мгновение крик смолк. Тварь пару раз дернулась, пытаясь перекусить клинок, и умерла.

Джек наступил ногой на труп и с усилием вытащил меч. Затем снова поднял его и посмотрел на приближающихся всадников.

Они натянули поводья и остановились в дюжине шагов от того места, где стоял он.

Вожак — невысокий лысый мужчина чудовищной ширины — спешился и направился к Джеку, покачав головой, когда увидел истекавшее кровью тело.

— Тебе не следовало убивать Шандера, — сказал он. Его голос был грубым и скрипучим. — Он хотел лишь обезоружить тебя, не причиняя вреда.

Джек рассмеялся.

Мужчина посмотрел на него, его глаза полыхнули желтым, и Джек почувствовал за ними силу.

— Ты смеешься надо мной, вор!

Джек кивнул.

— Если ты возьмешь меня живым, то я, несомненно, пострадаю от твоей руки, — сказал Джек. — Вот почему я не вижу смысла скрывать

свои чувства, барон. Я смеюсь над тобой потому, что ненавижу. Неужели у тебя нет лучших развлечений, чем мучить тех, кто возвращается?

Барон отступил назад и поднял руку. По его сигналу остальные всадники спешились; барон с улыбкой обнажил меч и оперся на него.

— Тебе известно, что ты без разрешения пересекаешь мои владения?

— Существует только один путь из Глайва, — сказал Джек. — Все, кто возвращается, должны пройти по части твоей территории.

— Это правда, — сказал барон, — и все, кого я захватил, должны заплатить мне несколькими годами службы.

Всадники взяли Джека в клещи, встав полукругом, похожим на половину стальной короны.

— Положи свой клинок, человек-тень, — продолжал барон. — Если нам придется тебя обезоружить, ты наверняка будешь ранен во время схватки. А я предпочту иметь невредимого слугу.

Пока барон говорил, Джек сплюнул. Двое мужчин подняли глаза и уставились на небо. Джек решил, что они пытаются его отвлечь, и не стал следовать за их взглядами.

Затем еще один воин поднял голову, и барон, увидев это, сам взглянул в небеса.

Высоко, на периферии зрения, Джек заметил сияние. Тогда и он повернул голову и увидел мчавшуюся к ним огромную сферу, которая становилась все ярче и увеличивалась в размере.

Он быстро опустил глаза. Какой бы ни была природа этого явления, глупо упускать такой шанс.

Он прыгнул вперед и обезглавил отвалившего челюсть мужчину, который стоял справа в пределах досягаемости его клинка.

Ему удалось расколоть череп еще одному врагу, несмотря на его запоздалую попытку парировать удар. К этому моменту барон и четверо его слуг уже успели повернуться к Джеку и броситься на него.

Джек отбивал их атаки и отступал так быстро, как мог, не осмеливаясь на ответный удар. Он попробовал обойти камень слева, не подпуская противников к себе. Однако они двигались слишком быстро, и Джек обнаружил, что его окружают. Каждый удар с близкого расстояния, который он отражал, болью отзывался в ладони и во всей руке, а клинок становился все тяжелее.

Враги начали пробивать его защиту, небольшие порезы и царапины появлялись у него на плече, бицепсах и бедрах. В сознании Джека

промелькнули воспоминания о Навозных ямах. Теперь солдаты барона атаковали его так яростно, что ему стало очевидно: они не хотят взять его в плен, а намерены отомстить за павших товарищей.

Понимая, что очень скоро его разрубят на куски, Джек решил, если получится, захватить с собой в Глайв барона. Он приготовился к броску вперед, не обращая внимания на остальные клинки, стараясь найти брешь в защите барона. Он понимал, что должен сделать это в самое ближайшее время, потому что слабел с каждым мгновением.

Словно почувствовав его намерения, барон защищался очень аккуратно, отбивая все удары и позволяя атаковать своим людям. Задыхаясь, Джек решил, что ждать больше нет смысла.

А потом все закончилось. Их оружие стало слишком горячим, чтобы удерживать его в руках, — на клинках заплясало голубое пламя. Они с криками уронили мечи на землю, ослепленные вспышкой белого света над самыми их головами. На них посыпался дождь искр, в ноздри ударил запах гари.

— Барон, — произнес голос, полный сладости, — ты нарушил границы чужих владений, а также пытаешься убить моего пленника. Что ты

можешь сказать в свое оправдание?

Страх запустил корни в нутро Джека, расцвел в его животе — он узнал этот голос.

Глава 4

Перед глазами у Джека танцевали искры, он искал тени.

Но свет погас так же быстро, как вспыхнул, а наступившая темнота казалась ему абсолютной. Он попытался воспользоваться полученным преимуществом — барон и его слуги застыли, — коснулся скалы и начал двигаться вдоль нее.

– *Твоего* пленника? — услышал Джек крик барона. — Он мой!

— Мы довольно долго были хорошими соседями, барон, — после последнего урока географии, который я тебе преподал, — произнес тот, кто стоял на скале, — теперь его уже можно было различить. — Вероятно, тебе следует прослушать еще один краткий курс. Эти вехи отмечают границу между нашими владениями. Пленник стоит по мою сторону границы — как и ты со своими людьми, должен заметить. Ты, конечно же, уважаемый гость; ну а пленник, конечно же, мой.

— Повелитель, — сказал барон, — эта граница всегда считалась спорной, и тебе не стоит забывать, что я преследовал этого человека по своей территории. Мне представляется, что твое вме-

шательство будет нечестным.

— Нечестным? — со смехом ответило существо на скале. — Не говори со мной о честности, сосед, — и не называй пленника человеком. Мы оба знаем, что эти вехи отмечают лишь границы сил, а вовсе не законов или договоров. Те земли, до которых моя сила способна дотянуться из своего центра, Хай-Даджена, принадлежат мне. То же самое касается и твоей территории. Если ты пожелаешь пересмотреть границы в состязании сил, мы можем устроить его прямо сейчас. Ну а что касается пленника, тебе хорошо известно, что он сам по себе является Силой — одной из немногих подвижных. Он черпает энергию не из конкретного места, а из состояния света и тени. Тот, кто его пленит, безусловно, выиграет от его услуг, а потому он мой. Ты согласен, Повелитель Мертвечины? Или нам следует заново установить границы прямо сейчас?

— Я вижу, что твоя сила при тебе…

— Значит, вне всякого сомнения, мы стоим на моей земле. А теперь отправляйся домой, барон.

Джек успел обогнуть веху и тихо крался сквозь темноту. У него был шанс пересечь границу и, возможно, вызвать тем самым схватку, но при любом ее исходе он оказался бы чьим-нибудь

пленником. Лучше бежать, пока есть хотя бы один путь. Он начал двигаться быстрее.

Оглянувшись назад, Джек увидел, что спор продолжается; барон топал и размахивал руками. Джек слышал его гневные крики, но отошел уже так далеко, что не различал слов. Он побежал, понимая, что его отсутствие очень скоро заметят, оказался возле небольшого холма, взлетел на его вершину и спустился по восточному склону, проклиная себя за то, что лишился меча.

Джек быстро уставал, но заставил себя двигаться рысью, остановившись лишь для того, чтобы подобрать два камня, удобно легших в ладони.

На мгновение его длинная тень легла перед ним, он остановился и повернулся. За холмом вспыхнул ослепительный свет, и в нем, точно пепел или влекомые ветром листья, вились, кружили, метались орды летучих мышей. Прежде чем Джек успел воспользоваться тенями, свет померк и вернулась темнота. Теперь тишину нарушало только его тяжелое дыхание. Он посмотрел на звезды, чтобы определить направление, и поспешил дальше, пытаясь отыскать убежище, чтобы спрятаться от преследователей.

Джек постоянно оглядывался, но больше ничего не увидел. «Интересно, — подумал он, — чем

закончился конфликт?» Барон, несмотря на свою зверскую внешность, слыл весьма способным волшебником, кроме того, положение границы говорило о том, что соперники находились приблизительно на равном расстоянии от источников своей силы.

Было бы замечательно, решил Джек, если бы они уничтожили друг друга. Впрочем, такое маловероятно. Какая жалость.

Зная, что его отсутствие уже наверняка заметили, что погоню может задержать лишь продолжительная схватка, он молился, чтобы она не закончилась быстро, — идеальным исходом была бы смерть или тяжелые ранения всех ее участников.

И, словно в насмешку над его надеждами, мимо него пролетел темный силуэт. Джек швырнул оба камня, но они ушли в сторону от цели.

Он решил, что не станет двигаться по прямой, и свернул влево. Он берег силы и шел медленно; постепенно пот высох, и ему снова стало холодно. Или дело было не только в этом?

Ему казалось, что темный силуэт движется наравне с ним, где-то далеко слева. Всякий раз, когда Джек поворачивал голову в том направлении, силуэт исчезал. Однако, глядя вперед, Джек

краем глаза видел какое-то движение. Силуэт будто бы постепенно приближался.

Вскоре он оказался рядом с Джеком. Тот едва видел его, но ощущал чужое присутствие. И, хотя преследователь не предпринимал никаких враждебных действий, Джек приготовился защищаться, как только почувствует первое прикосновение.

— Могу я поинтересоваться состоянием твоего здоровья? — послышался мягкий, приятный голос.

Сдерживая дрожь, Джек ответил:

— Я голоден, меня мучают жажда и усталость.

— Какая неприятность. Я позабочусь о том, чтобы вскоре все это исправить.

— Зачем? — спросил Джек.

— Таков мой обычай: обращаться со своими гостями с максимально возможной вежливостью.

— Я не знал, что являюсь чьим-то гостем.

— Все посетители моих владений, Джек, становятся гостями, даже те, кто оскорбил прежде мое гостеприимство.

— Приятно слышать, в особенности если это значит, что ты поможешь мне добраться до восточной границы как можно быстрее и безопаснее.

— Мы обсудим эту проблему после обеда.

— Хорошо, — ответил Джек.

— Сюда, пожалуйста.

Он повернул направо, и Джек последовал за ним, понимая, что сопротивляться бесполезно. Пока они двигались дальше, он периодически получал возможность разглядеть смуглое красивое лицо, отчасти озаренное светом звезд, отчасти скрытое высоким изогнутым воротником плаща. Глаза его спутника напоминали лужицы, что образуются вокруг фитилей черных свечей: горячие, темные и жидкие. Летучие мыши падали с неба и исчезали внутри его плаща. После продолжительного молчания он указал на лежащую впереди возвышенность.

— Туда, — сказал он.

Джек кивнул и попытался рассмотреть обезглавленный холм. Малое место силы, решил он, находящееся в пределах досягаемости.

Они приблизились к нему и начали неспешно подниматься. Джек слегка поскользнулся и почувствовал на своем локте руку, поддержавшую его. Он отметил, что сапоги его спутника ступают по земле беззвучно, даже когда под ними оказывается гравий.

— Что стало с бароном? — спросил наконец

Джек.

— Он отправился домой помудревшим, — сказал его спутник и сверкнул зубами в мимолетной улыбке.

Они поднялись на ровную площадку на вершине холма и направились к ее центру.

Смуглый мужчина вытащил меч и аккуратно начертил на земле сложный узор. Джек узнал некоторые знаки. Потом его спутник жестом попросил Джека отойти в сторону, провел большим пальцем левой руки вдоль лезвия и позволил крови стечь в центр узора. Одновременно с этим он произнес семь слов. Затем повернулся и жестом пригласил Джека снова встать рядом. Заключив их обоих в круг, он снова обратился к узору.

Когда все слова прозвучали, рисунок под их ногами вспыхнул. Джек пытался не смотреть на ярко сиявшие линии и изгибы, но его взгляд попал в ловушку узора и начал его отслеживать.

Он уже не мог бороться с апатией, узор овладел его разумом, и все остальное исчезло. Джек как будто двигался вместе с ним, был его частью…

Кто-то толкнул его, и он упал.

Джек стоял на коленях в ярко освещенном помещении, и какие-то люди — множество людей — над ним потешались. Нет.

Те, кто повторял его движения, были просто другими версиями Джека.

Он потряс головой, чтобы она прояснилась, и понял, что окружен зеркалами и ярким светом.

Джек встал, глядя на запутанную перспективу. Он находился рядом с центром большого многостороннего помещения. Все стены были зеркалами, как и многочисленные грани выгнутого потолка и сияющего пола. Джек не смог найти источник света. Быть может, тот находился внутри зеркал. По правую руку от него, посередине стены, стоял накрытый стол. Двинувшись к нему, Джек осознал, что идет по наклонной плоскости, хотя и не ощущает дополнительной нагрузки на мышцы и ничто не тревожит его чувство равновесия. Он ускорил шаг, прошел мимо стола и продолжил двигаться по прямой — во всяком случае, так ему казалось. Стол сначала очутился у него за спиной, а потом над головой. Но после нескольких сотен шагов снова появился перед ним. Джек повернул направо и повторил свое путешествие — результат оказался таким же.

Здесь не было ни окон, ни дверей. Был стол, была кровать, были разбросанные по различным плоскостям помещения стулья с приставными столиками. Казалось, он находился внутри

огромного сверкающего самоцвета. Отражения и отражения отражений Джека мерили шагами бесконечность, и всюду, куда бы он ни посмотрел, сиял свет. И нигде не было ни единой тени.

Джек присел на ближайший стул, и его отражение взглянуло на него снизу.

«Ты стал пленником того, кто уже однажды тебя убил, — подумал Джек. — Вне всякого сомнения, рядом с его местом силы, в клетке, построенной именно для тебя. Плохо. Плохо».

Неожиданно комната будто ожила. Одно-единственное движение отразилось в бесконечности зеркал, а потом все снова застыло. Джек огляделся, пытаясь отыскать результат столь бурной активности.

Говядина, хлеб, вино и вода стояли на столе, что висел над ним.

Поднявшись на ноги, Джек почувствовал легкое прикосновение к своему плечу, быстро обернулся, и Повелитель Нетопырей улыбнулся ему и поклонился.

— Обед подан, — сказал он, указывая в сторону стола.

Джек кивнул, вместе с ним подошел к столу, сел и начал наполнять тарелку.

— Как тебе нравятся твои покои? — спросил

Повелитель Нетопырей.

— Я нахожу их весьма забавными, — ответил Джек. — Среди прочего я заметил, что тут нет окон и дверей.

— Да.

Джек начал есть. Его аппетит был подобен пламени, которое никак не удавалось погасить.

— Известно ли тебе, что после своего путешествия ты ужасно выглядишь?

— Да, известно, — ответил Джек.

— Позднее я прикажу, чтобы тебе доставили ванну и принесли свежую одежду.

— Благодарю.

— Никаких проблем. Я хочу, чтобы тебе было комфортно во время, несомненно, весьма продолжительного периода восстановления.

— Насколько продолжительного? — осведомился Джек.

— Кто знает? Оно может занять годы.

— Понятно.

«Если я нападу на него со столовым ножом, — подумал Джек, — сумею ли убить? Или сейчас он слишком силен для меня? И, если мне повезет, смогу ли я отсюда выбраться?»

— Где мы? — спросил Джек.

Повелитель Нетопырей улыбнулся.

— О, мы находимся здесь, — сказал он, коснувшись своей груди.

Джек в недоумении нахмурился.

— Я не…

Повелитель Нетопырей расстегнул тяжелую серебряную цепь, которую носил на шее и на которой висел ослепительно сверкающий драгоценный камень. Потом склонился вперед и вытянул руку.

— Взгляни на него, Джек, — сказал он.

Джек коснулся камня кончиками пальцев, взвесил его на ладони, покрутил.

— Ну, стоило бы его украсть? — спросил Повелитель Нетопырей.

— Почти наверняка. Какой это камень?

— На самом деле это вовсе не камень. Это комната, в которой мы сидим. Обрати внимание на форму.

Джек так и сделал, несколько раз переведя взгляд с камня на стены и обратно.

— Да, его форма повторяет очертания комнаты…

— Они идентичны. Иначе быть не может, ведь они суть одно.

— Я не понимаю…

— Возьми его в руки. И поднеси к глазам. Заг-

ляни внутрь.

Джек поднял камень, закрыл один глаз, прищурился и вгляделся.

— Внутри… — сказал он. — Внутри я вижу крошечную копию этой комнаты.

— Поищи стол.

— Я его вижу! И еще нас, сидящих за ним. И я… изучаю камень — этот камень!

— Превосходно! — Повелитель Нетопырей зааплодировал.

Джек вернул камень, и Повелитель Нетопырей поднял его, держа за цепь.

— А теперь смотри, — сказал он.

Он переместил к камню свободную руку и сжал его в кулаке.

Наступила темнота, но почти сразу исчезла, когда он убрал руку.

Затем он вытащил из-под плаща свечу, вставил ее в канделябр на столе, зажег и поднес камень к огню.

В комнате стало тепло, даже жарко. А еще через несколько мгновений жар стал гнетущим, и Джек почувствовал, как у него на лбу выступили капли пота.

— Достаточно! — сказал Джек. — Нет никакой нужды нас поджаривать!

Повелитель Нетопырей погасил свечу и опустил камень в кувшин с водой. В комнате сразу же воцарилась прохлада.

— Где мы? — повторил Джек свой вопрос.

— Я ношу нас на шее, — сказал Повелитель Нетопырей, вернув цепь с камнем на прежнее место.

— Хороший фокус. И где ты сейчас?

— Здесь.

— Внутри камня?

— Да.

— Который ты носишь на шее.

— Очевидно. Да, это очень хороший фокус. Мне не потребовалось много времени, чтобы его разработать и воплотить. В конце концов, я, несомненно, талантливейший среди волшебников — несмотря на то, что самые драгоценные из моих манускриптов, связанных с Искусством, были украдены много лет назад.

— Какая досадная потеря, — заметил Джек. — Я полагал, что ты охраняешь столь ценные документы с особой тщательностью.

— Их хорошо охраняли. Однако начался пожар. Во время суматохи вор сумел забрать манускрипты и скрыться в тени.

— Понятно, — сказал Джек, доедая последний

кусок хлеба, и сделал глоток вина. — Вора удалось поймать?

— О да. Его казнили. Но я с ним еще не закончил.

— В самом деле? — сказал Джек. — И каковы твои планы?

— Я намерен свести его с ума, — сказал Повелитель Нетопырей, покачивая бокал с вином.

— А если он уже сошел с ума? Разве клептомания — это не душевное расстройство? — поинтересовался Джек.

Повелитель Нетопырей покачал головой.

— Не в его случае, — сказал он. — Здесь речь идет о гордости. Ему нравится обманывать сильных, присваивать их имущество. Судя по всему, так он подпитывает свое самомнение. И, если подобное желание является душевным расстройством, тогда им страдает большинство из нас. Однако *его* желание часто бывает удовлетворено. Он добивается успеха благодаря тому, что обладает некоторой силой, а также хитер и безжалостен в ее применении. Я получу большое удовольствие, наблюдая, как он деградирует до полного безумия.

— Чтобы потешить *свои* гордость и самомнение? — полюбопытствовал Джек.

— Частично. Кроме того, так я отдам должное богу Правосудия и окажу услугу обществу в целом.

Джек рассмеялся. Повелитель Нетопырей в ответ лишь улыбнулся.

— И как ты собираешься добиться желаемого результата? — спросил наконец Джек.

— Я посажу его в тюрьму, откуда невозможно сбежать, где ему будет совершенно нечего делать — только существовать. Периодически я стану внедрять сюда различные элементы, а потом их забирать — элементы, которые со временем начнут занимать его все сильнее, вызывая периоды депрессии и приступы ярости. Я сломаю его самодовольную уверенность, выкорчевав гордость, из которой она произрастает.

— Да, теперь я понимаю, — сказал Джек. — Складывается впечатление, что ты давно к этому готовился.

— Даже не сомневайся.

Джек отодвинул опустевшую тарелку, откинулся на спинку стула и посмотрел на множество отражений, которые его окружали.

— Я полагаю, теперь ты скажешь, что твой кулон может быть потерян во время океанского путешествия, похоронен, сожжен или скормлен

свиньям.

— Не скажу, поскольку ты сам об этом подумал.

Повелитель Нетопырей поднялся и небрежно указал вверх, в сторону какой-то точки у них над головой.

— Я вижу, что, пока мы ужинали, тебе приготовили ванну, — сказал он, — и чистую одежду. Я покину тебя, чтобы ты смог ими воспользоваться.

Джек кивнул и встал.

Из-под стола послышался удар, за ним последовало невнятное бормотание и пронзительный вопль. Джек почувствовал, как кто-то схватил его за щиколотку, а в следующее мгновение рухнул на пол.

— Не сметь! — закричал Повелитель Нетопырей, поспешно огибая стол. — Назад, я сказал!

Десятки летучих мышей вырвались из-под его плаща и метнулись в сторону того, что находилось под столом. Оно заверещало от ужаса, еще сильнее сжало щиколотку Джека, и ему показалось, что его кости сейчас превратятся в порошок.

Он поднялся и медленно наклонился. После чего даже боли стало недостаточно, чтобы

справиться с параличом отвращения, которое наполнило Джека при виде представшего ему зрелища.

Безволосая конечность была белой, блестящей, покрытой неровными синими отметинами. Повелитель Нетопырей лягнул ее, и Джек почувствовал, что щиколотка освободилась; но прежде чем конечность отдернулась и скрестилась с другой, защищая голову, ему удалось увидеть перекошенное лицо.

Существо выглядело как нечто, стремившееся стать человеком, но так и не достигшее этой цели. На него наступили, искорежили его, проделали дыры в тошнотворном тесте похожей на опухоль головы. Сквозь прозрачную плоть туловища виднелись кости, короткие ноги были толстыми, как деревья, и заканчивались лапами в форме диска, с которых, точно корни или черви, свисали десятки длинных пальцев. Его руки были длиннее, чем все его тело. Это был раздавленный слизняк, создание, замороженное и растаявшее прежде, чем его обожгли в печи. Это был…

— Это Боршин, — сказал Повелитель Нетопырей, протягивая руки к визжащему существу, которое, казалось, не могло решить, кого боится больше — летучих мышей или их хозяина, — и

продолжало биться головой о ножки стола, пытаясь увернуться от всех сразу.

Повелитель Нетопырей сорвал подвеску с шеи и с проклятием швырнул в уродца. Существо тут же исчезло, оставив небольшую лужу мочи на том месте, где корчилось. Летучие мыши скрылись в складках плаща Повелителя Нетопырей, который улыбнулся Джеку.

— Что, — сказал Джек, — такое Боршин?

Повелитель Нетопырей некоторое время разглядывал свои ногти.

— Уже давно ученые со Светлой стороны пытаются создать искусственную жизнь, — сказал он. — До сих пор все их старания не приносили результата. Я решил добиться успеха при помощи магии там, где наука оказалась бессильна, — продолжал он. — После долгих экспериментов я предпринял попытку претворить этот план в жизнь. И потерпел неудачу — точнее, добился успеха лишь наполовину. Ты сейчас видел то, что у меня получилось. Я отправил мертвого гомункула в Навозные ямы Глайва, но однажды он ко мне вернулся. Я не могу поставить его оживление себе в заслугу. Этому каким-то образом поспособствовали силы, которые возрождают нас в том месте. Я не думаю, что Боршин по-настоящему

жив — в общепринятом смысле этого слова.

— Это один из тех элементов, которые ты имел в виду, когда говорил, что они будут мучить твоего пленника?

— Да, потому что я научил его двум вещам: бояться меня и ненавидеть моих врагов. Однако сегодня он пришел сюда без моего дозволения. У него свои способы появляться и исчезать, хотя я не думал, что он в состоянии проникнуть сюда. Мне придется углубиться в эту проблему.

— А он тем временем сможет проникать сюда, когда пожелает? — спросил Джек.

— Боюсь, что так.

— В таком случае могу ли я позаимствовать у тебя оружие? — спросил Джек.

— Я сожалею, но мне нечего тебе одолжить.

— Понятно, — сказал Джек.

— А теперь мне пора уходить. Наслаждайся ванной.

— Одну секунду, — сказал Джек.

— В чем дело? — спросил Повелитель Нетопырей, поглаживая подвеску.

— У меня тоже есть враг, для которого я измышляю страшное возмездие. Я не стану сейчас утомлять тебя деталями, скажу лишь, что моя месть будет превосходить твою.

— Неужели? Мне было бы интересно знать, что ты придумал.

— Я позабочусь о том, чтобы ты узнал.

Оба улыбнулись.

— Что ж, до встречи.

— До встречи.

Повелитель Нетопырей исчез.

Джек забрался в ванну и долго лежал в тепловатой воде. На него вдруг навалилась вся усталость, что накопилась за время путешествия, и он с огромным трудом встал, вытерся и подошел к постели, чтобы рухнуть на нее. Он чувствовал себя таким измученным, что не мог даже как следует ненавидеть или планировать побег.

Он заснул и видел сны.

Ему снилось, что он держит в руках Великий Ключ Колвинию, ключ к Хаосу и Созиданию, и с его помощью отпирает небо и землю, море и ветер, а затем приказывает им обрушиться на Хай-Даджен и его хозяина со всех сторон света. Ему снилось, как рождается пламя, и Темный лорд остается в его сердце навсегда, точно муравей в янтаре, но живой, неспящий и чувствующий. Наслаждаясь этим, Джек внезапно услышал стук Мировой Машины. Он застонал и закричал от такого знамения, а на стенах бесконечное число

Джеков металось на пропитанных потом простынях.

Глава 5

Джек сидел на стуле возле постели, вытянув перед собой ноги, скрестив лодыжки и сцепив руки под подбородком. Он был одет в костюм шута с красными, белыми и черными ромбами; носы тапочек цвета вина загибались кверху — бубенчики он оторвал, и теперь из них торчали нитки. Шутовской колпак Джек отправил в ночной горшок.

«В любой момент, — подумал он. — Надеюсь, Боршин не явится вслед за ним».

Остатки его тридцать первой трапезы в этом месте — завтрака — все еще стояли на столе. Температура воздуха была чуть ниже комфортной. С момента пленения Боршин посещал Джека трижды, неожиданно возникая в помещении, — пускал слюни и пытался его схватить. Всякий раз Джек оборонялся от него стулом и как можно громче кричал; вскоре неизменно появлялся Повелитель Нетопырей, который прогонял отвратительное существо, сопровождая свои действия чрезмерными извинениями за причиненные неудобства. После первого такого визита Джек не мог нормально спать, зная, что Боршин может

объявиться в любой момент.

Еда возникала на столе регулярно, всякий раз оказывалась самой обычной, и Джек поглощал ее автоматически, думая о других вещах. Потом ему не удавалось вспомнить, что именно он ел, впрочем, такого желания у него и не возникало.

«Теперь уже скоро», — подумал он.

Он делал упражнения, чтобы не потерять форму. Ему удалось восстановить часть утраченного веса. Джек боролся со скукой, планируя и отбрасывая самые разнообразные варианты побега и мести. Потом он вспомнил слова Розали и окончательно решил, что будет делать дальше.

Казалось, воздух начал мерцать, затем где-то рядом раздался звук, словно кто-то щелкнул ногтем по кубку.

А в следующее мгновение перед Джеком возник Повелитель Нетопырей, и на этот раз он не улыбался.

— Джек, — сразу заговорил он, — ты разочаровываешь меня. Что ты пытаешься сделать?

— Прошу прощения?

— Ты только что завершил какое-то слабое заклинание. Неужели ты действительно думаешь, что я не замечу, как ты применяешь Искусство в Хай-Даджене?

— Только в том случае, если применение будет успешным, — ответил Джек.

— Но нет никаких сомнений, что оно оказалось неудачным. Ты все еще здесь.

— Очевидно.

— Ты не в силах разрушить эти стены или пройти сквозь них.

— Да, я уже понял.

— Тебе не кажется, что прошедшее время ложится тебе на плечи тяжким бременем?

— До некоторой степени.

— В таком случае пора ввести дополнительный элемент в твою среду обитания, — заявил Повелитель Нетопырей.

— Ты не упоминал, что у тебя есть еще один Боршин.

Повелитель Нетопырей рассмеялся; откуда-то появилась летучая мышь, несколько раз облетела вокруг его головы и повисла на цепочке, которую он носил.

— Нет, я имел в виду кое-что другое, — заверил Джека Повелитель Нетопырей. — Мне интересно: как долго ты сможешь сохранять чувство юмора?

Джек пожал плечами, рассеянно стирая следы сажи с правого указательного пальца.

— Дай мне знать, когда выяснишь, — ответил Джек.

— Могу обещать, что ты будешь одним из первых.

Джек кивнул.

— Я был бы признателен, если бы ты воздержался от дальнейших попыток применения магии, — сказал Повелитель Нетопырей. — В этой чрезвычайно напряженной атмосфере у них могут быть крайне неприятные последствия.

— Я буду иметь это в виду, — пообещал Джек.

— Превосходно. Извини, что помешал. Теперь ты можешь вернуться к своим обычным занятиям. Прощай.

Джек не ответил — он остался в одиночестве.

Через некоторое время в комнате появился дополнительный элемент.

Сообразив, что он больше не один, Джек поднял глаза, увидел ее медные волосы и полуулыбку и в первые несколько мгновений даже поверил.

Потом он встал, шагнул к ней, шагнул в сторону, рассмотрел гостью с нескольких ракурсов.

— Очень хорошая работа, — сказал он наконец. — Передай мои комплименты твоему создателю. Ты замечательная имитация моей леди Ивен из Неприступной Крепости.

— Я не имитация, и я не твоя леди, — сказала она с улыбкой и сделала реверанс.

— В любом случае ты принесла мне свет, — сказал он. — Могу я предложить тебе сесть?

— Благодарю.

Усадив ее, Джек принес себе другой стул и поставил слева от нее. Устроившись поудобнее, он искоса посмотрел на гостью.

— А теперь разъясни мне твою загадку, — сказал Джек. — Если ты не моя Ивен и не копия, созданная моим врагом, чтобы внушить мне тревогу, тогда что ты такое? Или, если выразиться более деликатно, кто ты такая?

— Я Ивен из Неприступной Крепости, дочь Лорет и Полковника, Который Никогда Не Умирал, — сказала она, продолжая улыбаться; и только тогда он заметил, что с ее шеи свисает серебряная цепочка со странным драгоценным камнем, по форме напоминающим его камеру. — Но я не *твоя* леди, — закончила она.

— Он проделал очень хорошую работу, — сказал Джек. — Даже голос идеален.

— Я могу почти пожалеть бродячего Владыку несуществующей Теневой Обители, — сказала она. — Джека-Лжеца. Ты так хорошо знаком со всеми формами подлости, что тебе становится все труднее видеть правду.

— Теневая Обитель *существует*! — возразил он.

— В таком случае тебе незачем приходить в возбуждение при ее упоминании, не так ли?

— Он хорошо тебя обучил, существо. Смеяться над моим домом — все равно что смеяться надо мной.

— Именно такими и были мои намерения. Но я не создание того, кого ты называешь Повелителем Нетопырей. Я его женщина. И знаю его тайное имя. Он показал мне мир в сфере. Из залов Хай-Даджена я видела все, что есть в этом мире. И знаю, что нигде нет такого места, как Теневая Обитель.

— Мой дом видел лишь я, — заявил Джек, — ведь он всегда скрыт в тени. Это великолепный просторный дворец с высокими залами, где горят факелы, с подземными лабиринтами и бесчисленными башнями. Одной стороной он

обращен к свету, другой — к темноте. Его украшает множество напоминаний о величайших кражах в истории. В Теневой Обители хранятся предметы необычайной красоты и неизмеримой ценности. В коридорах ее танцуют тени, а грани бесчисленных самоцветов сияют ярче солнца другой половины мира. Вот место, над которым ты насмехаешься: такова Теневая Обитель, и рядом с ней крепость твоего хозяина подобна свинарнику. Верно, иногда там бывает одиноко, но настоящая Ивен придаст ей блеск своим смехом, осенит ее своим изяществом, и Теневая Обитель сохранит свое великолепие даже после того, как мое возмездие отправит твоего хозяина в окончательную тьму.

Она аплодировала беззвучно.

— Ты делаешь все, чтобы напомнить мне, как твои слова и страсть убеждали меня прежде, Джек. Однако теперь я вижу, что, когда ты говоришь о Теневой Обители, твои слова звучат слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я долго тебя ждала, а потом узнала, что ты был обезглавлен в Иглесе. И все же я твердо решила дождаться твоего возвращения. Но мой отец рассудил иначе. Сначала я думала, что им руководит желание заполучить Адское Пламя. Однако я ошибалась.

Он с самого начала понял, что ты бродяга, хвастун и лжец. Я рыдала, когда он обменял меня на Адское Пламя, но полюбила того, кому меня отдали. Мой Повелитель добр, в то время как ты безрассуден, он умен, а ты всего лишь хитер. Его крепость существует на самом деле, и она одна из самых могучих на земле. Он обладает всеми качествами, которых нет у тебя. Я люблю его.

Некоторое время Джек разглядывал ее лицо, с которого исчезла улыбка, а потом спросил:

— Как он завладел Адским Пламенем?

— Человек моего господина выиграл его в Иглесе.

— И как звали того человека? — спросил Джек.

— Квазер, — ответила она. — Квазер стал чемпионом Адских Игр.

— Эта информация достаточно бесполезна, чтобы ее могли доверить иллюзии, — заметил Джек, — если она вообще правдива. Тем не менее мой враг чрезвычайно щепетилен и основателен. Прости, но я не верю, что ты настоящая.

— Вот пример ослепляющего эгоизма, который не позволяет тебе увидеть очевидное.

— Нет. Я знаю, что ты не настоящая Ивен, а лишь вещь, посланная для того, чтобы меня помучить, потому что настоящая Ивен, моя Ивен,

не стала бы судить меня в мое отсутствие. Она дождалась бы, пока я не отвечу на все обвинения, выдвинутые против меня.

Она отвернулась.

— И снова хитрые слова, — наконец заговорила она. — Но они ничего не значат.

— А теперь ты можешь идти, — сказал он, — и передать своему хозяину, что потерпела неудачу.

— Он не мой хозяин! Он мой Повелитель и возлюбленный!

— …Или можешь остаться, если не хочешь уходить. Это не имеет ни малейшего значения.

Он встал, подошел к кровати, улегся и закрыл глаза.

Когда Джек снова их открыл, она исчезла.

Однако он заметил то, чего она не желала ему показывать.

«…Но я не стану поддаваться им, — решил Джек. — Какие бы доказательства они ни предлагали, я буду считать их фокусом. И прятать свое знание там же, где прячу чувства».

Через некоторое время он снова уснул, и ему снились яркие цвета будущего, каким он хотел его видеть.

После этого Джека надолго оставили в покое,

что его вполне устраивало.

Он чувствовал, что ему удалось не поддаться Повелителю Нетопырей — удалось победить в первой схватке за собственный рассудок. Периодически он посмеивался, когда расхаживал по стенам, потолку и полу — всем поверхностям камеры. Джек размышлял о своем плане и опасностях, которыми он грозил, о годах, которые могут уйти на его осуществление. Он ел. И спал.

В какой-то момент Джеку пришло в голову, что, хотя Повелитель Нетопырей вполне мог за ним наблюдать, когда ему вздумается, он, возможно, находится под постоянным присмотром. Ему тут же представилось, как слуги его врага передают необычный самоцвет своим сменщикам, и эта мысль засела у него в голове. Чем бы Джек ни занимался, его преследовало ощущение, что кто-то за ним следит. Он стал подолгу сидеть на одном месте, глядя на возможных наблюдателей за зеркалами, мог внезапно повернуться и сделать непристойный жест невидимым шпионам.

«Боги! А ведь у него получается! — однажды понял Джек, проснувшись и быстро оглядев комнату. — Он *действительно* меня достает! Я подозреваю, что он постоянно присутствует рядом, и это начинает выводить меня из равно-

весия. Но я отлично подготовился. Если только он предоставит мне лазейку, а все прочее останется неизменным, у меня есть шанс. Но чтобы у меня появилась эта лазейка, я должен вести себя настолько спокойно, насколько это возможно. Я должен перестать расхаживать и смотреть по сторонам, перестать бормотать.

Он лежал, открыв свою сущность, и ощущал отрезвляющий холод высоты.

После этого он взял за правило молчать и двигаться очень медленно. Подавить мелкие реакции оказалось труднее, чем он предполагал. Но все же он их подавлял, порой благодаря тому, что садился, переплетал пальцы и считал до тысячи и дальше. Зеркала показывали, что у него отросла длинная борода. Костюм шута засалился и изорвался. Джек часто просыпался в холодном поту, не в силах вспомнить кошмар, который его мучил. Но, хотя его разум иногда помрачался, он сохранял видимость нормальности внутри своей вечно освещенной зеркальной тюрьмы.

«Может быть, дело в колдовстве? — думал он. — Или это результат бесконечного однообразия? Вероятно, последнее. Думаю, я почувствовал бы его заклинания, хоть он и более сильный волшебник, чем я. Теперь уже скоро. Очень скоро. Он

придет ко мне. Он поймет, что тратит слишком много времени, чтобы вывести меня из равновесия. Возникнет обратный эффект. *Он* начнет испытывать тревогу. Теперь уже скоро. Скоро он появится».

Когда он пришел, Джек был предупрежден заранее.

Он проснулся и обнаружил полную ванну, вторую после его появления здесь, — сколько веков прошло с тех пор? — и свежую одежду. Он вымылся и примерил зелено-белый костюм. На этот раз он оставил колокольчики на тапочках и нацепил колпак под лихим углом.

Джек сел, переплел пальцы за головой и слабо улыбнулся. Он не позволит лицу выдать свою нервозность.

Когда воздух начал мерцать и Джек услышал протяжную ноту, он посмотрел в сторону звука и слегка кивнул.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответил Повелитель Нетопырей. — Как поживаешь?

— Я вполне оправился. Мне хотелось бы вскоре пуститься в путь, — сказал Джек,

— К вопросам здоровья следует относиться очень серьезно. Я уверен, что тебе все еще требу-

ется отдых. Но мы обсудим эту проблему позднее. Сожалею, что не мог проводить с тобой больше времени, — продолжал Повелитель Нетопырей. — Я был занят делами, которые требовали моего полного внимания.

— Ничего страшного, — ответил Джек. — Все усилия скоро пойдут прахом.

Повелитель Нетопырей изучил его лицо, словно искал следы безумия. Потом сел.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Джек развернул левую руку ладонью вверх.

— Когда всему настает конец, — сказал он, — все усилия идут прахом.

— А почему всему должен настать конец?

— Ты в последнее время обращал внимание на температуру, мой добрый Повелитель?

— Нет, — озадаченно ответил Повелитель Нетопырей. — Я довольно давно не покидал крепость во плоти.

— Возможно, тебе было бы полезно это сделать, — сказал Джек. — Или, еще лучше, открыть свою сущность для эманаций Щита.

— Я так и сделаю — когда буду один. Но небольшие протечки есть всегда. Те семеро, чье присутствие требуется, чтобы ее заблокировать, узнают и начнут действовать. Здесь нет повода для тре-

воги или дурных предчувствий.

— Повод есть, если один из семерых заперт и неспособен отреагировать, — сказал Джек.

Глаза Повелителя Нетопырей округлились.

— Я тебе не верю, — сказал он.

Джек пожал плечами.

— Я искал безопасное место, откуда мог бы перенестись, когда ты оказал мне свое… гостеприимство. Проверить это будет очень просто.

— И почему ты не сказал раньше?

— Почему? — повторил Джек. — Если мне суждено лишиться рассудка, какая мне разница, что станется с остальным миром — продолжит он свое существование или будет уничтожен?

— Это весьма эгоистичная позиция, — проговорил Повелитель Нетопырей.

— Это *моя* позиция, — сказал Джек и позвенел бубенцами.

— Пожалуй, мне следует пойти и проверить твою историю. — Повелитель Нетопырей вздохнул и встал.

— Я буду ждать тебя здесь, — пообещал Джек.

Повелитель Нетопырей привел его в высокий зал, который находился за железной дверью, и там освободил от пут.

Джек огляделся. В мозаиках на полу просмат-

ривались знакомые узоры, по углам был кучами навален камыш, на стенах висели темные гобелены, в центре зала стоял маленький алтарь, а возле него — столик с инструментами; воздух пах благовониями.

Джек сделал шаг вперед.

— Появление твоего имени в Книге Основ необычно, — сказал Повелитель Нетопырей, — поскольку то, что стояло над ним, было вымарано.

— Быть может, охраняющее божество передумало.

— Насколько мне известно, такого никогда не случалось прежде. Но, если ты один из семи избранных, так тому и быть. Однако выслушай меня перед тем, как ты отправишься исполнять Долг Щита.

Повелитель Нетопырей хлопнул в ладоши, и гобелены колыхнулись. В комнату вошла Ивен. Она встала рядом со своим Повелителем.

— Пусть твои силы и необходимы для исполнения долга, — сказал он Джеку, — не думай, что они равны моим, когда я пребываю в Хай-Даджене. Вскоре нам придется разжечь огонь, и появятся тени. Даже если я тебя недооценил, знай, что моя леди потратила годы на изучение

Искусства и необычайно талантлива в его применении. Она добавит свои умения к моим, если ты попытаешься что-то предпринять — за исключением того, ради чего я тебя сюда привел. И что бы ты ни думал — она *настоящая*.

— Я знаю, — сказал Джек. — Ведь имитация не может плакать.

— Когда ты видел, чтобы Ивен плакала?

— Можешь как-нибудь спросить у нее.

Она опустила глаза, когда Джек посмотрел на алтарь и шагнул вперед.

— Думаю, мне пора начинать. Пожалуйста, войдите в меньший круг, — сказал он.

Джек зажег угли в десяти жаровнях, которые выстроились тремя рядами — четыре в среднем, по три в крайних. Затем добавил в них ароматические порошки, и над пламенем начал подниматься дым разных цветов. После этого он подошел к дальней части алтаря и лезвием железного ножа начертил на полу узор. Он тихо заговорил, и тень его размножилась, потом вновь слилась воедино, задрожала, застыла в неподвижности, потемнела и протянулась через зал, точно бесконечная дорога на восток. Тень больше не шевелилась, несмотря на дрожание света, и стала такой темной, что появилось ощущение,

будто она обрела глубину.

Джек услышал, как Повелитель Нетопырей прошептал Ивен: «Мне это не нравится!» — и посмотрел в их сторону.

Стоя внутри круга, в мерцании светильников и клубящемся дыму, он сделался более темным, более зловещим и двигался все увереннее и точнее. Когда он поднял с алтаря маленький колокольчик и позвонил в него, Повелитель Нетопырей закричал:

— Остановись! — Но не покинул меньший круг, ощутив иное — напряженное, наблюдающее — присутствие, наполнившее зал.

— Ты прав в одном, — сказал Джек. — В Искусстве ты меня превосходишь. Я не настолько плохо соображаю, чтобы скрестить с тобой клинки сейчас. Особенно в месте твоей силы. Я хочу лишь на время тебя занять, чтобы обеспечить свою безопасность. Даже двоим таким, как ты, потребуется немало времени, чтобы изгнать призванную мной силу, — а после этого тебе придется заняться совсем другими вещами. Вот этой, например!

Джек схватил за ножку одну их жаровен и швырнул ее через весь зал. Горящий уголь попал на камыш, и тот загорелся, пламя коснулось гобелена, а Джек продолжал:

— Меня не призывали исполнять Долг Щита. С помощью щепок от стола, обугленных в пламени обеденной свечи, я изменил запись в Книге Основ. Именно это заклинание ты заметил.

— Ты осмелился нарушить Великий Договор и рискнуть судьбой мира?

— Именно, — ответил Джек. — Сумасшедшему мир не важен, а ты хотел свести меня с ума; а что касается Договора — так мне на него плевать.

— С этого момента и навсегда ты изгой, Джек. Отныне ты не можешь считать своим другом никого из обитателей Темной стороны.

— Я и не считал.

— Договор и его воплощение, Книга Основ, — это единственное, что все мы уважаем — и всегда уважали, — несмотря на разногласия, Джек. Теперь за тобой будут охотиться, пока не уничтожат тебя окончательно.

— Я уже чуть не был уничтожен — здесь, тобой. Таким образом я смог с тобой распрощаться.

— Я изгоню ту сущность, что ты призвал, и погашу устроенный тобой пожар. А потом подниму против тебя половину мира. С этих пор не жди ни мгновения покоя. И твой конец не будет счастливым.

— Ты убил меня, забрал мою женщину и сломил

ее волю, ты сделал меня своим пленником, носил меня на шее, натравил на меня своего Боршина. Знай, когда мы встретимся в следующий раз, не меня будут пытать и стараться свести с ума. У меня длинный список, и ты его возглавляешь.

— Да, мы еще встретимся, Джек из Тени, — возможно, через несколько мгновений. И тогда ты забудешь о своем списке.

— Ах да, твои слова о списках кое о чем мне напомнили. Разве тебе не интересно, чье имя я вычеркнул, чтобы внести свое в Книгу Основ?

— И чье же?

— Как ни странно, твое. Знаешь, тебе следует чаще выходить из дома. Если бы ты это делал, то заметил бы холод, проверил бы Щит и прочитал бы Книгу. И тогда ты исполнил бы свои обязанности по защите Щита, а я не стал бы твоим пленником. Всех этих неприятностей можно было избежать. Из того, что произошло, можно извлечь некоторую мораль. Например, такую: чаще упражняйтесь и дышите свежим воздухом.

— В таком случае ты бы достался барону или вернулся в Глайв.

— Не факт, — заметил Джек, оглянувшись. — Гобелен уже разгорелся, так что я могу двигаться дальше. Когда-нибудь — скажем, через сезон,

быть может, раньше — кто знает? — как только ты закончишь выполнять долг защитника Щита, — ты, несомненно, попытаешься меня найти. И пусть тебя не удивляет то, что сначала тебе это не удастся. Продолжай, не останавливайся. Когда я буду готов, мы встретимся. Я заберу у тебя Ивен. Я заберу у тебя Хай-Даджен. Я уничтожу твоих летучих мышей. Я позабочусь, чтобы ты раз за разом скитался между могилой и отбросами. А пока что — до свидания.

Он повернулся и зашагал по своей тени.

— Я не стану твоей, Джек, — услышал он голос Ивен. — Все, что я сказала раньше, правда. Я покончу с собой, но не стану твоей.

Он глубоко втянул в себя напоенный благовониями воздух.

— Посмотрим, — сказал он и шагнул в тень.

Глава 6

Небо светлело, а он, закинув за плечо мешок, упрямо шагал на восток. Воздух оставался холодным, змеи тумана вились в серой траве, долины и ущелья наполняла мгла, звезды пронзали призрачную пелену облаков, и ветерок с ближайшего горного озера влажно лизал каменистую землю.

Остановившись, Джек перебросил мешок на правое плечо, повернулся и посмотрел на Темную страну, которую покидал. Он прошел долгий путь, и прошел его быстро. И все же ему нужно было зайти еще дальше. С каждым шагом, на который он приближался к свету, способность его врагов влиять на него слабела. Вскоре они потеряют его. Но Джек не сомневался, что они будут его искать, они не забудут. Поэтому он делал то, что было необходимо, — он бежал. Он понимал, что будет скучать по Темным землям с их магией, жестокостью, чудесами и удовольствиями. Они поддерживали его жизнь, заключали в себе объекты его ненависти и любви. И он вернется, принеся с собой то, что удовлетворит обе его страсти.

Он повернул и продолжил путь.

Тени привели Джека к тайнику рядом с Сумеречными землями, где он прятал магические манускрипты, собранные за многие годы. Джек аккуратно упаковал их, чтобы взять с собой на восток. Он знал, что, добравшись до Сумеречных земель, сможет немного расслабиться, а когда оставит позади и их, угроза минует окончательно.

Джек поднялся на горы Реннзиал там, где кряж ближе всего подходил к Сумраку, и отыскал Паникус, самый высокий их гребень.

Поднявшись выше тумана, Джек увидел тусклые и далекие очертания Утренней Звезды, проступавшие на фоне Вечной Зари. Тот застыл на своей вершине, недвижный, обращенный лицом на восток. Человеку несведущему он показался бы фигурой, выточенной ветром на вершине Паникуса. И действительно, он более чем наполовину состоял из камня; торс его, напоминавший туловище кота, сливался воедино с горным массивом. Крылья Утренней Звезды аккуратно лежали на спине, и Джек знал — хотя и приближался к нему сзади, — что его руки по-прежнему скрещены на груди, левая поверх правой, и ветер не тревожит похожие на проволоку волосы и бороду, а лишенные век глаза все

еще неотрывно смотрят на восточный горизонт.

Тропы не было, и последние несколько сотен футов восхождения ему пришлось иметь дело с почти отвесной каменной стеной. Как всегда, поскольку тени здесь неизменно были густыми, Джек поднялся наверх так, словно шагал по горизонтальной поверхности. Перед тем как он добрался до вершины, вокруг него закричали ветры; но они не сумели заглушить голос Утренней Звезды, исходивший словно бы из глубин самой горы.

— Доброе утро, Джек.

Джек встал по левую руку от него и посмотрел высоко вверх, туда, где голову Утренней Звезды, черную, как ночь, которую он только что оставил за спиной, окружал нимб выцветающей тучи.

— Утро? — переспросил Джек.

— Почти. Здесь всегда почти утро.

— Где?

— Повсюду.

— Я принес тебе выпить.

— Я беру воду у туч и дождя.

— Я принес вино, взятое у винограда.

Огромный, покрытый шрамами от молний лик медленно повернулся к нему, рога склонились вперед. Джек отвел взгляд от немигающих глаз,

цвет которых не мог запомнить. Есть нечто ужасное в глазах, которые никогда не видят того, что им предназначено видеть.

Левая рука опустилась, и покрытая шрамами ладонь легла перед Джеком. Тот положил на нее мех с вином. Утренняя Звезда поднял его, осушил и бросил к ногам Джека, потом вытер рот тыльной стороной ладони, негромко рыгнул и вновь обратил взгляд на восток.

— Чего ты хочешь, Джек-Тень?

— От тебя? Ничего.

— Тогда зачем ты приносишь мне вино всякий раз, когда появляешься?

— У меня сложилось впечатление, что оно тебе нравится.

— Верно.

— Возможно, ты мой единственный друг, — сказал Джек. — У тебя нет ничего, что мне хотелось бы украсть. У меня нет ничего, что могло бы тебе пригодиться.

— Может быть, ты меня жалеешь, ведь я привязан к одному месту.

— Что такое жалость? — спросил Джек.

— Жалость — это то, что держит меня здесь, принуждая дожидаться рассвета.

— Тогда у меня ее нет, — сказал Джек, — ведь мне постоянно необходимо двигаться.

— Я знаю. Половине мира уже известно, что ты нарушил Договор.

— А они знают, почему я так поступил? — спросил Джек.

— Нет.

— А ты?

— Конечно.

— Откуда?

— По форме облака я знаю, что через три сезона мужчина в далеком городе поссорится со своей женой, знаю, что прежде, чем я закончу говорить, будет повешен убийца. В падении камня я вижу количество соблазняемых сейчас девственниц и движение айсбергов на другой стороне мира. По структуре ветра понимаю, куда ударит следующая молния. Я так долго, так пристально наблюдал, что стал частью всего происходящего на свете и теперь ничто от меня не скрыто.

— Ты знаешь, куда я направляюсь?

— Да.

— И что я там буду делать?

— Мне и это известно.

— Тогда расскажи, если знаешь, добьюсь ли я желаемого?

— Ты добьешься успеха в том, что затеял, но может статься, что к тому времени ты будешь желать другого.

— Я не понимаю тебя, Утренняя Звезда.

— Я и это знаю. Но так обстоят дела со всеми оракулами, Джек. Когда то, что предсказано, сбывается, вопрошающий уже не тот, кем был, когда задавал вопрос. Невозможно объяснить человеку, кем он станет с течением времени; и только для будущей личности пророчество действительно имеет смысл.

— Справедливое замечание, — сказал Джек. — Вот только я не человек. Я темноземелец.

— Все вы — люди, какую бы сторону мира ни называли домом.

— У меня нет души, и я не меняюсь, — заявил Джек.

— Ты меняешься, — возразил Утренняя Звезда. — Все, что живет, меняется или умирает. Твой народ холоден, но у вас теплый мир, полный магии, прелести и чудес. А светлоземельцам знакомы чувства, которых тебе не понять, однако их наука столь же холодна, как сердца твоего народа. И все же они оценили бы твою страну, если бы так сильно ее не боялись, а ты мог бы насладиться их чувствами, если бы не та же самая преграда. Но способность к этому скрыта в каждом из вас. Нужно лишь, чтобы страх уступил место пониманию, ведь вы суть зеркальные отражения друг друга. Так что не говори мне о душах, ведь ты ни

одной из них не видел, человек.

— Все именно так, как ты сказал, — я не понимаю.

Он уселся на скалу и, подобно Утренней Звезде, устремил взгляд на восток.

— Ты говорил мне, что ждешь здесь рассвета, — заговорил Джек, — чтобы увидеть, как солнце поднимается над горизонтом.

— Да.

— Я думаю, ты будешь ждать вечно.

— Такое возможно.

— А разве ты не знаешь? Мне показалось, что тебе известно все, — заметил Джек.

— Мне известно многое, а не все. Есть разница.

— Тогда скажи мне вот что. Я слышал, светлоземельцы утверждают, что ядро мира — это расплавленный демон, что температура увеличивается по мере того, как ты к нему спускаешься, что стоит пробить кору планеты, как наружу вырывается огонь, и из расплавленных минералов возникают вулканы. Однако я знаю, что вулканы — дело рук огненных элементалей, которые, если их потревожить, расплавляют землю вокруг себя и выбрасывают ее вверх. Они живут в маленьких полостях. И если спускаться под землю, минуя их обиталища, температура расти не будет. Про-

делав долгое путешествие, странник попадает в центр мира, который не расплавлен, — в нем находится Машина с огромными пружинами, как в часах, шестеренками, барабанами и противовесами. Мне известно, что это правда, потому что я хаживал в том направлении и побывал рядом с ней. Тем не менее у обитателей Светлой стороны есть способы продемонстрировать, что верна их точка зрения. Один человек едва меня не убедил, хотя я точно знал, что он ошибается. Как такое может быть?

— Вы оба были правы, — сказал Утренняя Звезда. — Вы описываете одну и ту же вещь, хотя никто из вас не видит ее правильно. Каждый описывает реальность в соответствии с тем, как управляет ею. Ведь, неуправляемая, она пугает вас. Поэтому иногда вы описываете ее как нечто непостижимое. В твоем случае это машина, в их случае — демон.

— Я знаю, что звезды — это жилища духов и божеств, некоторые из них дружелюбны, другие враждебны, а многие безразличны. Все они близки к нам, до них можно дотянуться. Они отвечают, если правильно к ним обратиться. Однако обитатели Светлой стороны говорят, что звезды находятся на огромном расстоянии и там

нет разумной жизни. Снова?..

— И снова два варианта восприятия реальности, и каждый из них верен, — ответил Утренняя Звезда.

— Но, если существуют два верных пути восприятия реальности, быть может, существует и третий? Или четвертый? Или столько, сколько существует людей, если уж на то пошло?

— Да, — сказал Утренняя Звезда.

— Но какой же тогда правильный?

— Все.

— Но увидеть мир таким, какой он есть, под всей этой шелухой! Возможно ли это?

Утренняя Звезда не ответил.

— Ты, — сказал Джек. — *Ты* видел реальность?

— Я вижу облака и падающие камни. Я чувствую ветер.

— Но благодаря им ты каким-то образом знаешь другие вещи, — заметил Джек.

— Я знаю далеко не все.

— Но видел ли ты реальность?

— Я… однажды… я жду восхода солнца. Вот и все.

Джек смотрел на восток, наблюдал за розоватыми облаками. Он прислушивался к падающим камням и чувствовал ветер, но для него в них не

было мудрости.

— Ты знаешь, куда я пойду и что буду делать, — сказал Джек через некоторое время. — Ты знаешь, что произойдет, и тебе известно, каким я стану через многие годы. Отсюда, со своей горы, ты все это видишь. Вероятно, ты знаешь даже, когда я умру окончательной смертью и как это произойдет. Из-за тебя моя жизнь кажется напрасной, мое сознание кажется лишь попутчиком в путешествии, не способным ничего изменить.

— Это не так, — сказал Утренняя Звезда.

— Я подозреваю, что ты говоришь так лишь для того, чтобы я не чувствовал себя несчастным.

— Нет, я говорю так из-за того, что на твоей жизни лежат тени, сквозь которые я ничего не могу разглядеть.

— Но почему?

— Возможно, потому, что наши жизни каким-то образом связаны. А то, что влияет на мое существование, всегда от меня скрыто.

— Ну, это уже что-то, — сказал Джек.

— …Или дело в том, что после того, как ты обретешь то, что ищешь, ты сам станешь непредсказуемым.

Джек рассмеялся.

— Это было бы приятно, — заметил он.

— Быть может, не так приятно, как тебе хотелось бы думать.

Джек пожал плечами.

— В любом случае у меня нет выбора: только дождаться и узнать.

Далеко внизу и слева — слишком далеко, чтобы слышать его непрерывный рев, — обрушивался с высоты в сотни футов и исчезал из вида за скалистым уступом водопад. А намного ниже вилась по равнине широкая река, уходившая в темный лес. Вдали на ее берегу поднимался над деревенькой дымок. На миг — Джек и сам не знал почему — ему вдруг ужасно захотелось пройтись по этой деревеньке, заглядывая в окна и дворы.

— Но почему, — спросил Джек, — Упавшая Звезда, что принес нам знания об Искусстве, не одарил ими и обитателей Светлой стороны?

— Возможно, — ответил Утренняя Звезда, — склонные к теологии обитатели Светлой стороны спрашивают, почему он не одарил темноземельцев пониманием науки. Какая разница? Я слышал, что ни то ни другое не являлось даром Павшего, а было создано людьми; он же наградил их всех разумом, который рождает собственные системы познания.

И тут, взмахивая огромными зелеными кры-

льями, с пыхтением, тяжело дыша, рядом с ними на скалу опустился дракон. Ветер скрыл шум его приближения. Дракон распластался на земле, выплевывая струи пламени, а через некоторое время поднял красные глаза-яблоки вверх.

— Привет, Утренняя Звезда, — сказал он вкрадчивым голосом. — Я надеюсь, ты не станешь возражать, если я отдохну тут немного. — Он присвистнул и изверг длинное пламя, осветив все вокруг.

— Ты можешь отдохнуть, — разрешил Утренняя Звезда.

Дракон заметил Джека и стал смотреть на него, не отводя взгляда.

— Я становлюсь слишком старым, чтобы летать над этими горами, — сказал он. — Но ближайшие овцы живут вон в той деревушке, с другой стороны.

Джек поставил ногу в тень Утренней Звезды и спросил:

— Тогда почему ты не переселишься на другую сторону?

— Меня тревожит свет, — ответил дракон. — Мне нужно темное логово. — Потом он повернулся к Утренней Звезде. — Он твой?

— Кто?

— Человек.

— Нет, он свой собственный.

— В таком случае я могу избавить себя от дальнего перелета, а заодно и очистить твой карниз. Он больше овцы, хоть и наверняка не такой вкусный.

Джек полностью переместился в тень, когда дракон выплюнул струю пламени в его сторону. Пламя исчезло, Джек вдохнул его — и направил на дракона.

Тот удивленно фыркнул и ударил себя крылом по внезапно заслезившимся глазам. В этот момент к нему подкралась тень и упала на его морду, что умерило желание дракона продолжать играть с огнем.

— Ты! — сказал он, глядя на фигуру, одетую в тени. — Я думал, ты обитатель Сумеречных земель, пришедший докучать дорогому Утренней Звезде. Но теперь я тебя узнал. Ты — то бесчестное создание, которое ограбило мою сокровищницу! Что ты сделал с украшенной бирюзой диадемой из бледного золота, четырнадцатью серебряными браслетами изумительной работы и мешком с двадцатью семью лунными слитками?

— Они стали частью *моей* сокровищницы, — ответил Джек, — а тебе, пожалуй, пора улетать.

Хотя ты больше куска баранины и наверняка не такой вкусный, я могу тобой перекусить.

Он снова выдохнул пламя, и дракон отпрянул.

— Прекрати! — вскричал он. — Дай мне еще немного отдохнуть, и я улечу.

— Сейчас! — сказал Джек.

— Ты жесток, человек тени. — Дракон вздохнул. — Хорошо.

Он встал, поддерживая равновесие своим длинным хвостом, и медленно, задыхаясь и ковыляя, приблизился к краю карниза.

— Ты отвратителен, — сказал он, обернувшись, а затем оттолкнулся лапами и исчез из виду.

Джек подошел к краю и посмотрел вслед падающему дракону. Когда у него возникло ощущение, что тот вот-вот разобьется насмерть на горном склоне, дракон расправил крылья, и его подхватил поток воздуха; падение прекратилось, и он заскользил в сторону лесной деревни на берегу реки.

— Интересно, какая польза от разума, — проговорил Джек, — если он не меняет природы зверя.

— Этот дракон когда-то был человеком, — сказал Утренняя Звезда, — но жадность превратила его в то, чем он стал сейчас.

— Я знаком с этим явлением, — сказал Джек, —

ведь мне довелось некоторое время пробыть крысой.

— Однако ты преодолел свою страсть и снова стал человеком; возможно, через какое-то время с драконом произойдет то же самое. Благодаря своему разуму ты вычленил и превозмог те черты, которые делали тебя предсказуемым. Разум склонен менять личность. Почему ты не уничтожил дракона?

— В этом не было необходимости, — начал Джек. А потом рассмеялся. — Его туша провоняла бы тебе всю гору.

— Возможно, дело в том, что ты не видел смысла в убийстве, ведь ты не нуждался в еде, а он не представлял для тебя реальной опасности?

— Нет, — возразил Джек. — Ведь теперь меня можно считать ответственным за гибель овцы и лишение некоторых деревенских жителей будущей трапезы.

Джеку потребовалось несколько секунд, чтобы узнать новый, скрипучий, щелкающий звук. Утренняя Звезда скрежетал зубами. Хлестнул холодный ветер, свет на востоке потускнел.

— …Возможно, ты прав, — услышал Джек голос Утренней Звезды, тихий, словно тот обращался к кому-то другому, — относительно разума… — И

его огромная темная голова слегка опустилась.

Смущенный, Джек отвернулся. Его глаза проследили за стремительно пересекшей восточное небо справа налево белой немигающей звездой, которая всегда вызывала у него тревогу.

— Правитель этой звезды, — сказал Джек, — сопротивляется всем заклинаниям связи и ни с кем не вступает в контакт. Она движется не так, как другие, и намного быстрее. Она не мерцает. Почему?

— Это не настоящая звезда, а искусственный объект, который вывели на орбиту над Сумраком ученые Светлой стороны.

— Для чего?

— Его поместили там, чтобы он наблюдал за границей.

— Зачем? — спросил Джек.

— Они вас боятся.

— У нас нет никаких притязаний на Светлые земли.

— Я знаю. Но разве вы сами, по-своему, не следите за границей?

— Конечно следим.

— Зачем?

— Чтобы знать, что на ней происходит.

— И все?

Джек фыркнул.

— Если этот объект действительно находится над Сумеречными землями, он может подвергаться воздействию магии, а не только своих законов. Достаточно сильное заклинание окажет на него влияние. Когда-нибудь я его собью.

— Зачем? — спросил Утренняя Звезда.

— Чтобы показать, что моя магия сильнее их науки — ибо однажды так и будет.

— Если кто-то обретет преимущество, это станет катастрофой.

— Вовсе нет, если находиться на той стороне, которая его обретет, — заявил Джек.

— Однако ты готов воспользоваться их методами, чтобы усилить собственные возможности.

— Я готов на все, что послужит моим целям.

— Мне любопытно, чем все это закончится.

Джек подошел к восточной части карниза, перебрался через нее, нашел опору и посмотрел вверх

— Что ж, я не могу ждать здесь с тобой, пока взойдет солнце. Я должен его преследовать. Прощай, Утренняя Звезда.

— Доброго утра тебе, Джек.

Точно торговец, с мешком на плече, Джек направился в сторону света. Он прошел через

разрушенный город Дедфут, даже не взглянув на заросшие лианами святилища бесполезных богов — самую знаменитую его туристическую достопримечательность. На алтарях никогда не появлялось приношений, которые стоило бы украсть. Плотно замотав шарфом голову, Джек заспешил по знаменитой улице Поющих статуй. Каждая из этих статуй — поскольку те, кого они изображали, при жизни прославились своим индивидуализмом — запевала собственную песню, едва заслышав его шаги. Наконец, после долгого бега (а это была длинная улица), он оставил их позади, на время лишившись слуха и дыхания и приобретя взамен головную боль.

Опустив кулак, Джек осекся посреди проклятия, потому что ему не хватило слов. Он не мог призвать на эти пустынные руины такой катастрофы, которая их уже не посещала бы.

«Когда я стану править, все изменится, — решил он. — Я не позволю планировать города хаотично, чтобы результаты не оказывались вот такими».

Править?

Мысль пришла ему в голову незваной.

«А почему бы и нет? — спросил он себя. — Если я сумею обрести силу, которой ищу, почему

бы не обратить ее на достижение всего, чего я желаю? Когда я отомщу своим врагам, мне предстоит разобраться с теми, кто сейчас настроен против меня. Я с тем же успехом могу сделать это в качестве завоевателя. Я единственный, кто не нуждается в фиксированном месте силы. Я сумею победить других в местах *их* силы, как только овладею Колвинией, Утерянным Ключом. Должно быть, эта мысль была со мной с самого начала. Я награжу Розали, подсказавшую мне, что я должен сделать. И я добавлю еще кое-кого в свой список. После того, как разберусь с Повелителем Нетопырей, придет черед барона, а потом я позабочусь, чтобы Полковник, Который Никогда Не Умирал, поменял свое имя».

Его позабавило, что среди прочего он нес в своем мешке те самые манускрипты, что вызвали гнев Повелителя Нетопырей. Некоторое время он даже раздумывал, не обменять ли их на свою свободу. Единственная причина, по которой он этого не сделал, состояла в том, что Повелитель Нетопырей мог принять его предложение, а потом не отпустить его или — того хуже — сдержать слово. Возвращение однажды украденных вещей стало бы ужаснейшей потерей лица, какую Джеку доводилось переживать. Исправить это можно

было бы, лишь совершив то, к чему он стремился сейчас: отыскав силу, которая поможет ему добиться удовлетворения. Без манускриптов, конечно, сделать это было бы намного сложнее, и…

Джек почувствовал, что голова у него идет кругом. Да, он был прав в своем разговоре с Утренней Звездой. Сознание, подобно шуму двухсот статуй Дедфута, было источником разлада и противоречий, причиной головной боли.

Далеко справа снова появился спутник светлоземельцев. По мере того как Джек двигался вперед, мир обретал краски. Он увидел на далеких полях первые смутные пятна зелени. Тучи на востоке запылали ярче. Впервые за несколько веков Джек услышал, как запела птица, а отыскав ее взглядом на ветке, увидел яркое оперение.

«Это добрый знак, — подумал он позднее, — когда тебя встречают песней».

Джек затоптал костер, закидал его — вместе с костями и перьями — землей и зашагал вперед, навстречу дню.

Глава 7

Он почувствовал его медленное приближение где-то в середине семестра. Как, он и сам не понимал. Здесь он был так же ограничен в средствах восприятия, как и все остальные. И все же, двигаясь на ощупь, сворачивая, прячась, меняя направление, возвращаясь, оно его отыскало. Джек это знал. Что это было — он понятия не имел. Однако с недавних пор в подобных обстоятельствах он чувствовал, как оно подбирается все ближе.

Шагая по центральным улицам, где, несмотря на минувшие годы, выхлоп машин все еще казался ему гибельным, он прошел восемь кварталов от кампуса до «Убежища», мимо высоких зданий, окна в которых напоминали пробивки в перфокартах. Свернув, он оказался в районе, где по тротуарам катались банки из-под пива, а мусор вываливался из промежутков между домами. Люди с равнодушными лицами — у окон, на лестницах, в дверных проемах — глазели на него, когда он проходил мимо. Высоко у него над головой расколол воздух пассажирский лайнер, а еще выше навсегда застывшее солнце пыталось

пригвоздить его, лишенного тени, к раскаленному тротуару. Дети, игравшие возле открытого пожарного гидранта, застыли, чтобы на него посмотреть. Затем возникло лживое обещание ветерка, бульканье воды, хриплая жалоба птицы под свесом крыши. Он швырнул сигарету в канаву и увидел, как ее быстро уносит прочь. «Столько света, а у меня нет тени, — подумал он. — Странно, что никто этого до сих пор не заметил. Где, интересно, я ее оставил?»

В тех местах, где свет был тусклым, происходили перемены. Ему казалось, что некая составляющая то ли возникает в мире, то ли покидает его. Такова была природа потаенного ощущения глубинных связей, которое не возникало при полном свете дня. Вместе с ним приходили тонкие чувства и отдельные ощущения. Как если бы, несмотря на его глухоту к ним, тени все еще пытались взывать к Джеку. Благодаря этому он и понял, заходя в темный бар: то, что его ищет, подошло совсем близко.

Жар вечного дня исчез, когда он оказался в задней части «Убежища». В розовом сиянии отфильтрованного через стекло свечного света он увидел ее темные волосы с отдельными светло-каштановыми прядями. Пробираясь между

столиками, он почувствовал, что расслабляется, впервые с того момента, как покинул свою аудиторию.

Он проскользнул в кабинку, сел напротив нее и улыбнулся.

— Привет, Клэр.

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Джон! Ты постоянно так поступаешь, — сказала она. — Одно мгновение — и ты уже здесь.

Он продолжал улыбаться, изучая крупноватые черты ее лица, следы от очков, легкую припухлость вокруг глаз, упавшие на лоб прядки.

— Как торговец, — сказал он. — А вот и официант.

— Пиво.

— Пиво.

Оба вздохнули, откинулись на спинки стульев и посмотрели друг на друга.

Наконец она рассмеялась.

— Что за год! — провозгласила она. — Как я рада, что семестр закончился!

Он кивнул.

— Пока что это самый большой выпуск.

— А сколько книг никогда не вернется в библиотеку…

— Поговори с кем-нибудь в деканате, — посове-

товал он. — Передай им список должников…

— Выпускники не станут обращать внимания на счета.

— Когда-нибудь им понадобятся выписки, — проговорил Джек. — Когда они будут подавать запросы, высылай им отказы с уведомлением, что они ничего не получат, пока не заплатят штрафы.

Она наклонилась вперед.

— Какая хорошая идея!

— Конечно. Они сразу раскошелятся, если речь пойдет о потере работы.

— Ты выбрал не то призвание, когда занялся антропологией. Тебе следовало стать администратором.

— Я занимался тем, чем хотел, — ответил он.

— Почему ты говоришь в прошедшем времени? — спросила она.

— Не знаю.

— Что случилось?..

— Ничего, правда.

Но чувство не проходило. *Оно* было рядом.

— Твой контракт, — сказала она. — У тебя возникли проблемы?

— Нет, — ответил он. — Никаких проблем.

Принесли пиво. Он поднял бокал и отпил гло-

ток. Под столом его нога задела ногу Клэр. Она не отодвинулась: впрочем, она никогда не отодвигалась. «От меня или кого-то другого, — подумал Джек. — Хорошая любовница, но слишком сильно хочет выйти замуж. Она не скрывала от меня свое нетерпение весь семестр. Теперь уже в любой момент…»

Он отбросил эти мысли. Он мог бы на ней жениться, если бы встретил ее раньше, — у него не возникло бы сомнений, если бы пришлось оставить жену и отправиться туда, куда ему нужно. Но он познакомился с ней только в этом семестре, и финал был уже близко.

— А что с твоим творческим отпуском, о котором ты говорил? — спросила она. — Ты уже принял решение?

— Я не знаю. Все зависит от одного исследования, которое я сейчас провожу.

— И сколько тебе осталось?

— Я узнаю, когда получу доступ к компьютеру.

— Скоро?

Он посмотрел на наручные часы и кивнул.

– *Так* скоро? — удивилась она. — Если у тебя получится?..

Он закурил.

— Тогда уже в следующем семестре, — сказал

он.

— Но ты говорил, что твой контракт…

— …в полном порядке, — сказал Джек. — Но я его не подписал. Пока не подписал.

— Ты как-то упоминал, что не нравишься Квилиану.

— Так и есть, — кивнул Джек. — Он старомоден. Считает, что я провожу слишком много времени за компьютером и слишком мало — в библиотеках.

Она улыбнулась.

— Я тоже.

— В любом случае я слишком популярный лектор, чтобы мне не предложили продлить контракт.

— Тогда почему ты его еще не подписал? Ты хочешь получить больше денег?

— Нет, — ответил он. — Но, если я попрошу творческий отпуск, а он мне откажет, я с удовольствием скажу ему, куда он может засунуть свой контракт. Впрочем, я вполне могу его подписать, а потом уйти — если так будет нужно для моих… исследований. Но я очень повеселюсь, если у меня появится возможность сообщить доку Квилиану, в какое место ему следует отправиться вместе с контрактом.

Клэр отпила пива.

— Значит, ты близок к чему-то важному.

Он пожал плечами.

— А как твой семинар? — спросил он.

Она рассмеялась.

— Ты определенно стал занозой в заднице профессора Уизертона. Он потратил большую часть лекции, расчленяя твой курс «Обычаи и философия обитателей Темных земель».

— Мы расходимся по многим позициям, но он никогда не бывал на Темной стороне.

— Он утверждает, что и ты там не бывал. Он согласен с тем, что там феодальное общество и местные лорды, возможно, считают, будто обладают абсолютным контролем надо всем в своих владениях. Но он отрицает идею, что между ними заключен Договор, основанный на допущении, что небо упадет, если они не будут поддерживать некий Щит при помощи совместных магических действий.

— И что тогда сохраняет жизнь на той стороне планеты?

— Кто-то из зала задал такой вопрос, и он ответил, что это проблема для физиков, а не для социологов-теоретиков. Однако сам он считает, что дело в отводе тепла от наших силовых экра-

нов на больших высотах.

Джек фыркнул.

— Я бы хотел однажды взять его с собой в полевую экспедицию. А также его приятеля Квилиана.

— Я знаю, что ты бывал на Темной стороне, — сказала Клэр. — Более того, считаю, что твоя связь с ней гораздо сильнее, чем ты говоришь.

— Ты о чем?

— Если бы ты видел себя со стороны, ты бы понял. Мне потребовалось много времени, чтобы разобраться, но когда я заметила, *что* придает тебе странный вид в таких местах, как это, ответ стал казаться очевидным: твои глаза. Они более чувствительны к свету, чем любые другие из тех, что мне доводилось видеть. Как только ты уходишь со света и оказываешься в полумраке, как здесь, твои зрачки становятся огромными. Вокруг них остается лишь узкая полоска радужки. И еще я заметила, что солнечные очки, которые ты носишь, гораздо темнее обычных.

— У меня и правда проблемы с глазами. Они довольно слабые, и яркий свет их раздражает.

— Да, об этом я и говорю.

Джек улыбнулся в ответ.

Он затушил сигарету, и, словно это стало сигна-

лом, из динамика, расположенного над стойкой бара, полилась тихая, тошнотворная музыка. Он глотнул еще пива.

— Я полагаю, Уизертон сделал несколько замечаний и по поводу воскрешения тел?

— Да.

«А если я умру здесь? — подумал он. — Что со мной станет? Откажут ли мне в Глайве и возвращении?»

— Что-то не так? — спросила Клэр.

— Ты о чем? — уточнил Джек.

— У тебя раздуваются ноздри. И брови сошлись на переносице.

— Ты слишком много вглядываешься в лица. Причина в ужасной музыке.

— Мне нравится на тебя смотреть, — сказала она. — Но давай закончим и пойдем ко мне. Там я поставлю тебе что-нибудь другое. И у меня есть вещь, которую я хочу тебе показать, чтобы спросить твое мнение.

— Какая?

— Я бы предпочла подождать.

— Ладно.

Они допили пиво, и Джек расплатился. Они ушли, и предчувствия отступили, когда они оказались под ярким светом, который Джек про-

пускал сквозь себя.

Они поднялись по лестнице в ее квартиру, находившуюся на третьем этаже. Как только Клэр переступила порог, она замерла и издала какой-то тихий звук.

Джек протиснулся мимо нее внутрь, сразу свернул влево и остановился.

— Что такое? — спросил он, осматривая комнату.

— Я уверена, что оставляла квартиру совсем не в таком виде. Бумаги на полу… Кажется, этот стул стоял не здесь. А ящик письменного стола не был открыт. И дверь кладовки тоже…

Он вернулся к ней и изучил замок, пытаясь найти на нем царапины, — ничего. Тогда Джек пересек комнату, и, когда он вошел в спальню, она услышала звук, который мог быть только щелчком ножа.

Через мгновение он вернулся и скрылся в другой комнате, а оттуда перешел в ванную.

— Когда ты уходила, окно рядом с письменным столом было открыто? — спросил он, вернувшись.

— Кажется, да, — ответила Клэр. — Да, было.

Он вздохнул. Осмотрел подоконник, а потом сказал:

— Вероятно, порыв ветра сбросил со стола твои бумаги. Ну а что касается выдвинутого ящика и двери кладовки… готов спорить, что ты сама оставила их открытыми утром. И, скорее всего, забыла, что передвинула стул.

— Я привыкла держать все в порядке, — сказала Клэр, закрывая дверь на лестничную площадку; потом она повернулась и добавила: — Но, должно быть, ты прав.

— А почему ты так нервничаешь?

Она принялась расхаживать по квартире, поднимая разбросанные бумаги.

— Где ты взял нож? — спросила она у Джека.

— Какой нож?

Она захлопнула дверцу кладовки и бросила на него сердитый взгляд.

— Тот самый, который держал в руке минуту назад!

Он вытянул руки, потом повернул их ладонями вверх.

— У меня нет ножа. Если хочешь, можешь меня обыскать. Ты ничего не найдешь.

Клэр подошла к комоду и закрыла выдвинутый ящик. Наклонившись, открыла нижний и достала из него сверток в газетной бумаге.

— Это одна из причин, — сказала она. — Почему

я так нервничаю? Вот почему!

Она положила сверток на стол и развязала веревку.

Он встал рядом и смотрел, как она разворачивает газету. Внутри лежали три очень старые книги.

— Я думал, ты отнесла их на место!

— Я собиралась…

— Мы же договаривались.

— Я хотела узнать, где ты их добыл — и каким образом.

Он покачал головой.

— Мы также договаривались, что, если я их верну, ты не станешь задавать мне вопросы.

Она выложила книги одну рядом с другой, затем показала на корешок одной и обложку другой.

— Я уверена, что этого на них раньше не было, — сказала Клэр. — Ведь это следы крови, не так ли?

— Я не знаю, — ответил Джек.

— Я попыталась стереть самые маленькие пятна влажной тряпкой, и на ней совершенно определенно остались частицы засохшей крови.

Джек пожал плечами.

— Когда я сказала тебе, что эти книги украли из

футляров в Отделе редких книг, а ты предложил их вернуть, я ответила: «Хорошо», — продолжала она. — Я согласилась, если ты сумеешь их возвратить, позаботиться о том, чтобы никто не узнал про твое участие. Без вопросов. Но мне и в голову не приходило, что это приведет к кровопролитию. Впрочем, одни только пятна не заставили бы меня решить, что произошло именно это. Но потом я стала размышлять о тебе и поняла, как мало я знаю. И с этого момента стала замечать такие вещи, как твои глаза — и то, как бесшумно ты двигаешься. Я слышала, что ты поддерживаешь дружеские отношения с преступниками, — но ведь ты написал несколько статей по криминологии и прочел по ней курс лекций. Поэтому я посчитала, что здесь нет ничего странного. Но теперь увидела, как ты двигаешься по моим комнатам с ножом в руке, очевидно собираясь убить того, кто сюда проник. Ни одна книга не стоит человеческой жизни. Наше соглашение разорвано. Скажи мне, что ты сделал, чтобы их заполучить.

— Нет, — ответил Джек.

— Я должна знать.

— Ты разыграла эту сцену, чтобы посмотреть на мою реакцию, верно? — спросил Джек.

Она покраснела.

«Должно быть, теперь она попытается меня шантажировать, чтобы я на ней женился, — подумал он, — если считает, что сумеет раздуть из этого что-нибудь серьезное».

— Ладно, — сказал Джек, засовывая руки в карманы и глядя в окно. — Я нашел того, кто это сделал, и поговорил с ним. Возникло некоторое недопонимание, в результате чего у него оказался разбит нос. Ему не хватило манер, чтобы не закапать книги кровью. И я не смог ее всю оттереть.

— Вот как, — сказала Клэр; Джек повернулся и посмотрел ей в лицо.

— Это вся история.

Он шагнул вперед и поцеловал ее. Через некоторое время она расслабилась и прижалась к нему. Он помассировал ее спину и плечи, а потом опустил руки на ягодицы.

«Пожалуй, мне удалось ее отвлечь», — подумал он, и его руки двинулись обратно, подбираясь к пуговицам блузки.

— Извини, — выдохнула она.

— Все в порядке, — сказал он, расстегивая пуговицы. — Все в порядке.

Позднее, глядя на подушку сквозь полог волос Клэр и анализируя свою реакцию на то, что произошло, он вновь ощутил чуждое присутствие, и

на сей раз оно показалось ему настолько близким, словно за ним наблюдали. Джек быстро оглядел комнату, но ничего не заметил.

Прислушиваясь к шуму транспорта за окном, он решил, что ему пора заняться делами, — скажем, после того, как он выкурит сигарету.

В небе раздался сверхзвуковой хлопок, и окно задребезжало, словно кто-то внезапно в него постучал.

Неспешно собиравшиеся тучи частично закрыли солнце. Джек знал, что приехал слишком рано, поэтому припарковал свой автомобиль на стоянке факультета и достал тяжелый портфель из багажника. Там же лежали еще три тяжелые сумки.

Джек повернулся и зашагал в дальний конец кампуса. Он чувствовал, что должен продолжать двигаться, возможно, даже быть готовым бежать. В этот момент он вспомнил об Утренней Звезде, который наблюдал за скалами, тучами и птицами, чувствовал ветры, дожди и молнии, и задумался, известен ли тому каждый шаг Джека. Он подозревал, что это так, и сожалел, что не может сейчас посоветоваться со своим единственным другом. Знает ли Утренняя Звезда — быть может, уже давно, — чем закончится то,

что Джек собирается предпринять?

Листья и трава начали слегка светиться, как случается перед бурей. Было все еще тепло, но жару смягчил легкий ветерок с севера. Кампус практически опустел. Джек миновал группу студентов, которые сидели возле фонтана, делясь впечатлениями о только что сданном экзамене. Джеку показалось, что он узнал двоих — они слушали его курс «Введение в культурную антропологию» несколько семестров назад, — но они не посмотрели в его сторону.

Джек шел мимо корпуса Дрейка, когда вдруг услышал свое имя.

— Джон! Доктор Тенн!

Он остановился и увидел невысокую массивную фигуру молодого преподавателя Пойндекстера, возникшую в дверном проеме. Его также звали Джоном, но из-за того, что он был новеньким в их карточной компании, его стали называть по фамилии, чтобы не возникало путаницы во время разговора.

Джек заставил себя улыбнуться, когда тот подошел к нему, и кивнул в знак приветствия.

— Привет, Пойндекстер. Я думал, вы уже отправились на отдых.

— Мне осталось проверить еще несколько чер-

товых лабораторных экзаменов, — ответил тот, тяжело дыша. — Я решил выпить чашку чего-нибудь горячего и в ту минуту, когда захлопнул дверь своего кабинета, понял, какую ошибку совершил. Ключи я забыл на столе, а замок срабатывает автоматически. В здании никого больше нет, а деканат уже закрыт. Я стоял и ждал, когда мимо пройдет охранник, подумал, может, у них есть доступ к универсальному ключу. Вы видели где-нибудь охрану?

Джек покачал головой.

— Нет, я только что пришел. Но я знаю, что у охраны нет универсального ключа. Ваш кабинет находится в дальней стороне здания, верно?

— Да.

— Я не помню, как высоко он расположен, но, может быть, туда можно попасть через окно?

— Слишком высоко без лестницы — к тому же оба окна заперты.

— Давайте зайдем внутрь.

Пойндекстер провел тыльной стороной ладони по кирпично-красному лбу и кивнул.

Они прошли в дальнюю часть здания, Джек вытащил из кармана связку ключей и вставил один из них в замок двери, на которую указал Пойндекстер, затем повернул ключ; раздался

щелчок, и дверь открылась.

— Повезло, — сказал он.

— А как вы раздобыли универсальный ключ?

— Это не универсальный ключ, он от моего кабинета. Вот почему вам повезло.

На лице Пойндекстера расцвела желтоватая улыбка.

— Благодарю, — сказал он. — Огромное вам спасибо. Вы спешите?

— Нет, я приехал немного раньше, чем следовало.

— В таком случае я куплю нам что-нибудь в автомате. Я все еще хочу сделать перерыв.

— Давайте.

Джек зашел в его кабинет и поставил портфель за дверь, прислушиваясь к шагам Пойндекстера, которые стали удаляться и вскоре стихли.

Джек посмотрел в окно на собирающуюся грозу. Где-то зазвонил звонок.

Вскоре вернулся Пойндекстер и протянул Джеку стаканчик, над которым поднимался пар.

— Как ваша мать? — спросил Джек.

— Поправляется. Скоро ее выпишут.

— Передавайте ей привет.

— Обязательно. Благодарю. Как мило, что вы ее навестили.

Они сделали по глотку кофе.

— И *очень* удачно, что вы оказались здесь, — проговорил Пойндекстер. — Наверное, во всем кампусе только два кабинета с одинаковыми замками. Проклятье, я бы согласился встретиться и с призраком, если бы он меня впустил в мой кабинет.

— С призраком?

— Ну, вы же знаете. Последняя шутка.

— Боюсь, я ее не слышал.

— …Белое существо, которое якобы появляется среди деревьев и на крышах зданий.

— И когда это началось? — спросил Джек.

— Совсем недавно, конечно, — ответил Пойндекстер. — В прошлом семестре были мутагенные камни в геологическом корпусе. А до того, если память мне не изменяет, — афродизиак в автоматах с водой. Всегда нечто похожее. Видимо, конец семестра подобен концу света — всюду предвестья и слухи. В чем дело?

— Ни в чем, — ответил Джек. — Хотите закурить?

— Благодарю.

Джек услышал слабое блеянье грома, а неистребимый запах лабораторий вызвал у него неприятные воспоминания. «Вот почему я не

люблю это здание, — сообразил Джек. — Дело в запахе».

— Вы останетесь на следующий семестр? — спросил Пойндекстер.

— Думаю, нет.

— О, вам одобрили творческий отпуск. Мои поздравления!

— Не совсем так, — ответил Джек.

Пойндекстер с беспокойством посмотрел на него через толстые стекла очков.

— Вы ведь не увольняетесь?

— Это зависит от целого ряда обстоятельств.

— Пусть мои слова прозвучат эгоистично, но я бы хотел, чтобы вы остались.

— Благодарю.

— Но мы ведь не потеряем связь друг с другом, если вы уйдете?

— Конечно.

«Оружие, — подумал Джек. — Мне нужно кое-что получше, чем то, что у меня есть. Но его я попросить не могу. Однако хорошо, что я сюда зашел».

Он затянулся, глядя в окно. Небо продолжало темнеть, на стекле появилась влага.

Он допил кофе, выбросил пластиковый стаканчик в мусорную корзину, потом затушил

сигарету и встал.

— Мне пора, если я хочу добраться до Уокера прежде, чем польет.

Пойндекстер встал и пожал ему руку.

— Ну, если в ближайшее время увидеться нам не суждено, удачи вам.

— Благодарю. Кстати, ключи.

— Что?

— Ключи. Почему бы вам не взять их со стола и не положить в карман — так, на всякий случай?

Пойндекстер покраснел, взял ключи, положил их в карман и рассмеялся.

— Да, я бы не хотел оказаться в таком же положении во второй раз.

— Надеюсь, не окажетесь.

Джек забрал портфель, пока Пойндекстер зажигал свечи над письменным столом. В небе вспыхнула молния, затем прогремел далекий гром.

— Пока.

— До свидания.

Джек вышел и поспешно зашагал к корпусу Уокера, задержавшись лишь для того, чтобы проникнуть в лабораторию и украсть бутылочку с серной кислотой, поплотнее заткнув пробку.

Глава 8

Джек оторвал первые страницы компьютерной распечатки и разложил их на столе. Принтер продолжал работать, заглушая шум дождя.

Джек вернулся к нему и оторвал следующую страницу. Положив ее рядом с остальными, внимательно на них посмотрел.

Со стороны окна послышался скребущий звук, и он резко повернул голову, раздувая ноздри.

Ничего. Там ничего не было.

Джек закурил, бросил спичку на пол и принялся расхаживать по комнате. Посмотрел на наручные часы. В настенном канделябре мерцала свеча, воск стекал вниз. Джек подошел к окну и прислушался к ветру.

Дверь щелкнула, и Джек повернулся. В комнату вошел крупный мужчина, который посмотрел на Джека, потом снял темную шляпу, положил ее на стул рядом с дверью и провел ладонью по редеющим седым волосам.

— Доктор Тенн, — сказал он, кивая и расстегивая плащ.

— Доктор Квилиан.

Мужчина повесил плащ рядом с дверью, достал

носовой платок и начал вытирать очки.

— Как поживаете?

— Отлично, благодарю. А вы?

— Отлично.

Доктор Квилиан закрыл дверь, а Джек вернулся к принтеру и оторвал еще несколько страниц.

— Что вы делаете?

— Расчеты для статьи, о которой я вам рассказывал — кажется, пару недель назад.

— Понятно. Я лишь недавно узнал о вашей договоренности. — Он указал на принтер. — Всякий раз, когда кто-то отказывается от выделенного ему компьютерного времени, вы занимаете его место.

— Да. Я поддерживаю связь со всеми, кто находится в списке.

— В последнее время отказывались очень многие.

— Думаю, дело в гриппе.

— Ясно.

Джек глубоко затянулся, бросил сигарету и наступил на нее, когда принтер остановился. Повернувшись, он оторвал последнюю часть распечатки и отнес листы к остальным.

Доктор Квилиан последовал за ним.

— Могу я взглянуть на то, что вы распечата-

ли? — спросил он.

— Конечно, — ответил Джек и протянул ему листы.

— Я ничего не понимаю, — через некоторое время сказал Квилиан.

— Если бы вы поняли, меня бы это очень сильно удивило. Они трижды удалены от реальности, и мне предстоит перевести их для моей статьи.

— Джон, — сказал Квилиан, — у меня появились странные предчувствия относительно вас.

Джек кивнул и закурил следующую сигарету, прежде чем забрать распечатку.

— Если вам нужен компьютер, то я закончил, — сказал он.

— Я много о вас думал, — сказал Квилиан. — Как долго вы у нас работаете?

— Около пяти лет.

Со стороны окна вновь послышался какой-то шум, и оба повернули головы.

— Что это было?

— Я не знаю.

— Вы здесь делаете практически все, что хотите, Джон… — сказал Квилиан, поправляя очки.

— Вы правы. И я это ценю.

— Вы прибыли к нам с хорошими документами и показали себя экспертом по культуре Темной

стороны.

— Благодарю вас, — сказал Джек.

— Я не собирался делать вам комплимент, — заявил Квилиан.

— В самом деле? — Джек начал улыбаться, глядя на последнюю страницу распечатки. — И что же вы собирались сделать?

— У меня возникло странное чувство, что вы представили себя в ложном свете, Джон.

— В каком именно?

— В заявке на должность вы написали, что родились в Нью-Лейдене. Однако в городе нет записей о вашем рождении.

— Неужели? И как это стало известно?

— Доктор Уизертон недавно там побывал.

— Понятно. Это все?

— Если не считать того факта, что вы поддерживаете отношения с бандитами, а также есть сомнения относительно легитимности вашей степени.

— Снова Уизертон?

— Источник не имеет значения. В отличие от вывода. Я не верю, что вы тот, за кого себя выдаете.

— Почему вы выбрали именно сегодняшний вечер, чтобы озвучить свои сомнения? — осведо-

мился Джек.

— Семестр закончен, я знаю, что вы хотите уехать, и сегодня ваш последний сеанс с компьютером — если верить вашему запросу. Я хочу знать, что вы намерены забрать с собой и куда направитесь.

— Карл, — сказал Джек, — а если я и правда немного исказил информацию о себе? Вы уже признали, что я эксперт в своей области. Мы оба знаем, что я популярный лектор. И что бы там ни раскопал Уизертон — какая разница?

— У вас какие-то неприятности, Джек? Возможно, я могу вам помочь?

— Нет. Правда. Никаких неприятностей.

Квилиан пересек комнату и уселся на низкий диванчик.

— Я никогда не видел ни одного из вас вблизи, — сказал он.

— На что вы намекаете?

— На то, что вы не являетесь человеческим существом.

— И кем же я являюсь?

— Вы родились на Темной стороне. Верно?

— Почему вы так решили?

— Подобных вам существ полагается брать под стражу при определенных обстоятельствах, —

сказал Квилиан.

— Насколько я понимаю, если вы правы, то такие обстоятельства имеют место?

— Возможно, — ответил Квилиан.

— А возможно, и нет? Чего вы хотите?

— Сейчас я лишь хочу узнать, кто вы такой.

— Вы меня знаете, — сказал Джек, складывая бумаги и протягивая руку к портфелю.

Квилиан покачал головой.

— Из всего, что меня беспокоит в вашем случае, — сказал он, — особые основания для тревоги дает мне новый факт, который я узнал лишь недавно. Если допустить на мгновение, что вы — обитатель Темной стороны, перешедший на Светлую, то некоторые совпадения заставляют меня поднять вопрос о вашей личности. На Темной стороне мира обитает некий субъект, который, как мне казалось, имеет исключительно мифологическую природу. Мне интересно, не осмелился ли легендарный вор выйти на солнечный свет? И если да, то для чего? Возможно ли, что Джонатан Тенн является смертным эквивалентом Джека из Тени?

— А если и так? — спросил Джек, стараясь не смотреть в окно, где нечто закрывало собой большую часть тусклого света. — Вы намерены

меня арестовать? — спросил он, медленно перемещаясь влево, чтобы Квилиан повернулся в его сторону.

— Да, намерен.

Теперь Джек взглянул на окно, и к нему вернулось уже пережитое однажды отвращение, когда он увидел, что прижимается к стеклу.

— Значит, вы пришли с оружием? — спросил Джек.

— Да, — ответил Квилиан, вынимая из кармана небольшой пистолет и направляя его на Джека.

«Пожалуй, я могу бросить портфель и рискнуть получить одну пулю. В конце концов, это маленькое оружие. Тем не менее, если я выиграю время и подойду ближе к свету, в этом не будет необходимости».

— В таком случае странно, что вы пришли один, если у вас действительно такие планы. Даже если вы имеете право произвести арест на территории кампуса…

— Я не говорил, что пришел один.

— …Однако, если подумать, в этом нет ничего странного. — Джек сделал шаг к мерцающему свету. — *Я* говорю, что вы пришли один. Вам бы хотелось проделать все самому. Не исключено, что вы просто хотите убить меня без свидетелей.

Или получить всю славу за мое задержание. Я бы поставил на первый вариант, потому что вы, кажется, сильно меня ненавидите. Вот только я не понимаю за что.

— Боюсь, вы переоцениваете свою способность вызывать ненависть, как и мою склонность к насилию. Нет, я поставил власти в известность, и отряд, который должен вас арестовать, уже на пути сюда. Я лишь намерен задержать вас до их появления.

— Складывается впечатление, что вы дожидались самого последнего момента.

Квилиан свободной рукой указал в сторону портфеля.

— У меня есть подозрение, что после того, как ваш последний проект будет расшифрован, окажется, что он не имеет ни малейшего отношения к социальным наукам.

— Вы очень подозрительный человек. Существуют законы, запрещающие арест людей без доказательств, и вам это известно.

— Да, поэтому я и ждал так долго. Я уверен, что доказательство вы держите в руках, — и не сомневаюсь, что будут найдены и другие. Я заметил, что в тех случаях, когда речь идет о вопросах безопасности, законы совсем не так строги.

— Да, тут вы недалеки от истины, — ответил Джек, поворачиваясь так, чтобы его лицо залил свет. — Я Джек из Тени! — провозгласил он. — Хозяин Теневой Обители! Я Джек-Тень, вор, что ступает в молчании и тени! Меня обезглавили в Иглесе, и я воскрес в Навозных ямах Глайва. Я выпил кровь вампирши и съел камень. Я нарушитель Договора. Я тот, кто подделал имя в Красной Книге Основ. Я пленник драгоценного камня. Однажды я обманул Повелителя Хай-Даджена и вернусь, чтобы ему отомстить. Я враг моих врагов. Приди и схвати меня, дрянь, если ты любишь Повелителя Нетопырей или презираешь меня, ведь я назвал себя Джеком из Тени!

На лице Квилиана появилось недоумение, он никак не ожидал такой вспышки, и, хотя он открыл рот и попытался заговорить, возгласы собеседника заглушили его слова.

Окно разбилось; свеча погасла, и в комнату запрыгнул Боршин.

Квилиан повернулся и увидел в другом конце комнаты мокрую от дождя, покрытую ранами тварь. Он издал невнятный крик и застыл на месте, словно парализованный. Джек уронил портфель, отыскал флакон с кислотой, вытащил пробку, выплеснул содержимое на голову суще-

ства и, не останавливаясь, чтобы посмотреть на результат, подхватил портфель и метнулся мимо Квилиана.

Он оказался у двери еще до того, как существо испустило первый крик боли. Джек выскочил в коридор и запер за собой дверь, задержавшись лишь на мгновение, чтобы украсть плащ Квилиана.

Он спускался по наружной лестнице, когда прозвучал первый выстрел. За ним последовали другие, но Джек уже пересекал кампус, придерживая на плечах плащ и проклиная лужи, поэтому не услышал их. К тому же гремел гром. Вскоре до него донесся рев сирен.

Поглощенный грозовыми мыслями, Джек побежал.

Погода ему помогала, но одновременно и мешала.

Движение на улицах стало заметно медленнее, а к тому времени, как он оказался на открытом участке дороги, ее еще недавно сухая поверхность стала скользкой, и он не мог бежать так быстро, как ему хотелось. Темнота, опустившаяся на город, вынуждала автомобилистов покидать улицы при первой же возможности — а те, что сидели дома, там и оставались, в безопасном

сиянии множества свечей. Пешеходы исчезли, и Джек решил, что вполне может бросить свою машину и без проблем обзавестись новой.

Выбраться из города оказалось совсем не сложно, а вот опередить грозу — намного труднее. Складывалось впечатление, что они с Джеком двигались в одном направлении, по маршруту, который он наметил и запомнил заранее как быстрый и не слишком очевидный путь, позволявший вернуться в темноту. При любых других обстоятельствах он бы радовался исчезновению солнца, которое сначала обжигало, а потом покрыло загаром его непокорную кожу. Но теперь темнота замедляла его бегство, а он сейчас не мог допустить аварии. Автомобиль заливала вода, раскачивал ветер, вспышки молний высвечивали очертания города, который Джек покидал.

Полицейские фонари на дороге заставили его неохотно сбросить скорость, и Джек начал искать съезд с шоссе. Он вздохнул и едва заметно усмехнулся, когда ему жестом велели проезжать мимо места столкновения трех машин, откуда к раззявленной пасти «Скорой помощи» несли на носилках мужчину и женщину.

Джек включил радио, но услышал только помехи. Тогда он закурил и приоткрыл окно. Изредка

ему в щеку ударяли капли дождя, но воздух был прохладным и уносил дым прочь. Джек глубоко дышал, стараясь расслабиться, — он только сейчас понял, в каком напряжении находился.

Прошло довольно много времени, прежде чем гроза стала успокаиваться, на смену ей пришел легкий дождик, а небо отчасти прояснилось. Теперь Джек ехал по открытой местности, охваченный одновременно облегчением и мрачными предчувствиями, которые появились между проклятиями во время его бегства.

«Чего я добился?» — спросил себя Джек, думая о годах, проведенных на Светлой стороне.

Он потратил немало времени, чтобы разобраться в новых для себя областях, получить необходимые документы и овладеть основами преподавания. Потом встал вопрос о том, чтобы найти работу в университете, имевшем необходимые ему средства обработки данных. В свободное время он научился ими пользоваться, а затем — выдумывать проекты, позволявшие делать это, не вызывая подозрений. Потом ему пришлось перебрать все имевшиеся в его распоряжении исходные данные, связанные с действительно интересующими его вопросами, организовать информацию и придать ей соответствующую

форму. На это ушли годы, и ему пришлось столкнуться с целым рядом неудач.

Однако на этот раз Джек был так близок к цели, что уже чувствовал ее вкус и запах. На этот раз он знал, что вплотную подошел к ответам, которые его интересовали.

А теперь он спасался бегством, прихватив портфель, полный бумаг, которые не успел изучить. Не исключено, что он вновь потерпел неудачу и возвращается в земли своих врагов без оружия. Если так, то он лишь отсрочил свою судьбу. И все же Джек больше не мог оставаться на Светлой стороне — ведь теперь у него и здесь появились враги. Он задумался, не кроется ли в том, что с ним происходит, какой-то таинственный урок, доступное, но пропущенное им откровение, которое рассказало бы ему о нем самом больше, чем о его врагах. Если и так, Джек его не уловил.

Еще совсем немного… Жаль, что ему не хватило времени, чтобы все проверить, заново сформулировать и перепрограммировать, если потребуется. Но его время вышло. Теперь он не мог вернуться и заточить меч, если тот окажется тупым. А ведь были еще и другие, личные проблемы, которые он предпочел бы разрешить лучшим образом. К примеру, Клэр…

Позднее дождь прекратился, хотя небо все еще полностью скрывали угрожающие тучи. Он рискнул увеличить скорость и снова попробовал включить радио. Всплески помех еще возникали, но музыки все-таки было больше, чем треска, и он не стал его выключать.

Когда начались новости, Джек спускался по крутому склону горы, и, хотя ему показалось, что он услышал свое имя, звук стал слишком тихим, чтобы можно было сказать наверняка. Кроме него, на дороге никого не было, но Джек принялся постоянно оглядываться назад и всматриваться в каждый перекресток. Его приводило в ярость то, что у смертных все еще имелся хороший шанс остановить его прежде, чем он обретет силу. Въезжая на высокий холм, Джек заметил на горизонте слева завесу дождя и несколько слабых вспышек молнии — таких далеких, что он не услышал грома. Продолжая изучать небеса, он понял, что в них нет движения, и поблагодарил за это Короля Бурь. Закурив следующую сигарету, он нашел другую станцию, где звук был лучше, и стал ждать новостей. Когда они начались, его имя не упоминали.

Джек подумал о том далеком дне, когда он стоял возле дождевой лужи и обсуждал свое

тяжелое положение с собственным отражением. Он попытался увидеть того, мертвого, себя — уставшего, худого, замерзшего, голодного, со стертыми ногами и въевшейся в тело вонью. Все эти раздражители исчезли, осталось лишь легкое чувство голода, едва ли сравнимое с прежними ощущениями — тогда он был близок к полному истощению. И все же, на самом ли деле мертво то его прежнее «я»? Что изменилось? Тогда он бежал с Западного полюса, пытаясь сохранить жизнь, ускользнуть от преследователей и добраться до Сумеречных земель. Сейчас убегал с яркого Восточного полюса, но тоже в Сумеречные земли. Тогда им двигали ненависть и немного любовь; в сердце горела месть, согревая и поддерживая. Они никуда не делись и сейчас. Он обрел знания об искусстве Светлой стороны и ее науке, но это никак не изменило того, кто стоял возле лужи; он стоял там до сих пор, внутри у Джека, и мысли их совпадали.

— Утренняя Звезда, — сказал он, опуская стекло и обращаясь к небесам, — раз уж ты слышишь все, услышь и это: я совсем не изменился с того момента, когда мы с тобой беседовали в последний раз.

Он рассмеялся.

— Хорошо это или плохо? — Эта мысль пришла ему в голову неожиданно. Джек поднял стекло и задумался над собственным вопросом. Он не любил самоанализ, но всегда был любознательным.

Джек видел перемены в людях, происходившие за то время, что он находился в университете. Они были особенно заметны в студентах, причем свершались за очень короткое время — в период между зачислением и выпуском. Однако его коллеги также в некоторой степени менялись, становились другими отношения и чувства. Он один оставался прежним. «Может быть, это что-то базовое? — пытался понять Джек. — И является частью фундаментального различия между обитателями Темной стороны и Светлой? Они меняются, а мы — нет. Важно ли это? Наверное, вот только я не понимаю чем. У нас нет нужды меняться, но складывается впечатление, что для них это необходимо. Почему? Возможно, дело в продолжительности жизни? В другом к ней подходе? Наверное, в том и в другом. Да и вообще, какая польза в переменах?

Он съехал на обочину пустынной дороги после следующего выпуска новостей. На этот раз по радио сказали, что его разыскивают, чтобы допросить в связи с убийством.

Джек развел небольшой костер и бросил в него все документы, что были у него с собой. Пока они горели, он открыл портфель и положил в бумажник другие документы, которые приготовил несколькими семестрами ранее. А затем разбросал пепел.

Потом Джек разорвал плащ Квилиана на несколько кусков и отправил в овраг, где журчала мутная вода. Вернувшись к машине, он решил, что ее следует еще раз поменять, и как можно скорее.

Джек снова выехал на шоссе и взглянул на ситуацию с учетом последних данных. Боршин убил Квилиана и ушел, несомненно, тем же путем, каким явился, — через окно. Властям известно, зачем Квилиан отправился в университет, а Пойндекстер подтвердит, что Джек присутствовал в кампусе, и расскажет, куда он пошел. Клэр, как и многие другие, даст показания, что они с Квилианом друг друга недолюбливали. Вывод становился очевидным. Хотя он убил бы Квилиана, если бы такая необходимость возникла, Джека возмущала мысль, что его могут казнить за преступление, которого он не совершал. Сложившаяся ситуация напомнила ему о том, что случилось в Иглесе, и он рассеянно потер шею.

Несправедливость происходящего терзала его.

Быть может, обезумевший от боли Боршин думал, что убивает Джека, или просто защищался, понимая, что тому удалось сбежать. Насколько серьезные ранения он получил? Джек ничего не знал о регенеративных способностях твари. Неужели Боршин и сейчас продолжает искать след, по которому шел так долго? Послал ли его Повелитель Нетопырей, приказав найти Джека, или он действовал по собственной воле, наученный ненавидеть его? Джек содрогнулся и прибавил скорость.

«Когда я вернусь, все это не будет иметь значения», — сказал он себе.

Однако сомнения его не оставляли.

Проехав ближайший город насквозь, он сменил автомобиль на окраине и устремился на нем к Сумеречным землям, к тому месту, где пела когда-то яркая птица.

Он долго сидел на вершине холма, скрестив ноги, и читал. Его одежда покрылась пылью, под мышками появились пятна пота, под ногтями собралась грязь, веки норовили опуститься, и он с трудом их поднимал. Джек постоянно вздыхал и делал записи на полях бумаг, которые изучал. Тусклые звезды сияли над горами на западе.

Он бросил последнюю машину за много лиг к востоку от этого холма и пошел пешком. Мотор ее уже какое-то время глох и стучал, а потом машина остановилась и категорически отказалась двигаться дальше. Теперь Джек знал, что миновал то место, где между соперничающими Силами царило перемирие, и, спотыкаясь, побрел в темноту, взяв с собой только портфель. Ему всегда больше нравились высокие места. За все путешествие он спал лишь однажды; и хотя сон был глубоким и крепким, без сновидений, Джек ненавидел свое тело за каждое потраченное на него мгновение и поклялся себе больше не спать, пока не покинет места, находящиеся под властью людей. Теперь, когда это произошло, ему осталось сделать всего одну вещь перед тем, как он позволит себе отдохнуть.

Нахмурившись, Джек переворачивал страницы, находил то, что искал, делал пометки на полях и возвращался к исходным записям.

Кажется, все верно. Кажется, почти все сходится…

Прохладный ветерок пробежал по вершине холма и принес с собой запахи дикой природы, которые Джек успел забыть в городах людей. Теперь же на ускользающий сон походили резкий

свет вечного дня, запахи и звуки города, ряды студенческих лиц в аудитории, скучные собрания, монотонное гудение машин и оскорбительно яркие цвета. Сейчас обо всем этом напоминали только страницы в его руках. Джек вдохнул вечер, и обратный перевод, который он сделал на основе распечаток, вдруг предстал у него перед глазами и ускорил движение мыслей, точно внезапно понятое стихотворение.

Да!

Его глаза обратились к небесам и отыскали скользящую по ним белую немигающую звезду.

Джек вскочил, забыв об усталости. Правой ногой быстро начертил на земле узор. Затем наставил палец на спутник и прочитал слова, написанные на листах, которые держал в руках.

Мгновение ничего не происходило.

Потом спутник остановился.

Джек продолжал молча указывать на него пальцем, спутник стал ярче и начал увеличиваться.

Потом вспыхнул, точно падающая звезда, и исчез.

— Новое знамение, — сказал Джек и улыбнулся.

Глава 9

Когда про́клятое существо ворвалось в Хай-Даджен, оно промчалось по комнатам в поисках своего повелителя. Наконец обнаружив его у находившегося в центре восьмиугольной комнаты ртутного бассейна, куда тот бросал серу, существо привлекло его внимание и повисло на вытянутом пальце. И сообщило, по-своему, новость, которую принесло.

Его повелитель повернулся, совершил странное действие с куском сыра, свечой и пером, после чего покинул комнату.

Он удалился в высокую башню и оттуда долго смотрел на восток. Затем резко повернулся и стал изучать единственный другой подход к своей крепости — северо-западный.

Да, и там тоже! Невозможно!

Если, конечно, это не иллюзия.

Он поднялся по лестнице, закручивавшейся против часовой стрелки вдоль стены, распахнул люк и выбрался наружу. Потом, задрав голову, вгляделся в огромную черную сферу и яркие звезды вокруг, понюхал ветер. Опустив глаза, посмотрел на раскинувшуюся перед ним мас-

сивную крепость, Хай-Даджен, воздвигнутый его силой вскоре после того, как он был создан на вершине этой горы. Когда он понял разницу между созданным и рожденным и обнаружил, что его сила сосредоточена в этой точке пространства, он впитал ее из корней горы, притянул к себе вихрем с небес, засиял, словно поглотивший молнию громоотвод, и занялся творением сам. Он решил, что, если его сила пребывает здесь, значит, это место должно стать его домом и твердыней. Так и произошло. Те, кто желал причинить ему зло, умирали, выучив таким образом урок, или рассекали вечную тьму на кожистых крыльях до тех пор, пока не заслуживали его снисхождения. Он хорошо заботился об этих последних, и, вновь обретя человеческий облик, многие из них предпочитали остаться у него в услужении. Другие Силы, по-своему, в своих сферах, столь же могучие, как и он, почти не доставляли ему проблем после того, как были установлены подобающие границы.

Чтобы кто-то осмелился выступить против Хай-Даджена теперь… Нет, немыслимо! Только глупец или безумец на такое способен.

Однако там, где прежде их не было, возвышались горы — или их видимость. Он отвел взгляд

от своего дома и принялся изучать далекие очертания. Его тревожило, что он не может отыскать внутри самого себя таких громадных сил, какие потребовались бы, задумай он создать хотя бы иллюзию гор в своих владениях.

Услышав шаги на лестнице, он обернулся. Из люка показалась Ивен, выбралась наружу и подошла к нему. Она была в свободном, заколотом на левом плече серебряной брошью черном одеянии с короткой юбкой, перетянутой на талии ремнем. Когда он ее обнял и привлек к себе, Ивен задрожала, чувствуя, как токи силы расцветают в его теле; она знала, что он предпочитает обходиться без слов.

Он указал на гору, на которую смотрел, — потом на другую, на востоке.

— Да, я знаю, — сказала Ивен. — Мне рассказал посланец. Именно по этой причине я поспешила сюда. Я принесла твой жезл.

Она протянула ему черные шелковые ножны, сняв их с пояса.

Он улыбнулся и слегка покачал головой.

Левой рукой он снял с шеи цепочку с кулоном и поднял ее так, чтобы яркий самоцвет оказался перед ними.

Ивен почувствовала кружение сил, и на мгно-

вение ей показалось, что она падает в камень. Он рос, заполняя все ее поле зрения.

Затем он перестал быть драгоценным камнем, внезапно став северо-западной горой, воздвигшейся прямо перед ней. Долгое время Ивен не сводила взгляда с высокого серо-черного каменного купола.

— Она выглядит настоящей, — сказала она. — Она кажется такой… вещественной.

Молчание.

Затем, одна за другой, звезды на небе стали гаснуть, исчезая за горными пиками и склонами, и Ивен воскликнула:

— Она растет! — А затем: — Нет!.. Она движется, движется к нам.

Гора исчезла, и перед Ивен оказался кулон, каким он был на самом деле. Потом ее супруг повернулся и развернул ее вместе с собой — теперь оба смотрели на восток.

И вновь кружение, падение и рост.

Перед ними предстала восточная гора, похожая на нос огромного диковинного корабля. Ее озарял холодный свет, и она приближалась, вспахивая небо. У них на глазах вокруг нее взметнулись высокие пламенные крылья.

— На ней кто-то есть… — начала Ивен.

Но самоцвет разбился вдребезги, цепочка внезапно раскалилась докрасна, выпала из руки ее Повелителя и осталась лежать, дымясь, возле их ног. Ивен ощутила, как внезапно содрогнулось его тело, и отстранилась.

— Что произошло? — спросила она.

Он не ответил, но протянул руку.

— Что?

Он показал на жезл, и она подала его ему.

Он поднял жезл вверх, беззвучно призвал своих слуг и долго стоял, не шевелясь, пока не появился первый. Вскоре они уже окружили его — слуги, нетопыри.

Кончиком жезла он коснулся одного, и к его ногам упал мужчина.

— Господин! — воскликнул он и поклонился. — Что вам угодно?

Повелитель указал на Ивен, дожидаясь, когда мужчина поднимет глаза и повернет к ней голову.

— Явись к лейтенанту Квазеру, — сказала она, — он даст тебе оружие и объяснит, что следует делать.

Она посмотрела на своего Повелителя, и тот кивнул.

Затем он начал касаться жезлом остальных, и

они становились теми, кем были раньше.

Зонт из летучих мышей раскрылся над башней, и бесконечная на вид колонна более крупных существ проходила мимо Ивен, спускаясь вниз по лестнице.

Когда все они скрылись из виду, Ивен повернулась к востоку.

— Как много времени прошло, — сказала она. — Посмотри, насколько ближе она стала.

Она почувствовала руку на плече и повернулась, подняв лицо. Он поцеловал ее в глаза и губы, а потом отстранил.

— Что ты собираешься делать?

Он указал на люк.

— Нет, — сказала она. — Я не уйду. Я останусь и буду тебе помогать.

Он продолжал указывать.

— Ты знаешь, что это такое?

— Иди, — сказал он, или ей только показалось, что сказал. Ивен вспомнила об этом, стоя в своих покоях в северо-восточной части крепости, плохо понимая, что произошло после того, как это слово наполнило ее разум и тело. Она подошла к окну, но увидела лишь звезды.

Внезапно, каким-то образом, она все поняла.

И заплакала о мире, который они теряли.

Он уже знал, что они настоящие, потому что горы сокрушали все на своем пути, и он ощущал вибрацию от их движения внутри своего тела. Звезды говорили ему, что близятся плохие времена — долгое плохое время, — но он не нуждался в их советах. Он продолжал призывать силы, которые выстроили Хай-Даджен и должны были теперь его защитить. Он начал чувствовать себя как в те давние времена.

На вершине новой горы на востоке начал формироваться огненный змей, но он не мог оценить его размера. В прежние времена считалось, что такие Силы существуют. Но их обладатели умерли окончательной смертью, и Ключ был потерян. Он и сам его искал, как и большинство лордов. А теперь, похоже, кто-то достиг успеха там, где он потерпел поражение, — или древняя Сила пробудилась вновь.

Он смотрел, как змей обретает жизнь. Превосходная работа, оценил он. А потом проследил за тем, как змей поднимается в воздух и плывет к нему.

Начинается, сказал он себе.

Поднял жезл и вступил в сражение.

Прошло много времени, прежде чем змей пал, выпотрошенный и окутанный дымом. Он слиз-

нул пот, появившийся на верхней губе. Тварь оказалась сильна. Гора придвинулась еще ближе, и ее движение не замедлилось, пока они сражались.

«Теперь, — решил он, — я должен стать таким, каким был вначале».

Смадж расхаживал на своем посту у дверей главного зала Хай-Даджена, максимально медленно, чтобы не выдать свою тревогу пятидесяти с лишним солдатам, которые ждали его приказов. Пыль вокруг него оседала и вновь поднималась в воздух. Его солдаты испуганно вздрагивали всякий раз, когда где-то внутри крепости срывались со стены и с громким стуком падали на пол оружие или доспехи. Смадж посмотрел в окно и быстро отвел взгляд; снаружи все закрывала огромная масса, находившаяся уже совсем рядом. Грохот не умолкал, темноту пронзали неестественные крики. Подобные молнии призраки обезглавленных рыцарей, звери с человеческими головами, птицы со множеством крыльев мелькали у него перед глазами и тускнели, как и многое другое, не оставлявшее следа в памяти; однако никто из них не останавливался, чтобы на него напасть. Он знал, что скоро, очень скоро, все будет кончено, ведь нос горы приближался к

башне его господина.

Когда раздался оглушительный грохот, он упал и испугался, что пол под ним провалится. На стенах появились трещины; казалось, сама крепость сделала шаг назад. До него доносился шум рушащейся каменной кладки и ломающихся балок. Затем, через несколько ударов сердца, он услышал пронзительный крик над головой и последний удар — где-то во дворе слева. После этого были только пыль и тишина.

Он поднялся на ноги и приказал своему отряду построиться.

Протирая глаза от пыли, он огляделся по сторонам.

Все его солдаты лежали на полу, ни один не двигался.

— Встать! — крикнул он, потирая плечо.

После нескольких мгновений абсолютной неподвижности Смадж подошел к ближайшему мужчине и внимательно его осмотрел. Никаких ранений видно не было. Он отвесил ему легкую пощечину, но реакции не последовало. Смадж попытался привести в сознание другого, потом еще двоих. Бесполезно. Казалось, они едва дышали.

Обнажив клинок, он направился во двор слева. Вышел в него, кашляя от пыли.

Часть небесного свода закрывала ставшая неподвижной гора, двор усыпали обломки башни. Нос горы был разбит. Наступившая тишина казалась страшнее недавних грохота и скрежета. Призраки исчезли. Все застыло.

Смадж двинулся вперед и увидел оплавленные следы, как будто во дворе порезвились молнии.

Он остановился, когда заметил рядом с грудой камней распростертую фигуру. Потом бросился вперед и острием клинка перевернул тело.

Выронив оружие, он упал на колени, прижал к груди изуродованную руку и коротко всхлипнул. За спиной у него неожиданно затрещал огонь, и он почувствовал жар, но даже не пошевелился.

Потом до него донесся тихий смех.

Тогда он поднял голову и огляделся. Но никого не увидел.

Снова смех — откуда-то справа.

Там!

Среди теней на покосившейся стене…

— Привет, Смадж. Помнишь меня?

Он прищурился и потер глаза.

— Я… я не могу разглядеть…

— А вот я прекрасно вижу, как ты цепляешься за мясо.

Смадж осторожно опустил руку, поднял с земли

клинок и встал.

— Кто ты такой?

— Иди сюда и увидишь.

— Это все сотворил ты? — Он сделал скупой жест свободной рукой.

— Да.

— Тогда я к тебе приду.

Он подошел к фигуре и взмахнул клинком. Лезвие разрубило лишь воздух, и Смадж едва не потерял равновесие. Восстановив его, он нанес новый удар. И вновь его оружие не встретило сопротивления.

После седьмой попытки он заплакал.

— Теперь я узнаю тебя! Выйди из теней, и тогда посмотрим, что у тебя получится!

— Хорошо.

Возникло какое-то движение, и перед ним появился мужчина. На мгновение он показался Смаджу невероятно высоким, пугающим… и благородным.

Рука с клинком дрогнула, и рукоять вдруг загорелась. Смадж выпустил ее, и его противник улыбнулся, когда оружие упало между ними.

Смадж поднял руки, и им овладел паралич. Сквозь пальцы, подобные изогнутым веткам, он смотрел на лицо врага.

— Твое пожелание исполнено, — услышал Смадж его голос. — И получилось у меня неплохо. Определенно лучше, чем у тебя. Я рад новой встрече с тобой, — добавил он.

Смаджу захотелось плюнуть, но во рту у него пересохло, к тому же ему мешали собственные руки.

— Убийца! Зверь! — прокаркал он.

— Вор, — мягко возразил враг. — А еще волшебник и завоеватель.

— Если бы я мог двигаться…

— Ты сможешь. Подними клинок и отруби для меня пальцы ног твоей падали… по самую шею, разумеется.

— Я не стану…

— Отруби ему голову! Одним чистым, быстрым ударом — будто топором палача.

— Никогда! Он был достойным повелителем, добрым ко мне и моим товарищам. Я не стану осквернять его тело.

— Он не был достойным повелителем. Он был жестоким мучителем.

— Только для врагов — и они всегда того заслуживали.

— Однако теперь его сменил новый повелитель. И у тебя есть только один способ дать ему

клятву верности: принести голову прежнего.

— Я не стану так поступать.

— Слушай меня: сделать это добровольно — для тебя единственный способ сохранить свою жизнь в этом теле.

— Я не стану.

— Слова произнесены. Теперь тебе уже не спастись. И все же ты выполнишь мой приказ.

В следующее мгновение в тело Смаджа вошел чей-то чужой дух, и он понял, что наклоняется и поднимает клинок. Оружие обжигало руки, но он удержал его, поднял и повернулся.

С проклятиями и плачем он подошел к телу и взмахнул запевшим мечом. Голова откатилась на несколько футов, камни потемнели от крови.

— А теперь принеси ее мне.

Он поднял голову за волосы, держа ее на расстоянии вытянутой руки, и вернулся туда, где стоял мгновение назад. Его враг взял голову и принялся небрежно ею покачивать.

— Спасибо, — сказал он. — Выглядит неплохо. — Он поднял голову, внимательно рассмотрел и вновь покачал. — Совсем неплохо. Интересно, а что стало с моей старой головой? Не имеет значения. Я найду для этой хорошее применение.

— Теперь убей меня, — сказал Смадж.

— Сожалею, но мне придется отложить эту работу на потом. А пока ты можешь составить компанию тому, что осталось от твоего повелителя, разделив сон со всеми, кроме двоих.

Он указал на Смаджа, и тот рухнул на землю и захрапел; пока он падал, огонь погас.

Когда дверь распахнулась, Ивен даже не повернула головы.

После долгой паузы она услышала его голос и содрогнулась.

— Ты должна была знать, — сказал он, — что рано или поздно я за тобой приду.

Она не ответила.

— Ты ведь не забыла обещание, которое я тебе дал.

Она повернулась, и он увидел слезы на ее щеках.

— Значит, ты пришел, чтобы украсть меня? — спросила Ивен.

— Нет, — ответил он. — Я пришел, чтобы сделать тебя Госпожой Теневой Обители — моей Госпожой.

— Украсть меня, — повторила она. — У тебя нет другого способа заполучить меня теперь, и это твой любимый способ обретения того, чего ты желаешь. Но любовь украсть нельзя, Джек.

— Без этого я могу обойтись, — сказал он.

— Что теперь? Отправляемся в Теневую Обитель?

— Но ведь Теневая Обитель — здесь. Это место и есть Теневая Обитель, и я его никогда не покидал.

— Я знала, — сказала она очень тихо. — …И ты намерен править здесь, на его месте, на месте того, кто был моим Повелителем. *Что ты с ним сделал?* — прошептала она.

— А что он сделал со мной? Что я ему обещал? — спросил Джек.

— …И с остальными?

— Все спят, за исключением одного — он может тебя немного развлечь. Давай подойдем к окну.

Она молча подчинилась.

Он сдвинул в сторону штору и махнул рукой. Склонив голову, она посмотрела туда, куда он показал.

Внизу, на ровной площадке, которой, как она знала, не существовало раньше, двигался Квазер. Серый двуполый великан исполнял сложные па Адского Танца. Он несколько раз падал, поднимался на ноги и продолжал плясать дальше.

— Что он делает? — спросила Ивен.

— Он повторяет подвиг, благодаря которому

завоевал Адское Пламя. Его триумф будет продолжаться до тех пор, пока сердце или один из сосудов не лопнет, и тогда он умрет.

— Как ужасно! Останови его!

— Нет. Это не более ужасно, чем то, что он со мной сотворил. Ты обвинила меня в том, что я не выполняю обещаний. Что ж, я обещал ему отомстить и, как видишь, не нарушил своего слова.

— Откуда у тебя такая сила? — спросила она. — Ты не мог совершать подобные вещи, когда я… когда я тебя знала.

— Я владею Утерянным Ключом, — ответил он. — Колвинией.

— И как тебе удалось его добыть?

— Не имеет значения. Важно то, что я могу заставить горы ходить, а землю разверзнуться; могу призывать на помощь молнии и призраки. Могу уничтожить лорда в его месте силы. Я стал самым могучим существом Темного полушария.

— Да, — сказала она. — Ты правильно себя назвал: ты стал существом.

Он повернулся, чтобы посмотреть, как Квазер снова падает, а затем опустил штору.

Ивен отвернулась.

— Если ты проявишь милосердие ко всем, кто здесь остался, — наконец сказала она, — я буду

делать все, что ты захочешь.

Свободной рукой он потянулся к ней, словно хотел ее коснуться, но замер, когда услышал крик за окном. Джек улыбнулся и опустил руку.

«Слишком сладко», — решил он.

— Милосердие, как я узнал, есть то, в чем отказывают тем, кто более всего в нем нуждается, — сказал он. — Но, когда человек может сам его проявить, отказавшие ему начинают о нем умолять.

— Я уверена, — сказала Ивен, — что никто здесь не просил о милосердии для себя.

Она повернулась к нему и вгляделась в его лицо.

— Нет, — сказала она. — Здесь нет милосердия. Прежде в тебе было что-то благородное. Теперь оно исчезло.

— Как ты думаешь, что я намерен делать с Ключом после того, как отплачу своим врагам? — спросил он.

— Я не знаю.

— Я собираюсь объединить Темную сторону в единое государство…

— И править им будешь, конечно, ты.

— Конечно, потому что больше никто на это не способен, — сказал Джек. — И тогда начнется эра

справедливости и мира.

— Твоей справедливости. Твоего мира.

— Ты все еще не понимаешь. Я много об этом думал, и, хотя сначала я действительно искал Ключ только для того, чтобы отомстить своим врагам, потом мои мысли изменились. Я использую его, чтобы покончить с раздорами лордов и подарить благоденствие стране, которую создам.

— Тогда начни отсюда. Подари хоть немного благоденствия Хай-Даджену… или Теневой Обители, если тебе хочется так его называть.

— Что ж, я и вправду почти уже отплатил за то, что со мной сделали, — задумчиво сказал он. — И все же…

— Начни с милосердия, и, возможно, перед твоим именем будут благоговеть, — сказала она. — Откажись от него — и тебя наверняка станут проклинать.

— Может быть… — начал он, делая шаг назад.

Она оглядела его с головы до ног.

— Что ты прячешь под плащом? — спросила Ивен. — Должно быть, ты принес это, чтобы мне показать.

— Так, ерунда, — сказал он. — Я передумал, к тому же мне нужно еще кое-что сделать. Я вернусь позднее.

Но она быстро подошла к нему и распахнула плащ.

И пронзительно закричала, а он бросил голову, чтобы схватить ее запястья. В правой руке у нее был зажат кинжал.

— Чудовище! — закричала она и укусила его в щеку.

Джек напряг волю, произнес единственное слово, и кинжал превратился в темный цветок, который он резко поднес к ее лицу. Ивен ругалась, лягалась и плевалась, но через несколько мгновений ослабела, и ее глаза стали закрываться. Когда она начала засыпать, Джек перенес ее в кровать. Ивен продолжала вяло сопротивляться, но сил у нее уже не осталось.

— Говорят, власть может уничтожить в человеке все хорошее, — выдавила она. — Но тебе не нужно бояться. Даже без власти ты останешься тем, кто ты есть: Джеком-Злодеем.

— Так тому и быть, — сказал он. — И все же то, о чем я говорил тебе, произойдет, и ты будешь рядом со мной, чтобы стать этому свидетельницей.

— Нет, задолго до этого я покончу с собой.

— Ты покоришься моей воле и полюбишь меня.

— Ты никогда не прикоснешься к моему телу,

не сломишь моей воли.

— Сейчас ты уснешь, — сказал Джек, — а когда проснешься, мы будем совокупляться. Поначалу ты будешь сопротивляться, потом сдашься — сперва твое тело, затем — воля. Поначалу ты будешь лежать пассивно, но я стану навещать тебя снова и снова. И в конце концов ты сама придешь ко мне. Теперь спи, а я принесу в жертву Смаджа на алтаре его повелителя, а потом очищу это место от всего, что мне не нравится. Пусть тебе приснятся приятные сны. Тебя ждет новая жизнь.

Он ушел и сделал, как обещал.

Глава 10

После того, как он решил проблему границы с Дреккхеймом, покорив его земли, присоединив их к своим владениям и отправив барона в Навозные ямы, Джек переключил внимание на Неприступную Крепость, дом Полковника, Который Никогда Не Умирал. Уже очень скоро название этой твердыни перестало соответствовать истине, и Джек вошел в нее.

Они с полковником долго сидели в библиотеке, пили легкое вино и предавались воспоминаниям.

Наконец Джек коснулся деликатного вопроса о союзе Ивен с претендентом на ее руку, добывшим Адское Пламя.

Полковник, у которого на впалых щеках остались два симметричных шрама в форме полумесяцев, а волосы воронкой поднимались от переносицы, точно красный торнадо, кивнул своему кубку и опустил бледные глаза.

— Таково было… условие, — тихо сказал он.

— У меня сложилось впечатление, что условие было другим, — проговорил Джек. — Мне казалось, что вы дали поручение мне, а не вы-

двинули предложение, которое могли принять все желающие.

— Ты должен признать, что потерпел поражение. Поэтому, когда появился другой соискатель, способный заплатить за невесту нужную цену, я рассудил…

— Вы могли дождаться моего возвращения. Я бы украл Адское Пламя и принес вам.

— Но твоего возвращения пришлось бы ждать очень долго. Я не хотел, чтобы моя дочь стала старой девой, — сказал полковник.

Джек покачал головой.

— Должен признаться, сейчас я полностью доволен тем, как все закончилось, — продолжал полковник. — Ты сделался могущественным правителем, и тебе досталась моя дочь. Полагаю, она счастлива. А я могу наслаждаться Адским Пламенем. Мы все получили то, что хотели…

— Нет, — перебил его Джек. — Я полагаю, что вы с самого начала не хотели, чтобы я стал вашим зятем, и договорились с покойным Повелителем Хай-Даджена, как лучше всего разрешить сложившуюся ситуацию.

— Я…

Джек поднял руку.

— Я всего лишь высказал предположение и

не стану на нем настаивать. На самом деле мне неизвестно, что произошло или *не* произошло между вами — если не считать Ивен и Адского Пламени, — и мне все равно. Я знаю только результат. Учитывая это, а также тот факт, что вы теперь стали мне родственником, я позволю вам покончить с собой, не потеряв жизни от чужой руки.

Полковник вздохнул и улыбнулся, вновь подняв глаза.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Ты очень добр. Я опасался, что ты не дашь мне такой возможности.

Они сделали по глотку вина.

— Мне следует изменить имя, — сказал полковник.

— Пока нет, — ответил Джек.

— Верно; нет ли у тебя каких-нибудь вариантов?

— Нет. Однако я обдумаю это во время вашего отсутствия.

— Благодарю тебя, — повторил полковник. — Ты знаешь, я никогда не делал ничего подобного… быть может, ты порекомендуешь мне какой-нибудь способ?

Джек немного помолчал.

— Яд очень хорош, — сказал он. — Но его воздействие индивидуально и порой бывает весьма болезненным. Я бы сказал, что для ваших целей лучше всего будет лечь в теплую ванну и под водой перерезать себе вены. Вы практически не почувствуете боли. Как будто заснете.

— Тогда я так и сделаю.

— В таком случае, — сказал Джек, — позвольте дать вам несколько полезных советов.

Он протянул руку, взял полковника за запястье и повернул его так, что ладонь оказалась открытой. Затем достал кинжал.

— Итак, — заговорил он тоном лектора — казалось, он уже забыл эту часть своей жизни, — вам нужно помнить, что не стоит делать ошибок, свойственных любителям. — Используя лезвие как указку, он продолжал: — Не следует резать поперек — вот так. Образование сгустков крови может привести к пробуждению, и тогда придется начинать все заново. Возможно, даже несколько раз. Вне всякого сомнения, это травматично, а также лишит вас эстетического удовлетворения. Вам следует резать *вдоль* голубой линии, вот здесь, — показал он. — Если вена будет слишком скользкой, приподнимите ее с помощью вашего инструмента и быстро его поверните. Только не

тяните вверх. Это весьма неприятно. Поворот — очень важная часть, если вы не сможете сделать продольный разрез. У вас есть вопросы?

— Я думаю, нет, — ответил полковник.

— Тогда повторите основные моменты.

— Одолжи мне твой кинжал.

— Пожалуйста.

Джек слушал и кивал; ему пришлось сделать лишь незначительные уточнения.

— Очень хорошо. Я думаю, вы все поняли, — сказал он, забирая кинжал и пряча его в ножны.

— Не хочешь ли еще бокал вина?

— Не откажусь. У вас превосходный винный погреб.

— Благодарю тебя.

Высоко над темным миром, под темной сферой, сидя верхом на ленивом драконе, которому он скормил Бенони и Блайта, Джек смеялся, подставив лицо ветру, и переменчивые сильфы веселились вместе с ним, ибо теперь он был их повелителем.

Время шло, и Джек продолжал разрешать пограничные споры к собственному удовлетворению; постепенно их становилось все меньше. Он начал, сперва от нечего делать, а потом с

растущим энтузиазмом, использовать навыки, которыми обзавелся на Светлой стороне, для составления массивного тома под названием «Анализ культуры Темной стороны». Теперь, когда большая часть ночи оказалась под его властью, он стал призывать к своему двору тех граждан, чьи воспоминания и особые умения расширяли историческое, техническое или художественное наполнение его работы. Он уже почти решил опубликовать книгу на Светлой стороне после ее завершения. Теперь, когда Джек проложил маршруты для контрабандистов и обзавелся агентами во всех крупных городах, он знал, что это возможно.

Он сидел в Хай-Даджене, ныне Теневой Обители, великолепном просторном дворце с высокими залами, где горели факелы, с подземными лабиринтами и бесчисленными башнями. Здесь хранились предметы необычайной красоты и неизмеримой ценности. В коридорах танцевали тени, а грани бесчисленных самоцветов сияли ярче солнца другой половины мира. Он сидел в библиотеке Теневой Обители — на его письменном столе стояла пепельница, сделанная из черепа бывшего повелителя замка, — и работал над своим проектом.

Джек закурил (одна из причин, по которым он начал нелегальную торговлю со Светлой стороной), ему нравился этот обычай, к тому же порвать с ним было трудно. Он смотрел, как дым сигареты смешивается с дымом свечи и поднимается к потолку, когда Стаб — человек, ставший летучей мышью, ставшей человеком, который сделался его личным слугой, — вошел и остановился на предписанном расстоянии.

— Милорд? — произнес он.

— Да?

— У ворот стоит старая карга, которая хочет с вами поговорить, — доложил Стаб.

— Я не посылал ни за какой старой каргой. Скажи ей, чтобы проваливала.

— Она утверждает, что вы ее приглашали.

Джек посмотрел на маленького черного мужчину, чьи длинные конечности и похожие на антенны пучки седых волос над ненормально длинным лицом делали его похожим на насекомое; он уважал Стаба, ведь прежде тот был умелым вором, пытавшимся обокрасть бывшего хозяина этого замка.

— Приглашал? Я такого не помню. Какое она производит впечатление?

— От нее воняет западом, милорд.

— Странно…

— …И она потребовала, чтобы я передал вам, что ее зовут Рози.

— Розали! — вскричал Джек, убирая ноги с письменного стола и усаживаясь прямо. — Приведи ее ко мне, Стаб!

— Слушаюсь, господин, — сказал Стаб, отступая назад, как и всегда, когда он видел, что его хозяин проявляет эмоции.

Джек стряхнул пепел в пепельницу и посмотрел на нее.

— Интересно, не возвращаешься ли ты? — задумчиво проговорил он. — У меня такое чувство, что это вполне возможно.

Он написал себе записку, чтобы не забыть направить несколько отрядов солдат с сильным насморком для патрулирования Навозных ям.

Джек вытряхнул пепельницу и приводил в порядок бумаги на письменном столе, когда Стаб привел ее в библиотеку. Вставая, Джек посмотрел на Стаба, и тот быстро вышел.

— Розали! — сказал Джек, подходя к ней. — Как хорошо…

Она не ответила на его улыбку, но села на предложенный стул и кивнула.

Боги! Она *действительно* похожа на сломан-

ную швабру, снова подумал он, вспоминая. И все же… это Розали.

— Значит, ты все-таки пришла в Теневую Обитель, — сказал он. — За хлеб, которым ты меня угостила когда-то давно, здесь тебя всегда будут хорошо кормить. А за совет, который дала, станут почитать. Слуги будут тебя купать и одевать, будут ухаживать за тобой. Если ты захочешь изучать Искусство, я научу тебя высокой магии. Если ты чего-то пожелаешь, только скажи. А сейчас мы устроим пир в твою честь — как только его приготовят! Добро пожаловать в Теневую Обитель!

— Я пришла не для того, чтобы остаться, Джек; просто хочу еще раз на тебя посмотреть — в новой серой одежде и чудесном черном плаще. А какие блестящие у тебя сапоги! Прежде ты никогда так о них не заботился.

Джек улыбнулся.

— Теперь я не хожу так много, как прежде.

— …И не крадешься. Теперь в этом нет нужды, — сказала она. — Значит, ты в конце концов заполучил королевство, Джек, — самое большое из всех, о каких мне известно. Ты счастлив?

— Да, вполне, — ответил Джек.

— Значит, ты обратился к машине, которая думает, как человек, только быстрее. К той, о

которой я тебя предупреждала. Не так ли?

— Да.

— …И она дала тебе Утерянный Ключ Колвинию.

Он отвернулся, поискал сигарету и закурил. Затем посмотрел на нее и кивнул.

— Но я это не обсуждаю, — сказал Джек.

— Конечно, конечно, — кивнула она. — И с его помощью ты овладел силой, соответствующей твоим амбициям, о существовании которых ты когда-то и не подозревал.

— Пожалуй, ты права.

— Расскажи мне о женщине.

— О какой женщине?

— В коридоре я прошла мимо женщины, прелестного создания в зеленом платье под цвет глаз. Я поздоровалась, и ее губы мне улыбнулись, но дух ее следовал за ней, рыдая. Что ты с ней сделал, Джек?

— Я сделал то, что было необходимо.

— Ты что-то у нее украл — я не поняла, что именно, — как и у всех, кого знал. Есть ли хоть кто-то, кого ты считаешь другом, Джек? Тот, у кого ты ничего не взял, но кому что-то дал?

— Да, — ответил он. — Он сидит на вершине горы Паникус и состоит наполовину из камня,

а наполовину — я не знаю из чего. Я навещал его много раз и пытался освободить с помощью своей силы. Однако даже Ключа оказалось недостаточно.

— Утренняя Звезда, — задумчиво сказала она. — Да, так и должно быть — твой единственный друг проклят богами.

— Рози, почему ты осуждаешь меня? Я предлагаю сделать для тебя все, что в моих силах, чтобы искупить те страдания, которые ты перенесла из-за меня или других.

— Женщина, которую я видела… Ты вернешь ей то, что украл, — если именно этого я желаю более всего?

— Может быть, — сказал Джек, — но я сомневаюсь, что ты об этом попросишь. Если я так поступлю, она станет безнадежно безумной.

— Почему?

— Из-за вещей, которые она видела и чувствовала.

— И ты в ответе за них?

— Да, но она сама тому виной.

— Ни одна человеческая душа не заслуживает такого страдания, какое шествует за ней следом.

— Души! Только не говори мне о душах! Или страдании! Ты хвалишься тем, что у тебя есть

душа, а у меня — нет? Или думаешь, что я ничего не знаю о страдании? Но ты права в том, что касается ее. Она наполовину человек.

— Но у тебя есть душа, Джек. Я принесла ее с собой.

— Боюсь, я тебя не понимаю…

— Ты оставил свою душу в Навозных ямах Глайва, как и все обитатели Темной стороны. Я ее извлекла оттуда на случай, если однажды ты захочешь ее вернуть.

— Ты шутишь, конечно же.

— Нет.

— Но как ты узнала, что это моя душа?

— Я — Мудрица.

— Покажи ее мне.

Он погасил сигарету, пока Розали развязывала мешок со своими вещами. Она достала маленький предмет, завернутый в чистую тряпицу, развернула его и протянула ему.

— Это? — спросил Джек и рассмеялся.

На ладони Розали лежала серая сфера, которая, оказавшись на свету, начала меняться, сделавшись сперва блестящей, точно зеркало, а затем прозрачной; на ее поверхности заиграли краски.

— Это всего лишь камень, — сказал Джек.

— Но он был у тебя, когда ты пробудился в Ямах,

верно? — спросила Рози.

— Да, я держал его в руке.

— Почему ты его там оставил?

— А почему бы нет?

— Но разве он не оказывался у тебя *всякий* раз, когда ты пробуждался в Глайве?

— И что с того?

— В нем находится твоя душа. Возможно, когда-нибудь ты захочешь с ней воссоединиться.

— Это моя душа? И что мне с ней делать? Носить в кармане?

— Что угодно лучше, чем оставить ее в куче отбросов.

— Дай ее мне!

Джек выхватил камень из руки Розали и посмотрел на него.

— Это не душа, — заявил он. — Это исключительно некрасивый кусок камня или яйцо гигантского навозного жука. Он даже пахнет как Ямы!

Он поднял руку, чтобы отшвырнуть камень.

— Не надо! — закричала Розали. — Это твоя… душа… — закончила она тихо, когда камень ударился о стену и разбился.

Джек быстро отвернулся.

— Мне бы следовало знать, — сказала она. —

Никому из вас душа не нужна. И тебе меньше других. Ты должен согласиться, что это было нечто большее, чем просто камень, или яйцо, или что-то еще, — иначе ты не поддался бы такому внезапному приступу ярости. Ты почувствовал в нем что-то личное и угрожающее. Разве не так?

Но Джек не ответил. Он медленно повернул голову в сторону разбившегося камня и не отводил от него глаз. Розали проследила за его взглядом.

Над осколками появилось туманное облачко, которое начало расти вверх и в стороны. Оно поднялось в воздух. А потом прекратило движение и начало обретать цвет. У них на глазах в облаке начали проступать очертания человеческой фигуры.

Джек завороженно наблюдал, как лицо приобретает его собственные черты. Постепенно фигура становилась все более осязаемой и плотной, пока у Джека не появилось ощущение, что он смотрит на своего близнеца.

— Что ты за призрак? — спросил Джек, чувствуя, что у него пересохло в горле.

— Джек, — едва слышно ответила фигура.

— Джек — это я, — сказал он. — А ты кто такой?

— Джек, — повторила фигура.

Он повернулся к Розали и прорычал:

— Ты принесла это сюда! Изгони его!

— Я не могу, — ответила она, провела рукой по волосам, опустила ее на колени и переплела пальцы. — Она твоя.

— Почему ты не оставила проклятую штуковину там, где нашла? Там, где ей самое место?

— Ей там не место, — сказала Розали. — Она твоя.

Джек повернулся к фигуре.

— Эй, ты! Ты душа?

— Подожди немного, ладно? — ответило существо. — Я пока пытаюсь понять… Да, теперь, когда я немного подумала, мне кажется, что я — душа.

— Чья?

— Твоя, Джек.

— Замечательно, — сказал Джек. — Хорошенько ты мне отплатила, да, Рози? Проклятье, и что я буду делать с душой? Как от нее избавиться? Если я умру, пока эта штука на свободе, я не смогу вернуться.

— Я не знаю, что тебе сказать, — ответила Рози. — Когда я отправилась на ее поиски и нашла, я думала, что принести и отдать тебе твою душу будет правильно.

– *Почему?*

— Когда-то давно я говорила тебе, что барон всегда был добр к старой Рози. Ты подвесил его вниз головой и вскрыл ему живот, когда захватил принадлежавшие ему земли. Я плакала, Джек. Барон единственный за долгое время хорошо ко мне относился. Я много слышала о твоих поступках, и всякий раз это было что-то плохое. Ты обладаешь такой силой, что легко можешь причинить вред многим, чем и занимаешься. Я подумала, что, если я отыщу твою душу, возможно, ты станешь добрее.

— Розали, Розали. — Он вздохнул. — Ты глупа. Ты хотела как лучше, но ты глупа.

— Может быть, — ответила она, стиснув ладони и глядя на душу, которая молча стояла и смотрела на них.

— Душа, — сказал Джек, снова к ней поворачиваясь, — ты нас слушала. У тебя есть какие-то предложения?

— У меня только одно желание, — ответила душа.

— И каково оно? — спросил Джек.

— Объединиться с тобой. Пройти вместе жизнь, утешая и предостерегая тебя, и…

— Подожди, — перебил ее Джек, поднимая руку. — Что тебе нужно, чтобы со мной объеди-

ниться?

— Твое согласие.

Джек улыбнулся, снова закурил и почувствовал, что у него слегка дрожат руки.

— А что будет, если я не дам тебе согласия? — спросил он.

— Тогда я стану скиталицей. Я буду следовать за тобой на расстоянии, не в силах утешить и предостеречь, не в силах…

— Замечательно, — сказал Джек. — Я тебе отказываю. Убирайся.

— Ты шутишь? Так нельзя обращаться с душой. Вот я перед тобой, готовая утешать и предостерегать, а ты вышвыриваешь меня вон. Что скажут люди? «Вот идет душа Джека, — скажут они, — бедняжка. Водится с элементалями и низшими астральными существами и…»

— Убирайся, — повторил Джек. — Я обойдусь без тебя. Я все знаю о вас, пронырливых ублюдках. Вы заставляете людей меняться. А я не хочу меняться. Я счастлив такой, какой есть. Ты ошибка. Возвращайся обратно в Навозные ямы. Отправляйся куда хочешь. Делай что хочешь. Только уйди. Оставь меня.

— Ты и в самом деле этого хочешь.

— Совершенно верно. Я даже дам тебе красивый

новый кристалл, если ты предпочтешь спрятаться в одном из них.

— Слишком поздно.

— Что ж, это лучшее, что я могу тебе предложить.

— Если ты не хочешь со мной объединиться, пожалуйста, не прогоняй меня, словно бродяжку. Позволь остаться здесь, с тобой. Быть может, я смогу утешать и предостерегать тебя снаружи, и тогда ты увидишь, что я приношу пользу, и изменишь свою точку зрения.

— Убирайся!

— А что, если я откажусь? Если просто навяжу тебе свое внимание?

— Тогда, — ответил Джек, — я обращу против тебя самые разрушительные силы Ключа, которыми никогда еще не пользовался.

— Ты уничтожишь собственную душу?

— Проклятье, да! Уходи!

Она повернулась к стене и исчезла.

— С душами покончено, — сказал Джек. — А теперь мы найдем для тебя покои и слуг и начнем готовить пир.

— Нет, — сказала Розали. — Я хотела тебя повидать, и мое желание осуществилось. Хотела принести тебе то, что нашла, и ты это получил.

На этом все.

Она стала подниматься.

— Подожди, — сказал Джек. — Куда ты пойдешь?

— Мое время в качестве Мудрицы Восточных границ закончилось, и я возвращаюсь к «Знаку горящего пестика», что стоит на тракте, идущем вдоль океана. Может быть, я найду там какую-нибудь молодую служанку, которая согласится за мной ухаживать, когда я стану немощной. А я за это буду учить ее Искусству.

— Ну, тогда погости у меня немного, — предложил он. — Отдохни, поешь…

— Нет. Мне не нравится это место.

— Если ты полна решимости уйти, позволь мне отправить тебя более удобным способом.

— Нет, благодарю тебя.

— Могу я предложить тебе деньги?

— У меня их все равно отнимут.

— Я пошлю с тобой охрану.

— Я предпочитаю путешествовать одна.

— Хорошо, Розали.

Он посмотрел, как она уходит, а потом повернулся к камину и разжег в нем небольшой огонь.

Джек работал над своим «Анализом», становился все более заметным его персонажем и

объединял под своей властью ночные земли. Одновременно с этим он видел бесчисленные памятники себе, воздвигнутые в его владениях, слышал свое имя из уст менестрелей и поэтов — и не в устаревших стихах и песнях о его воровских подвигах, а в историях о его мудрости и могуществе. Джек четырежды позволил Повелителю Нетопырей, Смаджу, Квазеру, барону и Блайту частично вернуться из Глайва, прежде чем отправить их обратно, всякий раз другим способом. Он решил исчерпать положенные им жизни и избавиться от них навсегда.

Ивен танцевала и смеялась на пире, устроенном в честь возвращения ее отца. Полковник поднял бокал с вином из погребов, которые когда-то ему принадлежали. Запястья у него все еще чесались.

— За господина и госпожу Теневой Обители, — сказал он. — Пусть их счастье и правление продлится так же долго, как ночь, что покрывает нас!

Затем Полковник, Ни Разу Не Принимавший Смерть От Чужой Руки, залпом осушил свой кубок, и началось веселье.

Высоко на Паникусе — часть Паникуса — Утренняя Звезда смотрел на восток.

В ночи блуждала душа, проклиная все на свете.

Толстый дракон тяжело дышал, возвращаясь в свое далекое логово с украденной овцой.

В сумеречных топях грезила о крови тварь.

Глава 11

Затем пришло время истинного нарушения Договора.

Стало холодно, и Джек сверился с Книгой, где нашел имена тех, чья очередь была охранять Щит. Он ждал и наблюдал, но ничего не происходило.

Наконец он призвал этих темных лордов к себе.

— Друзья, — сказал он, — настал ваш черед исполнить Долг Щита. Почему вы этого не сделали?

— Милорд, — ответил лорд Элдридж, — мы решили от него отказаться.

— Почему?

— Вы сами нарушили Договор, — сказал он. — Если мир больше не может быть таким, каким он был, мы хотим, чтобы он остался таким, каков он есть. Иными словами, близящимся к разрушению. Убейте нас, если пожелаете, но мы больше и пальцем не пошевелим. Если вы такой могущественный волшебник, сами чините Щит. Убейте нас и смотрите, как мы умираем.

— Ты слышал его просьбу, — сказал Джек слу-

ге. — Позаботься, чтобы они умерли.

— Но, сир…

— Делай как я сказал.

— Слушаюсь.

— Я буду сам заботиться о Щите.

И их убили.

А Джек пустился в путь.

На вершине ближайшей горы он размышлял над новой проблемой. Он почувствовал холод; он открыл свою сущность; он обнаружил изъяны в Щите.

И начал чертить узоры кончиком клинка на скале. Они задымились, а потом засияли. Он произнес слова Ключа.

— …Привет.

Джек повернулся и одновременно поднял клинок.

— Это всего лишь я.

Он опустил оружие, и мимо пронесся ледяной ветер.

— Чего ты хочешь, душа?

— Мне стало любопытно, что ты делаешь. Ты же знаешь, иногда я следую за тобой.

— Знаю, и мне это не нравится.

Он снова занялся узором.

— Ты ответишь на мой вопрос? — спросила

душа.

— Хорошо, — сказал он, — если ты перестанешь завывать возле меня.

— Я потерянная душа. Завывать — в нашей природе.

— Тогда делай это сколько угодно. Мне все равно.

— Но то, чем ты занят…

— Я собираюсь починить Щит и надеюсь, что заклинания сработают.

— Я сомневаюсь, что ты сможешь.

— Почему это?

— Я не думаю, что такое по силам одному человеку.

— Скоро узнаем.

— Могу я помочь?

— Нет!

Он вернулся к своему рисунку и возобновил работу над ним, продолжая читать заклинания. Мимо проносился ветер и текло пламя.

— Мне пора уходить, — сказал Джек. — Держись от меня подальше, душа.

— Хорошо. Я лишь хотела с тобой объединиться.

— Быть может, потом, когда жизнь станет скучной, — но не сейчас.

— Ты хочешь сказать, что надежда еще остается?

— Может быть. Но не в ближайшее время.

Он выпрямился и посмотрел на плоды своих трудов.

— Ничего не вышло?

— Заткнись.

— Ты потерпел неудачу.

— Заткнись.

— Хочешь со мной объединиться?

— Нет!

— Может быть, я смогла бы помочь.

— Проваливай в ад.

— Я лишь спросила.

— Оставь меня в покое.

— И что ты будешь делать теперь?

— Уходи!

Он поднял руку и призвал силу. Ничего не вышло.

— У меня не получается, — сказал он.

— Я так и поняла. Ты знаешь, что делать теперь?

— Я думаю.

— А я знаю, что нужно сделать.

— Что?

— Проведать твоего друга Утреннюю Звезду.

Он многое знает. Я думаю, он сможет дать тебе совет.

Джек опустил голову и посмотрел на тлеющий узор. Ветер стал особенно холодным.

— Возможно, ты и права, — проговорил Джек.

— Я уверена, что права.

Джек развернулся, взметнув плащ.

— Я намерен идти сквозь тени, — сказал он.

И Джек шел среди теней, пока не пришел к нужному месту. А потом начал подъем.

Достигнув вершины, он приблизился к Утренней Звезде и сказал:

— Я здесь.

— Я знаю.

— А знаешь ли ты, чего я желаю?

— Да.

— Могу я это осуществить? — спросил Джек.

— Это возможно.

— Что я должен сделать?

— Задача будет нелегкой.

— Иного я и не ждал. Скажи мне.

Утренняя Звезда слегка переместил свой огромный вес.

И сказал ему.

— Я не уверен, что смогу, — проговорил Джек.

— Но кто-то должен.

— А ты знаешь кого-то еще? Кому я мог бы это поручить?

— Нет.

— Ты можешь предсказать, добьюсь я успеха или потерплю неудачу?

— Нет. Однажды я говорил о твоих тенях.

— Да, я помню.

На вершине горы воцарилось молчание.

— До свидания, Утренняя Звезда, — попрощался Джек. — Спасибо тебе.

— Прощай, Джек.

Повернувшись, Джек шагнул в тени.

Он вошел в огромную дыру, что вела в сердце мира. Кое-где на стены туннеля падали пятна света. Тогда он входил в тень и преодолевал большие расстояния за короткое время. В других местах тьма оставалась абсолютной, и он двигался дальше обычным способом.

Порой ему попадались отходившие в стороны, диковинным образом обставленные галереи и темные дверные проемы. Джек не задерживался, чтобы их исследовать. Изредка он слышал, как кто-то стучит когтями или топает копытами по каменному полу. Один раз он прошел мимо очага, в котором горели кости. Дважды он слышал крики — как будто страдала от боли женщина.

Он не остановился, но проверил, как выходит клинок из ножен.

Джек миновал галерею, где гигантский паук сидел в центре паутины из толстых, точно веревки, нитей. Паук зашевелился, и Джек побежал.

Паук не стал его преследовать, но чуть погодя Джек услышал за спиной смех.

Остановившись, чтобы подкрепиться, он увидел, что стены в этом месте влажны и покрыты плесенью. Услышал звук, похожий на журчание воды в далекой реке. Крошечные существа, похожие на крабов, убегали от него, цепляясь за стены.

Шагая дальше, он видел ямы и расселины, из которых поднимались удушливые испарения, а иногда вырывались языки пламени.

Прошло немало времени, прежде чем Джек добрался до металлического моста шириной в ладонь. Он заглянул в пропасть, над которой висел мост, но увидел лишь темноту. Старательно сохраняя равновесие, Джек осторожно перешел на другую сторону, облегченно вздохнул, когда там оказался, и не стал оглядываться.

Стены туннеля раздвинулись, а потом и вовсе исчезли, потолок унесся вверх и стал невидимым. Вокруг Джека двигались темные массы

различной плотности, и, хотя он в любой момент мог создать крошечный огонек, который вел бы его вперед, он не стал этого делать, опасаясь привлечь внимание тех, кто проходил мимо. Он мог создать и большой источник света, но знал, что его существование будет недолгим, и в тот момент, когда Джек ступит в мир теней, он погаснет, снова оставив его в темноте.

В какой-то момент Джек испугался, что вошел в гигантскую пещеру и там заблудился; но перед ним появилась белая лента, он уцепился за нее взглядом и продолжал идти вперед. Прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что это большое черное озеро, на поверхности которого, точно рыбья чешуя, мерцают огоньки — отражения едва заметно светящихся грибов, покрывающих стены и потолок пещеры.

Когда он обходил озеро, направляясь к пятну сплошной темноты на противоположном берегу, в воде что-то начало метаться, и он повернулся с клинком в руке.

Теперь, когда его обнаружили, он произнес слова, над озером вспыхнуло сияние, и он увидел, как в его сторону, точно стрела, мчится рябь, словно под водой к нему стремительно приближалось что-то огромное. По обе стороны от ряби

поднялись когтистые щупальца, черные и мокрые, и потянулись к нему.

Джек прищурился в созданном им самим ярком свете и поднял меч, приготовившись нанести удар двумя руками.

Он произнес самое быстрое заклинание, какое знал, чтобы придать себе силы и точности. А затем, как только ближайшее щупальце оказалось на расстоянии удара, взмахнул клинком. Продолжая извиваться, отсеченное щупальце упало рядом с его левым сапогом, задело его, и Джек упал.

И понял, что ему повезло. В то же мгновение второе щупальце рассекло воздух там, где только что находились его голова и плечи.

Следом из воды появилась круглая морда диаметром около трех футов, с пустыми глазами и короной извивающихся отростков толщиной с большой палец, потом в нижней части головы разверзлась огромная дыра, и чудовище двинулось к Джеку.

Не поднимаясь с земли, Джек, держа меч двумя руками, взмахнул клинком, направив его на жуткое существо, и повторил слова Ключа так быстро, как только мог.

Его клинок засиял, послышалось шипение, и с

острия меча полился поток огня.

Джек описал мечом круг и почувствовал запах паленого мяса.

Однако чудовище не останавливалось, и вскоре Джек разглядел белизну его многочисленных зубов. Здоровое щупальце и обрубок продолжали исступленно хлестать, проносясь в опасной близости от Джека. Тварь издала злобный шипящий звук. Джек поднял клинок, и огонь коснулся шевелящихся отростков на голове чудовища.

С гулким звуком, похожим на рыдание, оно бросилось обратно в озеро.

Его масса подняла волну, которая окатила Джека. Но прежде, чем она захлестнула его, а существо исчезло в глубине, Джек успел разглядеть его спину и содрогнулся, но совсем не из-за обрушившейся на него холодной воды.

Вскочив на ноги, он опустил клинок в озеро и повторил заклинание, чтобы в тысячи раз усилить мощь, которой наделил оружие. Меч начал вибрировать у него в руках, и Джек с трудом его удерживал. Однако он собрал все силы и продолжал стоять в сиянии света, рядом с отрубленным и застывшим щупальцем.

Чем сильнее он боялся призванной силы, тем медленнее текло для него время, и пот покрывал

его тело, как новая теплая рубашка.

Затем с шипением, больше похожим на крик, туша чудовища вскинулась над водой в центре озера и вновь исчезла в глубине. Джек не двигался с места до тех пор, пока вода не закипела.

Существо больше не появилось.

Джек не ел до тех пор, пока не обогнул озеро и не вошел в дальний туннель; и знал, что не осмелится спать. Он придал себе сил снадобьями и продолжил путь.

Когда он подошел к месту, где бушевало пламя, его атаковали волосатый человек-зверь и его самка. Джек шагнул в тень, смеясь над ними, пока они пытались до него добраться. Однако, не желая тратить время на пытки и убийство, он отказался от этого удовольствия и заставил тени перенести его к их последнему пределу.

Пространство пламени оказалось огромным, и через мгновение, достигнув дальней его границы, Джек понял, что приближается к цели, и приготовился к преодолению следующего опасного участка.

Он довольно долго шел вдоль границы и уже начал ощущать запахи, напомнившие ему о Навозных ямах Глайва и о чем-то еще более отвратительном. Он знал, что скоро вновь обретет

способность видеть, хотя света не будет, а следовательно, не будет и теней, в которых он сможет скрыться. Он мысленно повторил, что ему потребуется сделать.

Запахи становились все сильнее, пока ему не пришлось сражаться с желудком, чтобы удержать его содержимое внутри.

Постепенно Джек снова обрел зрение, но оно не было обычным.

Он увидел мокрые скалы и пещеры, окутанные атмосферой мрачной безысходности. Это было тихое место, где туманы медленно сплетались в воздухе и среди камней; где слабые испарения кружили над большими лужами стоячей воды; где миазмы, испарения и туманы смыкались в плотное облако в вышине, чтобы время от времени проливаться, покрывая грязью все вокруг. Кроме них здесь не было ничего; и со всех сторон Джека окружал пробирающий до костей холод.

Он двигался так быстро, как только осмеливался.

Джек не успел уйти далеко, когда заметил слабое движение слева. Из одной из неподвижных луж выскочило крошечное темное существо, покрытое похожими на бородавки наростами, и теперь не мигая смотрело на него.

Обнажив клинок, Джек слегка прикоснулся к нему острием и быстро отступил назад, понимая, что произойдет в следующее мгновение. Воздух взорвался — существо стало быстро трансформироваться и теперь возвышалось над Джеком на кривых черных ногах; лица у него не было, у тела отсутствовал объем — его словно нарисовали самыми темными чернилами. То, на чем оно стояло, не было ступнями. Существо заговорило, и его хвост начал дергаться.

— Назови свое имя, пришедший, — сказал голос, звеневший, точно серебряные колокольчики Крелле.

— Никто не узнает моего имени прежде, чем представится сам, — заявил Джек.

Силуэт рогатой головы тихо рассмеялся.

— Ну же, давай, я хочу услышать имя, — сказало существо. — У меня заканчивается терпение.

— Ладно, — ответил Джек и назвал имя.

Существо упало перед ним на колени.

— Господин, — сказало оно.

— Да, — ответил Джек. — Таково мое имя. И ты должен во всем мне повиноваться.

— Да.

— А теперь я приказываю тебе взять меня на спину и отнести к дальним границам твоего

царства, так далеко, как сможешь пройти ты или любой из твоих сородичей. И ты не станешь предавать меня своим товарищам.

— Я все сделаю так, как вы сказали.

— Да. Повтори эти слова как клятву.

Клятва прозвучала.

— А теперь наклонись, чтобы я смог на тебя сесть, ты станешь моим скакуном.

Он вскочил на спину диковинного существа и ухватился за рога

— Вперед! — приказал Джек.

Существо поднялось с колен и пустилось в путь.

Джек услышал цокот копыт и похожий на рев выдох. Про себя он отметил, что на ощупь шкура существа напоминает очень мягкую ткань.

Они неслись все быстрее, и окружавший их ландшафт стал расплываться у Джека перед глазами.

…А потом наступила тишина.

Он ощущал вокруг себя черное движение, в лицо ему дул ветер, то возникавший, то исчезавший — с регулярностью ударов сердца. Джек понял, что они находятся в воздухе и огромные черные крылья несут их над погибельной землей.

Они летели довольно долго, и Джек морщил

нос, поскольку звериный запах здесь был сильнее, чем в любой деревне. Они двигались очень быстро, но он видел похожие темные очертания, изредка проносившиеся высоко в воздухе.

Несмотря на скорость, путешествие казалось Джеку бесконечным. Он начал подозревать, что ему не хватит сил, потому что у него болели руки — даже сильнее, чем после того, как он вскипятил черное озеро. Он боялся заснуть, боялся, что хватка ему изменит. Поэтому думал о самых разных вещах, чтобы не провалиться в сон. «Странно, — размышлял он, — мой величайший враг оказал мне величайшую услугу. Если бы Повелитель Нетопырей не вынудил меня, я бы не стал искать силу, которой сейчас обладаю, силу, которая сделала меня правителем, которая подарила мне отмщение и Ивен… Ивен… я все еще недоволен тем, что пришлось сделать, чтобы ты стала моей. И все же… был ли у меня другой путь? Ты заслужила то, что я сделал. Разве любовь сама по себе — не заклинание, при котором один любит, а другой любим, и тот, кто любит, вынужден исполнять желания другого? Конечно. Все то же самое».

…Он думал о Полковнике, ее отце, и о Смадже, Квазере, Блайте, Бенони, бароне. Он расплатился

со всеми, с каждым из них. Джек думал о Розали, о старой Рози — жива ли она еще? Он решил узнать о ней в «Знаке горящего пестика», что стоит на тракте, идущем вдоль океана. Боршин. Выжило ли каким-то образом изуродованное чудовище, ищет ли до сих пор его след, сжигаемое единственным желанием, оставшимся в его деформированном теле? Оно воистину было последним оружием Повелителя Нетопырей, последней надеждой на отмщение. Точно взрыв стручка *геблинки*, эта мысль заставила разум Джека вернуться к тому, о чем он уже очень давно не думал: компьютерам и «Убежищу», занятиям и той девушке… как ее звали? — Клэр! Он улыбнулся, потому что сумел вспомнить ее имя, хотя лицо превратилось в размытую картинку. И еще Квилиан. Джек знал, что его лицо не забудет никогда. Как он его ненавидел! Он рассмеялся, вспомнив, что оставил его в руках обезумевшего от боли Боршина — и тот наверняка принял его за Джека. Он вспомнил ту безумную поездку, вспомнил, как бежал от света, стремился поскорее попасть на Темную сторону, хотя еще не знал, содержит ли распечатка, унесенная им с собой, Утерянный Ключ, Колвинию. Вспомнил свое ликование, когда его опробовал. Хотя он больше ни

разу не возвращался на Светлую сторону, Джек почувствовал странную ностальгию по дням, проведенным в университете. «Быть может, дело в том, что я теперь далеко, — подумал он, — и рассматриваю его как объект, тогда как когда-то сам являлся его частью».

…Его мысли неизменно возвращались к огромной фигуре Утренней Звезды на вершине горы Паникус…

Он представил путь, который прошел от Адских Игр до настоящего дня, от того места, где все началось, до этой точки в его нынешнем путешествии…

…Его мысли неизменно возвращались к Утренней Звезде на вершине горы Паникус, его единственному другу…

Почему они подружились? Что у них общего? Ничего, сколько бы он об этом ни думал. Однако Джек чувствовал привязанность к таинственному великану; он не испытывал ничего похожего к другим и знал, что Утренней Звезде по какой-то неизвестной причине также небезразлична его судьба.

…Именно Утренняя Звезда сказал ему, что это путешествие — единственная возможность сделать то, что необходимо…

Потом Джек подумал об условиях, которые господствовали на Темной стороне мира, и понял, что он, Джек, не просто единственный, кто способен проделать такое путешествие, но также и тот, на ком лежит ответственность за сложившееся положение. Однако его мотивировали вовсе не долг или ответственность. Скорее речь шла о самосохранении. Если Темную сторону погубит ледяная Вечная Зима, он погибнет вместе с ней и уже не сможет рассчитывать на воскрешение.

…Его мысли неизменно возвращались к огромной фигуре Утренней Звезды на вершине горы Паникус…

Джек так сильно вздрогнул, что едва не выпустил рога жуткого существа, на котором скакал. Сходство! Сходство…

Но нет, подумал он. Это создание — лишь карлик по сравнению с Утренней Звездой, который возвышается до небес. Эта тварь прячет лицо, в то время как у Утренней Звезды благородные черты. От чудовища жутко воняет, а Утренняя Звезда пахнет чистыми ветрами и дождями, падающими с высоты. Утренняя Звезда мудр и добр, этот же глуп и исполнен злобы. Лишь по чистой случайности оба они рогаты и обладают крыльями. Его скакун подчиняется волшебным

заклинаниям, а кто сможет связать магией Утреннюю Звезду?.. «Да, кто? — подумал Джек. — Разве он не связан — только иначе — так же надежно, как я связал это существо? Но только сами боги способны на такое деяние…»

…Он обдумал эту мысль и отбросил ее.

«Не имеет значения, — наконец решил Джек. — Он мой друг. Я могу спросить этого демона, знает ли он Утреннюю Звезду, но его ответ ничего не изменит. Утренняя Звезда — мой друг».

Затем мир вокруг него начал темнеть, и он сильнее сжал рога, испугавшись, что теряет сознание. Но по мере того как они спускались ниже, темнота становилась все глубже, и Джек понял, что они приближаются к границе царства.

Наконец существо, на котором он летел, приземлилось и пропело сладким голосом:

— До этого места я мог донести вас, господин, но не дальше. Черный камень перед вами отмечает границу царства Тьмы. Я не могу ее пересечь.

Джек шагнул за черный камень, и темнота стала абсолютной.

— Хорошо, — сказал Джек, повернувшись назад. — Я освобождаю тебя от службы, но повелеваю: если мы когда-нибудь встретимся, ты не попытаешься причинить мне вред и будешь

служить, как сейчас. А теперь можешь уходить. Прочь! Я тебя отпускаю!

И Джек двинулся вперед, удаляясь от царства Тьмы, зная, что близок к цели.

Он понял это по тому, как едва заметно содрогалась земля у него под ногами. Воздух слабо вибрировал, словно где-то далеко работали механизмы.

Он шел вперед, размышляя о своей задаче. Очень скоро магия перестанет действовать. И Ключ будет бесполезен. Но в окружавшем его сейчас черном пространстве не должно было быть никакой угрозы. Один только всепоглощающий мрак. Время от времени он зажигал маленький огонек, чтобы видеть, куда поставить ногу. Ему не требовалось уточнять направление, достаточно было идти на звук и чувствовать, как он усиливается.

По мере того как звук становился сильнее, его способность создавать путеводный огонь слабела, пока не исчезла окончательно.

Теперь Джек двигался осторожнее, не слишком жалея об утраченном огоньке, потому что впереди появился свет.

Глава 12

По мере того как источник света увеличивался в размерах, гудение и вибрация становились сильнее. Вскоре Джек уже мог различить дорогу впереди. Через некоторое время сияние стало ослепительным, и он выругался из-за того, что забыл взять с собой древние темные очки.

Наконец яркий свет превратился в огромный квадрат. Джек лег на живот и долго смотрел на него, давая глазам возможность привыкнуть. И много раз повторял эту болезненную процедуру, пока продвигался вперед.

Пол под ним сделался гладким, воздух оставался прохладным, но приятным; здесь отсутствовали запахи, властвовавшие в той области, откуда он пришел.

Джек продвигался вперед до тех пор, пока не оказался совсем рядом с целью своего путешествия. Здесь не было ничего, кроме света. Гигантский проход куда-то вел, но Джек видел лишь желтовато-белое сияние, слышал скрежет, лязг и гудение, словно там находилось множество машин.

…Или Великая Машина.

И вновь он лег, а потом пополз вперед через проход, оказался на карнизе, и несколько мгновений его разум не мог осмыслить то, что находилось внизу.

В машине было столько шестеренок, что попытка их пересчитать неизбежно потерпела бы крах; одни поворачивались медленно, другие быстро, большое переходило в маленькое; а еще там были кулачковые механизмы и приводные валы, блоки и маятники — иные в двадцать раз выше Джека, они раскачивались медленно и тяжеловесно, — поршни и какие-то устройства, которые двигались по спирали, погружаясь в черные отверстия и возвращаясь обратно; а еще конденсаторы, преобразователи и выпрямители; огромные панели из синего металла с циферблатами, переключателями, кнопками и маленькими огоньками разных цветов, которые постоянно загорались и гасли; и все это сопровождал ровный шум, гудение скрытых генераторов — а может быть, чего-то иного, черпавшего энергию у самой планеты, из ее тепла, ее гравитационного поля, неких тайных сил, — он жужжал у него в ушах, как рой насекомых; и еще Джек чувствовал голубой запах озона, проникавший повсюду. Все стены огромной пещеры, где

находилось диковинное оборудование, испускали ослепительный свет; надо всем комплексом по направляющим перемещалась вереница ведер, которые время от времени останавливались и проливали вниз смазку; от одних точек к другим змеились силовые кабели, понять назначение которых Джек не мог; в крошечных стеклянных коробочках, соединявшихся с основным механизмом тонкими проводками, скрывались детали столь миниатюрные, что он не мог разглядеть их с того места, где лежал. Он насчитал не менее сотни подъемных устройств, которые постоянно уходили вниз, или исчезали из вида наверху, или замирали на разных уровнях машины, чтобы запустить в ее внутренности механические придатки; по дальней стене шли полосы красного света, то вспыхивавшие, то угасавшие; его разум был не в состоянии объять все, что он видел, чувствовал, обонял и слышал, — хоть он и понимал, что должен каким-то образом с этим разобраться, — и поэтому он пытался отыскать в огромной структуре то место, куда нужно ударить, чтобы ее уничтожить. Он обнаружил громадные инструменты, висевшие на стенах, — вероятно, ими пользовались великаны, чтобы обслуживать машины, — гаечные ключи, плоскогубцы,

монтировки, штуки-которые-поворачивают-другие-штуки, — и он знал, что среди них находится то, что ему нужно, то, что способно, если применить его верно, сломать Великую Машину.

Джек прополз немного дальше, продолжая смотреть по сторонам. Машина производила ошеломляющее впечатление; никогда прежде не существовало ничего подобного, и никогда больше не будет.

Джек поискал путь вниз и далеко справа увидел металлическую лестницу.

Он пополз к ней.

Карниз сужался, но он сумел добраться до верхней ступеньки, а затем начал долгий спуск вниз.

Еще до того, как он достиг дна, Джек услышал шаги. Они были едва различимы на фоне шума, который издавали механизмы, но он их уловил и отступил в тень.

Хотя она не давала обычного эффекта, тень его спрятала. Он ждал рядом с лестницей, возле какого-то генератора, и размышлял о своем следующем шаге.

Мимо прохромал маленький седой мужчина. Джек внимательно пригляделся к нему. Мужчина остановился, отыскал масленку и капнул смазки на некоторые из шестеренок.

— Привет, — сказал Джек, когда мужчина проходил мимо.

— Что… кто вы такой?

— Я тот, кто пришел, чтобы вас увидеть.

— Зачем?

— Задать несколько вопросов.

— Что ж, это приятно, и я готов вам ответить. Что вы хотите знать?

— Меня интересует устройство этой Машины.

— Оно довольно сложное, — ответил мужчина.

— Полагаю, так и есть. Вы могли бы рассказать мне поподробнее?

— Да, — ответил мужчина и ошеломил его объяснениями.

Джек кивал и чувствовал, как напрягаются его руки.

— Вы поняли?

— Да.

— Что-то не так?

— Кажется, вы сейчас умрете, — сказал Джек.

— Что… — Джек ударил его в левый висок костяшками пальцев правой руки.

Затем подошел к полке, на которой лежали инструменты, принялся их изучать и выбрал тяжелый металлический прут, чьего назначения не понимал. Подняв его, Джек отыскал небольшой стеклянный ящик, о котором ему рассказал старик, и несколько мгновений смотрел на сотни крошечных, изящных шестеренок, на разных скоростях крутившихся внутри.

Потом поднял прут, разбил стекло и принялся планомерно уничтожать замысловатый механизм. После каждого нанесенного удара огромная Машина громко протестовала. Раздалось неровное гудение, а после серия щелчков, словно нечто большое треснуло или упало. За этим последовали пронзительный вой, скрежет металла по металлу, оглушительный стук; в нескольких ме-

стах одновременно начал подниматься дым. Одна из самых массивных шестерней стала замедлять движение, остановилась, а потом завращалась вновь, но уже не так быстро.

Пока Джек разбивал другие механизмы, ведра со смазкой сошли с ума — они метались взад и вперед, расплескивая свое содержимое, после чего возвращались к торчавшим из стен трубам за новыми порциями. Затем Джек уловил запах горящей изоляции, услышал хлопки и шипение. Пол задрожал, несколько поршней выскочили из пазов. Среди дыма появилось пламя, и Джек закашлялся из-за едких паров.

Машина задрожала, остановилась и снова пошла вразнос. Шестерни стремительно вращались, оси лопались. Машина начинала разрушать сама себя. От оглушительного шума у Джека заболели уши. Он повернулся, швырнул металлический прут в Машину и помчался к лестнице.

Оглянувшись, Джек увидел огромные, окутанные дымом фигуры, которые бежали к Машине. Он знал, что они безнадежно опоздали.

Джек взлетел вверх по лестнице в темноту, из которой пришел.

Так началось уничтожение мира, который он знал.

Обратное путешествие в некотором смысле оказалось опаснее, чем спуск, ведь теперь земля дрожала, тревожа многовековую пыль и отложения, по стенам шли трещины, рушились части потолка. Дважды он вынужден был, кашляя, расчищать завалы. Затем обитатели туннеля пустились в бегство, с отчаянной яростью атакуя друг друга. Джеку пришлось убить многих, чтобы двигаться дальше.

Выбравшись наружу, он посмотрел на черную сферу, парившую высоко в небе. От нее все еще исходил холод, возможно, даже больший, чем когда он отправлялся совершать свою диверсию. Джек принялся внимательно изучать сферу и обнаружил, что она слегка сдвинулась относительно своего прежнего положения.

Затем он поспешил выполнить данное самому себе обещание и с помощью Ключа переместился к «Знаку горящего пестика», что стоял на тракте, идущем вдоль океана.

Джек вошел в гостиницу, построенную из ночного дерева, сотни раз подвергавшуюся ремонту и ужасно древнюю. Когда он оказался в главном обеденном зале, земля задрожала и стены вокруг него затрещали. Стало тихо, потом послышались встревоженные голоса посетителей, сидевших

возле огня.

Джек подошел к ним.

— Я ищу пожилую женщину по имени Розали, — сказал он. — Она еще здесь живет?

Широкоплечий мужчина со светлой бородкой и синевато-багровым шрамом на лбу оторвался от трапезы.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Джек из Теневой Обители.

Мужчина изучающе посмотрел на его одежду и лицо, глаза у него широко раскрылись, и он их опустил.

— Я ничего не знаю о Розали, сэр, — тихо ответил он. — А вы? — обратился он к другим посетителям.

— Нет, — дружно сказали пятеро остальных, стараясь не смотреть на Джека, а потом поспешно добавили: — Сэр.

— Кто владелец заведения? — спросил Джек.

— Его зовут Харик, сэр.

— Где его найти?

— Дальняя дверь справа, сэр.

Джек повернулся и направился к указанной двери. Он слышал, как в тени повторяли его имя.

Он поднялся по лестнице на второй этаж и вошел в небольшое помещение, где толстый

краснолицый мужчина в грязном фартуке пил вино. На столе перед ним неровно горела свеча, отчего лицо его казалось еще более красным. Он медленно повернул голову, и его глаза далеко не сразу сфокусировались на вошедшем Джеке.

— Что тебе нужно? — наконец спросил мужчина.

— Меня зовут Джек, и я пришел издалека, Харик, — ответил Джек. — Я ищу старую женщину, которая вернулась сюда, чтобы прожить здесь свои последние дни. Ее зовут Розали. Расскажи, что тебе о ней известно.

Харик наморщил лоб, опустил голову и прищурился.

— Подождите немного, — сказал он. — Здесь *была* старая карга… Да, она умерла некоторое время назад.

— Вот как, — сказал Джек. — Тогда скажи мне, где она похоронена, я хочу сходить на ее могилу.

Харик фыркнул, сделал глоток вина и начал смеяться. Наконец он вытер рот тыльной стороной ладони и смахнул слезы рукавом.

— Похоронена? — сказал он. — Она была бесполезной. Мы держали ее из милости, да еще потому, что она немного умела лечить.

Джек стиснул зубы.

— И что вы с ней сделали? — спросил он.

— Мы бросили ее труп в океан. Впрочем, рыбам досталось совсем немного, — ответил толстяк.

Джек покинул «Знак горящего пестика», оставив его догорать на тракте, идущем вдоль океана.

Он шагал по берегу спокойного черного океана. Звезды в нем принимались танцевать всякий раз, когда земля и вода дрожали. Воздух был довольно холодным, и Джек чувствовал, как на него наваливается сильная усталость. Пояс с мечом казался слишком тяжелым, ему отчаянно хотелось завернуться в плащ и немного полежать. Очень не хватало сигареты.

Джек двигался как лунатик, его сапоги погружались в песок, но он окончательно проснулся, когда увидел, кто появился перед ним.

Ему показалось, что это он сам.

Он покачал головой.

— О, это ты, душа, — сказал Джек.

Его душа кивнула.

— Не было никакой нужды уничтожать гостиницу, — сказала она, — ведь скоро море сорвется с цепи, и могучие волны обрушатся на землю. Гостиница погибла бы одной из первых.

— Ты ошибаешься, — зевнув, ответил Джек. —

На то была причина: уничтожение порадовало мое сердце. Кстати, откуда ты знаешь, как поведет себя море?

— Я всегда рядом. Я была с тобой на вершине горы Паникус, когда ты говорил с могучим Утренней Звездой, я спускалась с тобой в чрево мира. Когда ты ломал Машину, я стояла рядом. Я вернулась с тобой. Я сопровождала тебя до этого места.

— Зачем? — спросил Джек.

— Ты знаешь, чего я хочу.

— …А я уже множество раз давал тебе ответ.

— Ты же понимаешь, что сейчас все иначе, Джек. Своими действиями ты лишил себя большей части сил — возможно даже, всех. Вероятно, ты уничтожил все свои жизни, за исключением этой, последней. Теперь ты нуждаешься во мне. И ты сам это знаешь.

Джек смотрел на океан и звезды, плясавшие, точно светлячки.

— Может быть, — ответил Джек. — Но не сейчас.

— Посмотри на восток, Джек. Посмотри на восток.

Джек поднял взгляд и повернул голову.

— Это горит гостиница, — сказал он.

— Значит, ты не согласен объединиться?

— Не сейчас. Но и прогонять я тебя не стану. Давай вместе вернемся в Теневую Обитель.

— Хорошо.

В этот момент земля содрогнулась — такого сильного толчка еще не было, и Джек покачнулся. Когда же она вновь успокоилась, он вытащил клинок и начал рисовать на песке узор.

И произносить заклинание. Когда он уже почти закончил, огромная волна накрыла его с головой и сбила с ног. Он почувствовал, как его тащит вверх по берегу, легкие загорелись от нехватки воздуха. Он постарался следовать за волной, понимая, что произойдет дальше.

Свет мерцал у него перед глазами, пока он упирался ногами в песок и толкал себя вперед. Ему удалось немного продвинуться, прежде чем волна отхлынула.

Джек отчаянно сопротивлялся ее попыткам утащить его за собой, изо всех сил работал руками и ногами, полз…

…И, наконец, освободился.

Он лежал лицом вниз на холодной мокрой гальке, ногти у него были сломаны, сапоги наполнились водой.

— Джек! Сюда! Поспеши!

Это звала его душа.

Он лежал, задыхаясь, не в силах пошевелиться.

— Иди, Джек! Или прими меня прямо сейчас! Скоро будет вторая волна!

Джек застонал, попытался подняться, но не сумел.

И тогда со стороны пылавшей гостиницы, пламя которой заливало пляж бледным красноватым сиянием, послышался грохот — рухнули крыша и одна из стен.

Теперь часть света была перекрыта и вокруг Джека затанцевали тени.

Едва не плача, он черпал из них силу всякий раз, когда они на него падали.

— Джек, ты должен поспешить! Волна растет! Она приближается!

Джек поднялся на колени, а потом на ноги. И, спотыкаясь, побрел вперед.

Он выбрался на более высокую часть берега и продолжал подниматься дальше. Увидев, что душа ждет его впереди, Джек направился к ней.

За спиной ревела приближавшаяся вода.

Он не стал оборачиваться.

Наконец Джек услышал, как волна обрушилась на берег, и почувствовал брызги. Но только брызги.

Он слабо улыбнулся своей душе.

— Вот видишь? — сказал Джек. — Я все-таки не нуждаюсь в твоих услугах.

— Очень скоро все изменится, — ответила душа, улыбнувшись в ответ.

Джек провел рукой по поясу, нащупывая кинжал, но океан забрал его вместе с плащом. Меч, который он держал в руке, когда на него обрушилась волна, постигла та же участь.

— Значит, море ограбило вора. — Джек рассмеялся. — Это все усложняет.

Он опустился на колени и, морщась из-за сломанного ногтя, заново нарисовал указательным пальцем узор.

А потом, не поднимаясь, произнес заклинание.

Он стоял на коленях в большом зале Теневой Обители, а вокруг горели факелы и высокие тонкие свечи. Довольно долго он не шевелился, позволяя теням ласкать себя. Потом встал и прислонился к стене.

— Что теперь? — спросила у него душа. — Ты примешь ванну и отоспишься?

Джек повернул голову.

— Нет, — ответил он. — Я не рискну пропустить время моего величайшего триумфа — или поражения, чего никак нельзя исключать. Я немного передохну здесь, а потом приму мощные снадо-

бья, которые придадут мне бодрость и силу.

И он подошел к шкафу, где хранил снадобья, отпер его с помощью заклинания и приготовил себе порцию. Пока Джек этим занимался, он заметил, что у него трясутся руки. Перед тем как выпить оранжевую жидкость, ему пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы избавиться от песка во рту.

Затем он запер шкаф и подошел к ближайшей скамье.

— Ты уже дольно долго не спал — и принимал такое же снадобье на пути к Великой Машине.

— Подозреваю, мне это известно лучше, чем тебе, — заявил Джек.

— Ты испытываешь серьезное перенапряжение, — сказала душа.

Джек ничего не ответил. Через некоторое время он начал отчаянно дрожать. Однако продолжал молчать.

— Теперь требуется больше времени, чтобы снадобье начало действовать, не так ли?

— Замолкни! — велел ей Джек и поднялся на ноги. — Стаб! Проклятье! — крикнул Джек. — Где ты? Я вернулся домой!

Вскоре появился темноземелец — он явно спешил.

— Милорд! Вы вернулись! Мы не знали…

— Теперь знаете. Приготовь мне ванну, свежую одежду, новый меч и еду — много еды! Я голоден! И пошевеливайся!

— Слушаюсь, сир!

Стаб ушел.

— Ты чувствуешь себя настолько неуверенно в собственной крепости, что тебе нужен меч, Джек?

Он повернулся и улыбнулся.

— Наступили особые времена, душа. Если ты оставалась так близко от меня, как утверждаешь, то знаешь, что обычно я не ношу оружия в этих стенах. Зачем ты пытаешься вывести меня из равновесия?

— Это привилегия души, можно даже сказать, долг — периодически так поступать.

— Тогда найди более подходящее время для использования своих привилегий.

— Но сейчас идеальное время, Джек, — самое лучшее из всех возможных. Ты боишься, что, если утратишь силу, твои подданные восстанут против тебя?

— Заткнись!

— Ты, конечно, знаешь, что они называют тебя Джеком-Злодеем.

Джек снова улыбнулся.

— Нет, — сказал он. — У тебя ничего не выйдет. Я не позволю тебе меня разозлить и заставить совершить какую-нибудь глупость. И да, мне известен титул, который они мне дали, — впрочем, лишь немногие бросали его мне в лицо, и никто дважды. Неужели ты не понимаешь, что если бы любой из них занял мое место, то получил бы такой же титул, причем очень скоро?

— Да, я это понимаю. Дело в том, что у них нет душ.

— Я не стану с тобой спорить, — сказал Джек. — Хотя мне бы хотелось узнать, почему никто из них не обратил внимания на твое присутствие.

— Я видна только тебе, да и то лишь в тех случаях, когда сама того желаю.

— Превосходно! — заявил Джек. — Почему бы тебе не стать невидимой для меня прямо сейчас, чтобы я мог спокойно насладиться ванной и трапезой?

— Извини, я еще не совсем готова.

Джек пожал плечами и повернулся к душе спиной.

Через некоторое время принесли его ванну и наполнили ее водой. Когда мир содрогнулся особенно сильно, часть воды расплескалась, а по стене побежала иззубренная трещина, похожая

на черную молнию. Две свечи упали и сломались. В соседнем помещении рухнул с потолка камень, никого не задев.

Не успел Джек раздеться, как ему принесли новый клинок. Он проверил его и кивнул.

Не успел Джек забраться в ванну, как на скамью положили чистую одежду.

Не успел Джек закончить мыться, как рядом поставили стол.

К тому времени, когда он вытерся, оделся и повесил на пояс меч, стол был уже накрыт.

Он ел медленно, наслаждаясь каждым кусочком. Его трапеза получилась невероятно обильной.

Потом он встал и удалился в свой кабинет, где отыскал сигареты. Оттуда он направился к своей любимой башне и поднялся на нее.

На вершине Джек сел, закурил и принялся наблюдать за черной сферой. Да, она заметно сместилась с того момента, когда он в последний раз на нее смотрел. Джек выдохнул дым в ее сторону. Возможно, это действовали снадобья, но он чувствовал восторг от того, что совершил. Что бы ни случилось, он был движущей силой, отцом новых обстоятельств.

— Теперь ты сожалеешь, Джек? — спросила

его душа.

— Нет, — ответил Джек. — Это следовало сделать.

— Но тебе *жаль*, что это следовало сделать?

— Нет, — ответил Джек.

— Зачем ты сжег гостиницу «Знак горящего пестика», что стояла на тракте, идущем вдоль океана?

— Чтобы отомстить за Розали, за то, как они с ней обошлись.

— Что ты чувствовал, когда шел по пляжу после этого?

— Я не знаю.

— Ты испытывал всего лишь гнев и усталость? Или нечто большее?

— Я испытывал печаль. И сожаление.

— Тебя часто посещают такие чувства?

— Нет.

— Хочешь знать, почему в последнее время они к тебе приходят?

— Если знаешь, расскажи.

— Потому что я рядом. У тебя есть душа — освобожденная душа. Я всегда рядом с тобой. Ты начал испытывать мое влияние. Неужели это так плохо?

— Спроси меня в другой раз, — предложил

Джек. — Я пришел сюда, чтобы наблюдать, а не для разговоров.

…И его слова достигли ушей того, кто его искал; а тем временем далекая гора сбросила свою вершину, извергла ввысь пламя, рыгнула и вновь замерла в неподвижности.

Глава 13

Джек слушал, как трещат скалы, и наблюдал за падением черного пятна; он слышал стоны мира, видел полосы огня на земле.

До него долетали едкие запахи нутра мира. Частицы пепла, как летучие мыши его предшественника, собрались в стаю и парили в холодном воздухе.

Звезды двигались по небу, как никогда прежде. Вдалеке Джек увидел семь гор, вершины которых окутывало пламя, и подумал о дне, когда заставил одну из них двигаться. Стада метеоритов носились у него над головой, напоминая о том, как выглядело небо в день его последнего воскрешения. Облака испарений и завитки дыма периодически закрывали созвездия. Земля не переставая содрогалась, а далеко внизу Теневая Обитель сотрясалась до самого фундамента. Джек не боялся, что башня упадет, он так любил это место, что наложил на него могучие заклинания, и знал, что крепость будет цела до тех пор, пока не исчезнет его сила.

Его душа молча стояла рядом. Джек снова закурил, наблюдая за лавиной на соседней горе.

Вдалеке медленно собирались тучи — там начиналась буря. Точно насекомые с многочисленными огненными ногами, они бродили от одной горы к другой, озаряли северное небо, подвергались нападениям метеоритов, терпели плевки атакованной земли. Через некоторое время Джек уже слышал сопровождавшее бурю рычание. Прошло много часов, и он отметил, что сражение смещается в его сторону.

Когда оно оказалось совсем рядом, Джек улыбнулся и обнажил клинок.

— А теперь, душа, — сказал он, — мы узнаем, насколько действенна моя сила.

Он начертил узор на камне и начал произносить слова заклинания.

Река света и грома разошлась в стороны, обтекая Теневую Обитель, оставляя ее нетронутой.

— Очень хорошо.

— Благодарю.

Теперь они были окружены: земля горела и содрогалась под ними, наверху бушевала буря, небо перечеркивали падающие звезды.

— А теперь как ты поймешь?

— Я сумею, — ответил Джек. — Более того, уже сейчас можно многое понять, разве не так?

Душа ничего не ответила.

Он услышал шаги и повернулся к лестнице.

— Должно быть, это Ивен, — сказал он. — Бури ее пугают, и она всегда приходит ко мне, когда они начинаются.

Ивен поднялась, увидела Джека и подбежала к нему. Она молчала. Он накинул ей на плечи свой плащ и обнял ее. Ивен дрожала.

— Ты чувствуешь раскаяние из-за того, что с ней сделал?

— До некоторой степени, — ответил Джек.

— Так почему бы это не исправить?

— Нет.

— Боишься, что, вспомнив, она возненавидит тебя?

Джек ничего не ответил.

— Она меня не слышит. Если я буду точно формулировать вопросы, ты сможешь кратко на них отвечать, а она подумает, что ты бормочешь себе под нос. Дело не только в ненависти?

— Да.

Некоторое время оба молчали.

— Ты боишься, что она сойдет с ума, если ты сделаешь ее прежней? — спросила душа.

— Да.

— Из чего следует, что теперь у тебя больше эмоций и чувств, чем я предполагала.

Джек ничего не ответил.

Грохот и вспышки молний не прекращались. В конце концов Ивен повернула голову, посмотрела на Джека и сказала:

— Здесь ужасно. Может быть, нам стоит спуститься вниз, дорогой.

— Нет. Ты можешь идти, если у тебя есть такое желание. Но я должен оставаться здесь.

— Тогда я останусь с тобой.

Медленно, очень медленно, буря слабела, пока окончательно не умерла. Джек видел, что горы продолжают гореть, а из расколотой земли вырываются сполохи огня. Он повернулся, заметил в воздухе белизну и не сразу понял, что это не дым, а снег. Однако он шел далеко на западе.

У Джека вдруг возникло ощущение, что ничего не получится, что опустошение окажется всеобщим. Но теперь ему оставалось только наблюдать.

— Ивен?..

— Да, господин мой?

— Я должен тебе кое-что сказать…

— И что же, любовь моя?

— Я… ничего!

Его душа приблизилась, стояла уже совсем рядом, и у него возникло странное, невыносимое

ощущение. Он снова повернулся к Ивен.

— Я сожалею!

— О чем, дорогой? — спросила она.

— Я не могу объяснить сейчас, но однажды ты вспомнишь, что я это сказал.

— Надеюсь, такое время никогда не наступит, Джек, — с недоумением проговорила она. — Я всегда была счастлива с тобой.

Он снова отвернулся, и его взгляд обратился к востоку. На миг Джек перестал дышать и почувствовал биение сердца во всем теле.

Сквозь пыль, шум, холод оно шло по следу. Неверный свет, дрожащая земля, свирепствующая буря ничего для него не значили, ведь оно не знало страха. Оно скользило по горам, точно призрак, ползло среди скал, как рептилия. Оно перепрыгивало пропасти, уворачивалось от падающих камней, однажды его обожгла молния. Это был сгусток протоплазмы на палке, это была покрытая шрамами скорлупа — и не существовало никакой причины, по которой оно должно было жить и двигаться. Возможно, оно на самом деле и не жило — во всяком случае, не так, как другие существа, даже обитатели Темной стороны. У него не было имени, лишь кличка. Его ум, предположительно, не отличался остротой — всего

лишь пучок инстинктов и рефлексов, частично врожденных. У него отсутствовали эмоции — за исключением одной. Оно обладало невероятной силой, могло переносить любые лишения, колоссальную боль и серьезные телесные раны. Оно не говорило ни на одном языке, и все, кого оно встречало, бежали от него.

Пока содрогалась земля и грохотали камни, оно начало спускаться по горе-которая-когда-то-двигалась, а сияющее облако разбрасывало вокруг огненные сполохи.

У лавины было не больше шансов остановить его, чем у любой бури.

Оно отыскивало дорогу между разбросанными валунами у основания горы и на мгновение задержалось, оценивая последний спуск.

Вот тропа, по которой оно должно следовать.

Высоко, высоко стоит, окружен стенами и хорошо защищен…

Но вдобавок к силе у него была еще и определенная хитрость.

…И единственная эмоция.

— Победил я или проиграл, но это работает, — сказал Джек, и хотя Ивен ему не ответила, это сделала его душа.

— Ты проиграл. Будет от этого миру польза или

вред, уже другой вопрос. Но *ты* проиграл, Джек.

...И, глядя на полыхающий молниями восток, Джек чувствовал, что это правда.

Ибо небо побледнело, и не от вулканической пыли и бурь. Он чувствовал, как его сила начинает уходить. Повернувшись на запад, он снова увидел, как падает далекая черная сфера, и в его сознание ворвался рассвет.

Его силы ускользали, и стены Теневой Обители начинали рушиться.

— Нам лучше бежать.

— А тебе какое дело, призрак? Тебе ведь ничто не может навредить. Я не побегу. Я уверен, что башня выстоит против рассвета.

Камни и кладка дождем сыпались во двор, стена рухнула, открыв внутренние помещения. Джек услышал крики слуг, выбегающих наружу. Земля вновь сотряслась, и башня слегка покачнулась.

Джек снова посмотрел на розовое небо востока.

— Утерянный Ключ, Колвиния, снова утерян, — сказал он. — Теперь навсегда.

Он попробовал сотворить простейшее заклинание, и ничего не вышло.

Джек услышал рев, словно на свободу вырва-

лись потоки воды, и дальняя часть цитадели рухнула.

— Если ты не станешь убегать, что будет с девушкой, стоящей рядом с тобой? — спросила душа.

Джек повернулся к Ивен, о которой почти забыл, и увидел, что на лице ее проступило странное выражение.

Сначала он не мог его понять, а потом она заговорила, и Джек заметил, что тембр ее голоса изменился.

— Что происходит, Джек? — спросила Ивен.

Пока она говорила, он почувствовал, как тело ее напряглось и отстранилось от него. Он немедленно расслабил руку, чтобы не мешать ее движению.

И в один миг понимание затопило его разум. Теперь, когда его магические способности исчезли, заклинание, наложенное на Ивен много лет назад, переставало действовать. По мере того как рассвет вступал в свои права над растревоженным миром, ее разум стремительно освобождался от пут.

Джек начал говорить, надеясь завладеть ее вниманием, отвлечь ее от меняющегося состояния.

— Это сделал я, — признался он. — Семеро

записанных в Красной Книге Основ не стали поддерживать Щит, закрывавший нас от внешнего холода, поэтому я их убил. Однако я ошибся, полагая, что без них можно обойтись. И, хотя я считал, что справлюсь сам, оказалось, что мне не под силу сделать это в одиночку. Оставалась лишь одна альтернатива. Я разрушил Великую Машину, которая поддерживала мир таким, каким он был. Точнее, это мы, обитатели Темной стороны, создававшие свои легенды на основе почти непостижимого явления, которое называется «наука», говорим, что миром управляет Машина. Обитатели Светлой стороны, столь же суеверные, считают, что ядро мира наполнено огненными элементалями и расплавленными минералами. Кто скажет, что правильно, а что — нет? Философы обоих полушарий не раз говорили, что чувственный мир есть иллюзия. Для меня это не имеет значения. Какой бы ни была реальность, от которой мы, похоже, навечно изолированы, я отправился к центру мира и устроил там катастрофу. Теперь ты видишь результат моих действий. Из-за того, что я сделал, планета начинает вращаться. Больше не будет Темной и Светлой стороны. Темнота и свет станут последовательно сменять друг друга по всему миру.

Ночь, я чувствую, всегда будет хранить в себе то, что было привычно нам, а в лучах солнца — вне всякого сомнения — будет торжествовать наука.

«Конечно, — мысленно добавил он, — если мир не будет уничтожен».

В этот момент он задумался, что предположат светлоземельцы — что подумают в университете, — когда настанет вечер, а потом ночь и покажутся звезды. Не сочтет ли Пойндекстер все это масштабным розыгрышем под конец семестра?

— Таким образом, — продолжал он, — пропадет нужда защищаться от холода или жары. Тепло звезды, вокруг которой мы движемся, будет распределено, а не сконцентрировано. Я…

— Джек-Злодей! — закричала она, быстро от него отступив.

Краем глаза он заметил, что над горизонтом появилась сияющая оранжевая дуга.

Когда ее лучи упали на них, башня задрожала и стала раскачиваться. Джек услышал звук падающих внутри самой башни камней, ощутил вибрацию сквозь подошвы ботинок.

…А Ивен горбилась, и глаза ее были широко распахнуты, и свободно распущенные волосы безумно вились на жестоком ветру…

…А в правой руке ее Джек увидел кинжал.

Он облизнул губы и отступил.

— Ивен, — сказал он. — Пожалуйста, выслушай меня. Я могу отобрать эту игрушку, но не хочу причинять тебе вреда. Ты и без того много страдала из-за меня. Пожалуйста, убери его. Я постараюсь сделать…

Она бросилась на него, Джек потянулся к ее запястью, промахнулся и шагнул в сторону.

Лезвие пролетело мимо, увлекая за собой руку. Джек схватил Ивен за плечи.

— Джек-Злодей! — повторила она и ударила кинжалом по его руке.

Его хватка ослабела, Ивен вырвалась и попыталась ударить его в горло.

Джек заблокировал ее запястье левым предплечьем и оттолкнул ее правой рукой. Он успел заглянуть ей в лицо: в уголках ее рта появилась пена, подбородок испачкала кровь из прокушенной губы.

Ивен отшатнулась к балюстраде, и та не выдержала. Все произошло беззвучно.

Джек бросился к ней, но успел лишь увидеть ее развевающиеся юбки, когда она падала вниз, во двор. Крик ее был кратким.

Джек отступил на несколько шагов, когда баш-

ня покачнулась, угрожая сбросить вниз и его.

Солнце уже наполовину взошло.

— Джек! Ты должен уходить! Все рушится!

— Это не имеет значения, — сказал он.

Однако повернулся и направился к лестнице.

Оно обыскивало коридоры, войдя в цитадель через зиявшую брешь в северной стене, оставляло тела там, где они падали, всякий раз, когда ему приходилось убивать. В какой-то момент на него обрушился потолок. Оно сумело выбраться из-под обломков и продолжило путь.

Оно пряталось за грудами камней, когда мимо пробегали люди с водой, пытавшиеся потушить пожар; оно скрывалось в нишах и за гобеленами, за мебелью и дверями; оно скользило, точно призрак, ползло, как рептилия.

Оно пробиралось между обломками, пока снова не обнаружило след, который уходил, извиваясь, все выше и выше…

Туда оно и направится.

Небо разорвал свет, перед глазами у Джека снова и снова возникала сломанная балюстрада, распускался цветок юбок, слюна и кровь Ивен становились чернилами, которыми была записана его вина, грохот подвергавшейся пыткам

земли сделался сродни тишине из-за своего однообразия, расколотые камни заострила четкость утренних теней, ветры пели погребальную песнь, а дрожь рушившейся башни превратилась в нечто утешительное. Джек подошел к лестнице и увидел, как оно поднимается.

Он обнажил меч и стал ждать, ведь другой дороги вниз не было.

«Странно, — подумал Джек, — инстинкт самосохранения не исчезает до самого конца — что бы вокруг ни происходило».

Он крепко держал меч, когда Боршин преодолел последние ступеньки и атаковал.

Клинок пронзил левое плечо существа, но не остановил его. Когда Боршин нанес удар, Джек выпустил оружие и упал на спину, и тварь прыгнула на него.

Джек откатился в сторону и сумел встать на колени, когда Боршин снова пошел в наступление. Клинок все еще торчал из его плеча, сияя в лучах света; крови на нем не было, лишь густая коричневая жидкость сочилась по краям раны.

Джеку удалось уйти от второй атаки и ударить тварь обеими руками, однако это не произвело на нее ни малейшего впечатления. У Джека возникло ощущение, что он бьет пудинг, который

не расплескивается от ударов.

Еще дважды ему удавалось ускользать от атаки, один раз он сумел лягнуть Боршина по ноге и ударить локтем по голове.

В следующий раз Боршин его задел, однако Джек ударил по торчавшему из его плеча клинку и отделался порванной туникой.

Кружа, отступая, стараясь держать между ними как можно бóльшую дистанцию, он подхватил два куска каменной кладки и отскочил назад. Если бы не это, Боршин бы его достал. Тварь стремительно развернулась, и Джек швырнул в нее один из камней — и промахнулся.

А в следующее мгновение — Джек не успел сделать второй бросок — Боршин кинулся на него.

Джек бил его по голове своим единственным оружием до тех пор, пока не выронил его. Тварь навалилась ему на грудь, ее лицо было так близко, что Джеку хотелось закричать — он бы так и сделал, но ему не хватало воздуха.

— Как жаль, что ты сделал неправильный выбор, — услышал он голос своей души.

Боршин одной рукой ухватил Джека за затылок, второй вцепился в его лоб и попытался свернуть ему шею.

Когда темнота начала подниматься изнутри, а

слезы боли смешались на лице с потом, голова Джека повернулась, он увидел то, что вызвало у него мгновенное удивление.

Магия исчезла, но рассвет все еще напоминал сумерки, а в них он мог действовать — пусть не как маг, но как вор.

Ведь его стихией были тени.

…Ни один клинок не мог коснуться его там, никакая сила не могла причинить ему вред.

Встающее солнце осветило кусок балюстрады, и та отбросила длинную темную тень, упавшую всего в футе от Джека.

Он попытался до нее добраться, но не смог. Тогда Джек выбросил правую руку так далеко, как только сумел.

Его кисть и часть предплечья оказались в тени.

Боль никуда не делась, как и треск позвонков; он по-прежнему ощущал сокрушительную тяжесть на груди.

Однако знакомое темное чувство вошло в него и потекло по телу.

Джек как мог старался не потерять сознание и напрягал мышцы шеи. С помощью извлеченной им силы он изворачивался и отталкивался до тех пор, пока в тени не оказались вся рука и плечо.

А затем, используя локти и каблуки, он сумел переместить голову в дававшую силу тень.

Затем он высвободил вторую руку, его пальцы сжались на горле Боршина, и он втащил тварь за собой.

— Джек, что происходит? — услышал он голос души. — Я не вижу тебя, когда ты в тени.

Прошло довольно много времени, прежде чем Джек вышел из тени.

Он ухватился за ближайшую часть балюстрады и остановился, тяжело дыша.

Он был весь покрыт кровью и липкой коричневой субстанцией.

— Джек?

Его рука дрожала, когда он потянулся внутрь того, что осталось от его туники.

— Проклятье, — хрипло прошептал он. — Мои последние сигареты сломались.

Казалось, он вот-вот заплачет.

— Джек, я не думала, что ты уцелеешь…

— Я тоже. Ладно, душа. Ты достаточно долго меня донимала. Я многое перенес. Теперь у меня ничего не осталось. Я могу осчастливить хотя бы тебя. Я даю тебе свое согласие. Делай что должна.

Он на мгновение закрыл глаза, а когда снова их открыл, увидел, что его душа исчезла.

— Душа? — позвал он.

Ответа не последовало.

В его ощущениях ничего не изменилось. Неужели они действительно объединились?

— Душа? Я дал тебе то, чего ты хотела. Ты могла бы со мной поговорить.

Никакого ответа.

— Ну и ладно! Кому ты нужна?

Джек повернулся и посмотрел на истерзанную землю, увидел, как косые лучи солнца даруют цвет пустыне, в которую он превратил свой мир.

Ветры стихли, и казалось, будто воздух наполнило пение. Несмотря на развалины и тлеющий огонь, в этом ощущалась своеобразная обожженная красота. Не было бы никакой необходимости опустошать эти земли, если бы у него внутри не таилось нечто, приносящее боль, смерть и бесчестье туда, где их прежде не было. Однако из этих разрушений, а точнее поверх них, возникло то, чего он никогда прежде не замечал. Как будто все, на что он смотрел, содержало в себе возможность идеала. Вдалеке он видел разгромленные деревни, горы с отсеченными вершинами, обугленные леса. Вина за все это зло лежала на нем, ибо он и в самом деле заслужил свое прозвище. Однако Джек чувствовал, что на этих обломках вырастет нечто новое. Он не сможет поставить это себе в заслугу. Он может лишь нести бремя вины. Но он чувствовал, что больше ничто не помешает ему увидеть то, что возникнет теперь, когда мир изменился, ощутить это, насладиться этим и, быть может, даже… впрочем, нет. Пока, по крайней мере. Но непрерывное чередование света и темноты станет новым порядком, и Джек знал, что это будет хорошо. Он повернулся и посмотрел на восход, вытер слезы и посмотрел на него еще раз — у него возникло ощущение, что

его взору предстало самое прекрасное зрелище из всех, которые он когда-либо видел. Да, вероятно, у него появилась душа, ведь никогда прежде он не испытывал ничего похожего.

Башня перестала раскачиваться и начала разваливаться вокруг него.

«Я был искренен, Ивен, — подумал он. — И даже сказал это до того, как у меня появилась душа. Я сказал, что сожалею, и был искренен. Я сожалею не только о том, что сделал с тобой. Но о том, что сделал со всем миром. Я прошу прощения. Я люблю тебя».

…Камень за камнем башня разваливалась на части, и Джека отшвырнуло к балюстраде.

«Все правильно, — подумал он, когда почувствовал, что ударяется о перила. — Все правильно. Спасения нет. Когда ветер, огонь и вода очищают мир, все злое гибнет или уносится прочь, и последнее и величайшее из зол не должно избегнуть этой участи».

Он услышал могучий шум, подобный мощному порыву ветра, балюстрада треснула, и перила полетели во двор. На мгновение звук сделался прерывистым — как будто хлопало вывешенное сушиться белье.

Когда Джека перебросило через край, он сумел

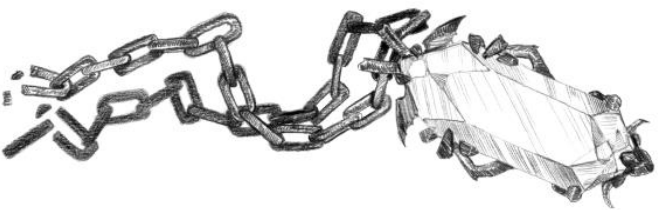
развернуться и посмотреть в вышину.

Падая, он увидел в небесах темную фигуру, которая росла у него на глазах.

«Конечно, — подумал Джек, — ведь он наконец-то увидел рассвет и стал свободен…»

Сложив крылья, с бесстрастным выражением лица, Утренняя Звезда падал, точно черный метеор. Приблизившись, он вытянул свои длинные руки и раскрыл массивные ладони.

«Интересно, — подумал Джек, — успеет ли он?»



Джек-Тень

Новелла

ДЖЕК–ТЕНЬ

НОВЕЛЛА

Я шел мимо горной крепости, огибая владения некоего лорда Белринга, чью репутацию у меня не было никакого желания проверять. Я не знал этих земель, и когда увидел скалящееся предупреждение у подножия украшенного горгульями замка, то решил отложить знакомство с этим местом на потом:

Если хочешь жить, путник,
не пересекай этой черты,
иначе носить тебе улыбку,
подобную моей…

Но наверху, на уродливой стене, мне почудилось какое-то шевеление. Несколько мгновений я просто наблюдал, не будучи уверенным, обманывают меня глаза или нет…

…Но лишь несколько мгновений. Я получаю такое же удовольствие от жестокого зрелища, как и любой другой, однако у меня нет никакого желания становиться его участником. Когда твари поднялись в воздух, я принялся искать укрытие, пытаясь обнаружить тени, которые смогут защитить меня. Я заметил маленький затененный участок, когда они подлетели и стали кружить надо мной. В этом месте метались мои двойники, но оно было совсем небольшим, да к тому же тени исчезали, когда твари махали крыльями, заслоняя исходивший от замка тусклый свет…

…и их было слишком много. Достаточно, чтобы сразить всех теневых Джеков и единственного настоящего. Когда до меня дотянулись руки, от которых я не смог увернуться, я развеял двойников и вобрал в себя оставшуюся энергию теней.

Я всегда предпочитал хитрость насилию. Это чудовищно — быть вынужденным сражаться, когда тебя превосходят количеством и массой. Насилию, как болезням или долгам, лучше подвергать других, нежели подвергаться самому.

Полагаю, мой отпор удивил их.

К сожалению, их массивные тела полностью уничтожили тень, и я был вынужден полагаться только на свои собственные силы. Их я также растратил… однако твари не желали моей смерти. Я не знал, радует меня это или тревожит. И все же продолжал бороться, надеясь улучить возможность сбежать или найти еще один лоскуток тени… Увы!

Я был почти без чувств, когда горгульи подняли меня и отнесли по воздуху сквозь темноту туда, откуда появились.

Когда мы снижались, я увидел, насколько это место древнее, и уловил запах изысканного волшебства, творимого внутри.

Когда перед моим взором предстала хозяйка замка, я вынужден был признать, что это значительное улучшение в сравнении с дряхлыми магами, с которыми мне время от времени приходилось сталкиваться…

— Итак, ты и есть Джек-Тень, — сказала она. —

Я много слышала о тебе. Прошу прощения за способ, с помощью которого я обеспечила нашу встречу… Должна признать, что внешность твоя куда приятнее, чем я ожидала. Я представляла себе грязное маленькое создание, таящееся в тени, но ты совсем на него не похож. Быть может, это окажется куда приятнее, чем я думала. Меня зовут Вара Лилира, — продолжила она, жестом приказав своим каменным стражам возвратиться в их ниши. — Это место моей силы. Я слишком поздно узнала о твоем приближении, и мне пришлось действовать поспешно. Я покажу тебе свои владения — есть вещи, которые я хотела бы с тобой обсудить.

Прогулка привела нас в ее спальню, и я задался вопросом — сначала разговор или?..

— Мне нужны услуги лучшего вора, какого я могу найти, — сказала она, — чтобы украсть Глаз Иската.

— Вот как? — спросил я, когда она подошла поближе — пламя и металл, скрытые за улыбкой и мягкостью. — А что такое Глаз Иската?

— Это камень удивительной силы, — ответила она. — Он безмерно увеличивает природные возможности хозяина. В данное время им владеет лорд Белринг из Углов. Он хранит его в своем

Дворе Сотни Башен. Ты знаешь это место?

— Я слышал о нем, — ответил я. — Говорят, что в каждой башне висит колокол, который звонит, как только кто-то входит в нее. Весьма эффективная система безопасности.

— Да, все так и есть, — сказала она, придвигаясь еще ближе. — Я хочу, чтобы ты отправился туда и принес Глаз мне.

— Я слышал что-то о страже, обитающем в том месте…

— Правильно, — сказала она, легонько обнимая меня. — Старый колдун создал какого-то страшного зверочеловека по имени Воркл. Он прозрачен, и его трудно увидеть. Но ты, естественно, уже предупрежден…

— Камень спрятан в одной из башен?

— Думаю, да, но не могу сказать в какой. Вот чего я хочу от тебя, Джек. Тебе это интересно?

Я посмотрел в ее глаза.

— Мне это интересно, — произнес я.

Мы перебрались на самый полезный предмет мебели, где я и начал преследовать свой интерес с превеликим тщанием.

— Джек, дорогой, отправишься ли ты выполнять мое поручение? — прошептала она в тот момент, когда я считал, что у нее на уме нечто

другое.

— Отправлюсь, — ответил я.

Позже, убедившись, что она уснула, именно это я и сделал — отправился в путь. Я собрал свою одежду и с незаменимой в моей профессии бесшумностью ускользнул из спальни.

Во время недолгой прогулки по ее дому я заметил выходящее к скале окно, через которое я мог бы бежать. У меня не было никакого желания связываться с прозрачными существами в Темных землях, где правят колдуны с репутацией безумцев. Никакого…

Настало время пожелать замку Лилиры всего наилучшего. Несмотря на способ, которым я сюда попал, мое краткое пребывание здесь вряд ли могло считаться неприятным. Если бы леди хотела чего-нибудь попроще, меня можно было бы убедить остаться подольше…

Я добрался до окна и вытащил из подкладки плаща крепкую веревку, не раз служившую мне в прошлом. Из ножен в сапоге я вынул складной крюк, раскрыл его и привязал к веревке.

Бросок вышел удачным, крюк угодил в узкую расщелину. Когда я подергал за веревку, оказалось, что засел он достаточно крепко. Оставалось только привязать другой конец к тумбе, которая

минутой раньше попалась мне на глаза. Все прочее было прямиком из курса по проникновению и уходу, который я однажды читал в Воровском колледже…

Когда я встал на веревку и глянул на качающийся внизу пейзаж, меня вдруг ошеломил тот факт, что видимость стала хуже, чем несколько минут назад. Над скалами поднимался туман. Ничего страшного, я пока видел веревку и доверял своему чувству равновесия… но в то время как я двигался вперед, туман продолжал подниматься и вскоре совсем окутал меня. Я удивился той неестественной скорости, с которой все произошло.

Что-то здесь было неправильно. Впереди в тумане показался просвет — каким-то образом я повернул обратно! Веревка вела меня к крыльям и оскаленной пасти.

…Вара покачала головой и почти грустно посмотрела на меня.

— Вот так ты держишь слово, вор? Я разочарована. Жаль. Я предпочла бы, чтобы ты служил мне по своей воле. Охрана! Отведите его в темницу!

Когда меня проводили в новые апартаменты, Вара осмотрела их с выражением неодобрения на лице.

— Говорят, ты властен над тенями, — сказала она. — Необходимо кое-что предпринять, чтобы ты не смог воспользоваться ими здесь.

Подняв руки вверх, она начала светиться. Волны света охватили ее, в конце концов собравшись вокруг рук. Это сияние ослепило меня, и я прикрыл глаза ладонью. Кольца света окружили меня, лишив всякой возможности контактировать с тенью.

— Разве мой свет не прекрасен? — спросила она. — Ты не сможешь избавиться от этих оков. Поразмысли о своих поступках. Прощай!

Когда обо мне говорят в тени, я слышу каждое слово… В тени будуара она разглядывала меня через свой кристалл и бормотала что-то о вероломстве мужчин. Затем ее глаза загорелись.

— Доппельгангер, — сказала она, хлопая в ладоши. — Я пошлю его двойника, у которого будут все его способности, но не будет его коварства.

Когда она начала творить новое заклинание, я почувствовал в груди острую боль. Это была опасная магия, особенно для человека, с которого снимают копию. Чем дольше существует доппельгангер, тем слабее становится его оригинал, пока в конце концов…

Он будет идентичен мне в физическом отноше-

нии, хотя и без тех очаровательных неуловимых мелочей, которые делают меня тем, кто я есть. Я беспокоился в своих оковах из света. Его чрезмерные усилия могли истощить меня и в конце концов довести до полного исчезновения.

Когда она доверила доппельгангеру поручение, от которого я отказался, я понял, что должен освободиться как можно скорее… Освободиться, догнать его и слиться с ним…

Пока он рвался сквозь ночь по направлению к Двору Сотни Башен, я выработал опасный план действий. Я постарался вспомнить заклинание, которым Вара сковала меня… Оно пришло ко мне, и я мысленно повторил его. Я не знал способа уничтожить световые оковы, но надеялся, что мне удастся перегрузить их, сотворив заклинание еще раз…

Я начал говорить, и свечение вокруг меня усилилось. Вара вскоре узнает о моем вмешательстве, но, возможно, к тому времени это уже будет неважно. Я прикрыл глаза рукой, дочитал заклинание, начал его снова…

Вара должна была уже знать о том, что происходит…

Когда они добрались до меня, было уже слишком поздно. Кольца задрожали, потом исчезли, и

моя темница наполнилась чистым светом. Мне последняя вспышка вреда не причинила, а вот их должна была задержать.

Я услышал, как они вошли, закричали и рухнули по обе стороны от двери, когда заклинание перестало действовать, и обнаружил, что все еще стою. Но я был слаб… я был очень слаб, когда бросился прочь из темницы и выбрался из замка.

Горгульи пытались остановить меня, но я уже добрался до тенистого места. Там никто не смог бы найти меня против моей воли. Когда они наконец убрались восвояси, я направил свои стопы к Углам — месту, с которым граничило сразу несколько владений; неподалеку от него стоял замок, где обитал лорд Белринг. Слабея с каждой лигой, я бежал так быстро, как только мог, гадая, как обстоят дела у моего двойника.

Я разглядел впереди нагромождение монолитных башен; во многих из них были видны огромные колокола. Большинство из них висело спокойно, однако некоторые уже начали звонить — значит, мой двойник приступил к поискам. Я заспешил вперед.

Где-то внутри рыскал другой Джек, и мне надо было отыскать его до того, как это сделает Воркл, — самому избегая Воркла, — и найти спо-

соб слиться с ним. Когда я ступил во двор, зазвучал еще один колокол. Вглядываясь в направлении звона, я заметил перепрыгивающую с башни на башню фигуру, странно похожую на меня.

Я начал преследование. Теперь перезвон колоколов ощущался физически. Каждый новый голос усиливал шум, и вскоре у меня начало гудеть в ушах. С этим нужно было покончить как можно скорее — звон уже причинял мне боль.

Я преследовал двойника. Сейчас он был быстрее, моя слабость говорила о его силе. Если бы я мог догнать его, поговорить с ним… Но он не услышал бы меня, даже если бы я рискнул крикнуть. Я приблизился, и к хору колоколов присоединился еще один. Казалось, что мои барабанные перепонки горят… Я упал и попытался приглушить звон колоколов, зажав уши. Двойник был далеко. Я…

Я уловил движение. Почти незаметное. Расплывчатое пятно в окне… Должно быть, это Воркл. Он приближался… Сильный, бесшумный и смертоносный… Я должен был встать на ноги. Должен был бежать… Я попытался подняться, глядя на приближающееся создание. Собрал всю оставшуюся во мне силу и рывком вскочил на ноги…

Оно двигалось быстрее, чем я мог себе пред-

ставить. Только что оно было на другой стороне комнаты — и вот уже почти рядом, стеклянистые руки вытянуты, пальцы согнуты, полупрозрачные мышцы перекатываются при каждом движении.

Я завернулся в плащ, готовясь к отступлению. Мой взгляд упал на лестницу, ведущую к башне. Я повернулся и рванул в ее направлении, скорее ощущая, нежели видя за собой преследователя.

Оказавшись в комнате, где звонил колокол, я с облегчением обнаружил внутри тени, множество теней…

Я обернул их вокруг себя, словно еще один плащ, и высвободил их мощь. В комнате появилось множество моих точных копий, и все они скользили, танцевали и метались в разных направлениях. Мгновение сбитый с толку Воркл стоял, словно ледяная статуя. Затем он повернулся, двинулся в одну сторону, потом в другую, хватая и молотя руками, пытаясь разрушить мои копии одну за другой. Огромный колокол раскачивался из стороны в сторону, его грохот оглушал меня, не давая услышать звуки, которые издавало существо.

Я двигал свои изображения все быстрее и быстрее, они пританцовывали, кружили, прыгали

вокруг Воркла. Воркл вертелся во все стороны и казался все более сбитым с толку. Сквозь звон я чувствовал, что моя сила снова начинает убывать. Неужели я — настоящий я — становлюсь столь же прозрачным, как то существо, что пытается меня убить?

Его замешательство все увеличивалось, пока я тратил остаток сил на то, чтобы управлять тенями-марионетками, заставляя их приближаться к нему со всех сторон и отскакивать обратно. Но колокол! Каждый его удар словно раскалывал мой череп на части.

На мгновение от напряжения у меня закружилась голова. Мои тени вернулись в тень, и я ощутил, как у меня подламываются колени. Должно быть, я стал виден всего на миг, но в этот миг Воркл заметил меня и повернулся в мою сторону.

Он сделал шаг. Я хотел бы сказать, что все так и задумал, что манипулировал своим врагом, но сбитое с толку создание оказалось именно в этом месте именно в этот момент по чистой случайности. Колокол качнулся и возвратным движением ударил в него. Раздался звук бьющегося стекла, как бывает, когда в барной драке страдает винный шкаф, и осколки Воркла разлетелись во все стороны, ибо этот колокол звонил по нему.

Когда я смотрел на останки создания, у меня на затылке зашевелились волосы, словно и сам я в этот момент был объектом наблюдения… а почему бы и нет? Мой двойник был где-то рядом, а безумный хозяин этого места вряд ли не знал о том, что здесь происходит.

Если Белринг видел гибель своего стража, он, без сомнения, готовил сейчас еще какую-нибудь каверзу.

Я представлял его таким, каким мне его описывали, — коренастым и мощным. Если всего несколько минут подобной музыки так повлияли на мои мозги, что же случилось с ним за многие годы?

Колдуном и проклинателем он был первоклассным. Я услышал свое имя и в его мыслях, и в заклинании, которое за ними последовало. Его

магия немало меня тревожила…

С помощью дымчатого зеркала он создавал моего двойника — вне всякого сомнения, его извращенное чувство юмора черпало вдохновение из той ситуации, в которой я оказался. Но этот смертельно опасный двойник не был истинным доппельгангером. Он был создан из элементов, которые погубили бы меня, попробуй я слиться с ним вместо того, которого искал.

Когда Белринг вызвал его из зеркала, моя кровь стала еще холоднее. Как я смогу отличить одного от другого?

Где-то среди теней я услышал, как Белринг снова произнес мое имя, отправляя свое создание путать мне карты.

После этого я больше не слышал его мыслей. Новый двойник шел, чтобы довершить ту работу, что начал Воркл.

Если бы Белринг знал, насколько я на самом деле ослаб, он, возможно, не стал бы тратить на меня силы. Мне казалось, что долго я не протяну…

Но я продолжал бороться, пробираясь сквозь лабиринт коридоров. Единственной моей надеждой было обнаружить Глаз Иската. Если Вара, женщина с антрацитовым сердцем, говорила

правду и камень действительно способен усиливать врожденный дар того, кто им владеет, возможно, я сумею использовать его в собственных интересах.

Наконец я добрался до огромной комнаты, полной самых разных колоколов и колокольчиков. Здесь я был вынужден немного передохнуть. Все колокола звонили… *Нет…* Что-то не сходилось…

Внимательно разглядывая каждый из колоколов, я пытался сообразить, что именно привлекло мое внимание. Где этот хитрый старый дьявол мог укрыть свое сокровище? Я точно знал, что он уверен, будто оно в безопасности. И все же…

Скверно. Я чувствовал, что Глаз находится в этой комнате и что я упускаю нечто очевидное. Надо послушать их по одному, каждый колокол в отдельности.

Слушая их, я гадал, насколько близко мой доппельгангер. А еще — где находится мой второй двойник. У него было время, чтобы найти меня…

Вот, вот, вот… Меня осенило. Небольшой колокол возле моей руки качался, но не звонил. Мог ли его язык быть закреплен так, чтобы не доставать до стенок? Естественно — если надо было что-нибудь защитить от удара. Я снял его и потянул за язык… Отлично!

…Но когда я обернулся, чувствуя, как сияет в моей руке победа, я увидел обоих своих двойников: одному из них был нужен камень, другому — моя жизнь. Оба угрожающе приближались ко мне.

Они подняли руки и словно магнитами стали тянуть из меня энергию. Я был глупцом, когда думал, что смогу договориться с самим собой. Ни о каком перемирии и речи идти не могло…

Но я слишком ослабел, чтобы им противостоять. Их объединенные силы не давали мне возможности двигаться. Теперь мне не мог помочь даже камень.

Я упал на пол, и Глаз выкатился из моей руки. Осталась только одна вещь, которой я мог доверять…

Камень оказался в том же участке тени, что и мои руки. Это я рассчитал правильно. Мгновением позже один из моих двойников поставил рядом ногу. А значит…

Одному была нужна моя жизнь. Другому — камень… Теперь я знал, кем был каждый из них, и когда он дотянулся до Глаза, я был готов. Его ожидало просветление — или лучше сказать «протемнение»?

Мои руки были совсем не там, где казалось. Одна схватила его за лодыжку, а другая взяла

камень…

Затем, почерпнув силу из тени и сфокусировав ее через Глаз Иската, я призвал обратно ту часть меня, которая была израсходована на изготовление доппельгангера. Как только энергия вернулась ко мне, он исчез.

Силы мои восстановились, и я поднялся, чтобы встретить двойника, созданного заклинанием Белринга. Камень пульсировал в моей руке, в то время как во мне бурлила сила тени.

Двойник отпрянул, словно его опалило пламя. Потом развернулся и бросился к лестнице.

Теперь он не представлял для меня угрозы и слишком напоминал одного моего знакомого, чтобы я бросился за ним в погоню. Я посмотрел, как он убегает. Скоро лорд Белринг узнает о том, что его камень у меня и что я избежал его последней ловушки. Было совсем несложно предсказать его реакцию, и именно поэтому я поспешил.

Я нашел участок стены на краю двора, где длинная тень позволяла мне спрыгнуть вниз, чего я не смог бы сделать в другом месте. Так хорошо снова быть целым, решил я, когда мои ноги коснулись земли.

Я не останавливался, пока расстояние не приглушило звон этих проклятых колоколов и Углы

не остались далеко позади.

Темнота и тишина распространялись вокруг замка Лилиры. Тяжелые тени были моими союзниками. Они помогали мне даже внутри. Словно призрак, я проскользнул мимо стражи и начал подниматься к покоям леди для последнего разговора. Видишь ли ты меня, Утренняя Звезда? От моих шагов даже пыль не шевелится…

Я умышленно зашумел, когда входил в спальню. Вара немедленно проснулась.

— Джек? Это ты там, в тени? Это можешь быть только ты… Ты вернулся, я знала, что ты вернешься. Иди ко мне, я скучала по тебе. Это хорошо, что ты вернулся. Я хотела бы, чтобы ты остался здесь. Да, обними меня, Джек, милый. Я хочу, чтобы ты запомнил этот момент до конца своей жизни…

В ее руке блеснул клинок.

Я видел, как пала моя тень. Вара поднялась с кровати. Настало время мне сделать ход.

— Здравствуй, Вара, — сказал я, показываясь из тени, пока таяла моя копия.

— Фантом! — вскричала Вара.

— Я принес Глаз Иската, как ты и просила, дорогая.

Я обратил силу камня против нее.

— …Видишь ли, я хотел бы, чтобы ты запомни-

ла этот момент до конца своей жизни.

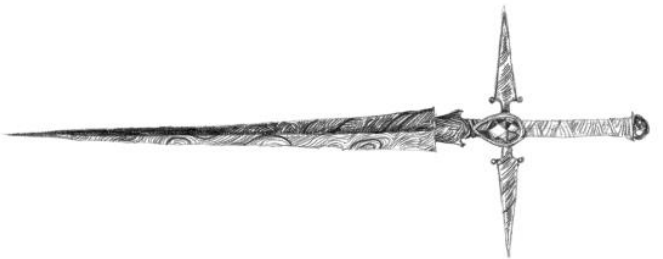
Вара отшатнулась.

— Уменьшайся, сжимайся, темней… Стань такой же жесткой и черной, как твое сердце, дорогая.

Я подобрал кусок угля, в который она превратилась, и швырнул его в камин.

— Впрочем, свет твой останется так же прекрасен.

Я уверен, что Вара оценила бы тонкость, с которой я все проделал, — если бы могла посмотреть на это бесстрастно, разумеется. Будь у нее немного иной темперамент, я уверен, что наслаждался бы ее обществом долгие годы. Но это, естественно, была бы не Вара, а я бы, наверное, мечтал об оригинале. Вероятно, для нас обоих было к лучшему, что камень мог влиять только на внешнюю форму… Джек, ты становишься сентиментальным. В конце концов, жизнь — это лишь место, где мы крадем ради собственного удовольствия и выгоды, каждый — как умеет; а сами мы — не более чем тени, укравшие немного света…



Предисловие автора

Этот рассказ предваряет события, описанные в моем романе «Джек из Тени». Особенность мира, где происходят эти события, в том, что одна его сторона постоянно обращена к солнцу. Дневная сторона живет по законам науки, и огромные энергетические экраны спасают население от поджаривания, а землю — от высушивания. Ночная сторона, где правят законы магии, защищена от холода колдовским Щитом постоянно обновляемых заклинаний. Стороны мало контактируют между собой, хотя и присутствуют в мифах, фольклоре и легендах друг друга.

Некоторые из жителей Темной стороны обладают удивительными способностями; у одних они сильнее, у других — слабее. Когда кто-то, владеющий подобными способностями, находит место, где они работают наиболее эффективно, он всячески старается установить над ним политический и военный контроль с тем, чтобы подчинить его себе. Иногда это требует немало времени и сил, поскольку на этой территории может находиться пик чужой колдовской мощи.

Но у обитателей Темной стороны времени хва-

тает, поскольку у каждого из них больше одной жизни. Сколько именно — тщательно скрываемый секрет. Спустя некоторое время после смерти они обнаруживают себя обнаженными, странным образом ожившими в Навозных ямах Глайва, в самой темной точке мира. Путь оттуда обратно, в более подходящие для жизни земли, полон опасностей.

Джек, Джек из Тени, или Джек-Тень, как его называют в разных местах, не был жителем ни Светлой, ни Темной стороны, а являлся созданием сумерек. Он родился в Сумеречных землях между двумя полушариями. Его магия зависела не от места, а от присутствия теней, из которых он черпал волшебную силу. Подобно уроженцам Темной стороны, он обладал несколькими жизнями и не собирался тратить впустую ни одну из них. В отличие от других темноземельцев он мог свободно странствовать по темным королевствам, не теряя своих способностей, а его профессия — воровство — делала путешествия необходимыми.

Эта история, одна из первых в его карьере вора, свела его с лордами Темной стороны в их местах силы, и он вынужден был использовать против них всю свою хитрость и подчинять себе тени.

Царство Теней

Синопсис

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

СИНОПСИС

Декорации: мир «Джека из Тени» до того, как начинается действие этой книги. Планета вращается, солнце встает (на западе) и садится (на востоке). Половина мира покрыта лесом и замками, примитивна, населена феодальной аристократией волшебников и волшебниц. Другое полушарие — унылое, бесплодное и пустое.

Высоко на вершине горы Паникус, на границе между обитаемым и необитаемым полушариями, живет демонического вида существо по имени Утренняя Звезда, чей торс сливается с горой. Он вечно смотрит на восток и, если взглянуть на него с той стороны, кажется всего лишь диковинной статуей. Говорят, что он не должен увидеть восход солнца, в противном случае миру, каким его знают люди, настанет конец. Утренняя Звезда созерцает закаты. Он практически всеведущ.

История начинается с юноши — ученика волшебника по имени Алекс, — который поднимается на гору, чтобы бросить запретный взгляд на Утреннюю Звезду. Солнце садится, и на далекой пустоши из ниоткуда возникает странный, ярко освещенный город (футуристический, с летательными аппаратами, кружащими над башнями). Удивленный, Алекс спотыкается, катится вниз по склону и приземляется у ног Утренней Звезды. Рогатый гигант ловит его и смеется. Никакие заклинания не действуют на необычное существо, и Алекс умоляет гиганта его отпустить. Утренняя Звезда удивляет юношу: он его отпускает, но прежде рассказывает, что на далекой равнине Алекс видел часть своей судьбы. Алекс пускается в бегство, и Утренняя Звезда говорит, что юноша

скоро вернется, чтобы выслушать его до конца, ведь даже его наставник — старый волшебник по имени Арканс — не сумеет ему помочь в том, что ждет его в недалеком будущем.

— Беги, если должен, но расскажи ему о том, что увидел, — добавляет Утренняя Звезда.

Большую часть ночи Алекс бежит по горному хребту. Он все еще видит далекий город, пока на него не падает утренний свет. Тогда город тускнеет и исчезает. Алекс возвращается в цитадель к старому волшебнику Аркансу, которому служит, и рассказывает очевидно больному старику о том, что видел.

Арканс кивает и говорит:

— Это случилось слишком рано — или слишком поздно.

Он объясняет, что предвидел свою встречу с очень могущественным колдуном — Брелтом, — который устраивает магические дуэли с другими волшебниками, убивает противников и поглощает их силу. Вероятно, сейчас он уже слишком силен, чтобы Арканс мог успешно ему противостоять, — а Арканс уверен, что он следующий в списке. Старый волшебник не понимал, почему Брелт неожиданно возжелал такого могущества, до тех пор, пока не услышал историю Алекса.

Он рассказывает юноше, что прежде существовал мир городов и деревень, где соседствовали магия и наука. Города были центрами науки и механики. А в деревнях процветала магия. Однажды, давным-давно, между двумя братьями — могущественным волшебником и великим механиком — вспыхнул спор: какой подход к жизни лучше. Они не смогли ни о чем договориться, и тогда волшебник удалился на несколько лет и создал могущественный магический инструмент — волшебную палочку, какой прежде никто не видывал. Одновременно механик собрал портативный прибор с клавиатурой, вибрации которого были способны изменить молекулярную структуру чего угодно. Они решили устроить дуэль с помощью своих изобретений.

Их поединок продолжался несколько дней, но не смог выявить победителя. Однако из-за него на свободу вырвались силы, могущественные настолько, что разорвали саму ткань реальности, отделив царство магии от царства науки в пространственно-временном континууме, — а значит, где-то существует мир, прямо противоположный их миру, с городами, где магия не работает, и унылыми бесплодными пространствами на месте деревень. Периодически — примерно

раз в столетие — два мира сливаются на двадцать четыре часа. В предшествующие этому событию три ночи их обитатели видят призрачные образы другого мира на пустошах своего.

В такие периоды необходимо кое-что сделать, продолжает свой рассказ Арканс. Попытки предпринимались множество раз, но всегда терпели крах.

Когда братья сражались, а миры начинали расходиться, произошла последняя отчаянная схватка — им пришлось вступить в рукопашный поединок. В процессе дуэли оба временно оказались безоружны. Когда разделение началось и они поняли, что происходит, каждый схватил ближайшее упавшее оружие — принадлежавшее другому. Так странный механизм оказался в волшебном царстве, где не работал, а волшебная палочка, в свою очередь, лишилась всякого могущества на другой стороне. Он, Арканс, является стражем машины, объясняет старик, и в ближайшее время, в те двадцать четыре часа, когда миры объединятся, скорее всего, будет совершена попытка ее похитить.

В течение этого времени магия и наука будут действовать на территории обоих миров, как раньше, — вот только Арканс понятия не имеет,

как работает машина, ведь у него никогда не было возможности ее испытать.

Арканс говорит Алексу, что юноше необходимо отправиться в другое царство и украсть волшебную палочку. (В прошлом такие попытки уже были.) Тот, кто завладеет предметом, способным работать в его мире, сможет этим миром править. Вероятно, заканчивает свой рассказ старый волшебник, Брелт пытается увеличить свое могущество именно по этой причине. Он хочет заполучить волшебную палочку.

Прежде чем Арканс переходит к деталям, зловещая звезда начинает падать с небесного свода, становясь все больше и ярче, пока все окно не заполняет ее красный свет. Появляется Брелт, обменивается несколькими словами с Аркансом, после чего атакует его волшебством, не обращая внимания на Алекса. Арканс не может оказать серьезного сопротивления и начинает уступать ему. Сражение продолжается, Арканс получает смертельное ранение, но не сдается. Алекс чувствует, что его охватывает яростный гнев, когда видит, в каком положении его учитель. Он призывает свои скромные силы и швыряет во врага магическую молнию, которая застает Брелта врасплох, ведь все его внимание сосредоточено

на Аркансе. Брелт падает, также смертельно раненный. Вся его накопленная сила переходит к Алексу, единственному, кто может принять освободившуюся магию.

Старик говорит, что теперь Алекс должен охранять машину вместо того, чтобы добывать волшебную палочку, — и послать за ней кого-то другого. Арканс пытается объяснить, почему им следует заполучить волшебную палочку и не отдавать машину, но умирает прежде, чем успевает договорить. (Если любой из инструментов вернется туда, где был создан, миры снова будут существовать как единое целое. При этом если в одном из них окажутся оба предмета, он будет доминировать в новом мировом порядке. А если каждый инструмент займет положенное место, миры будут сосуществовать, но различия между ними странным образом усилятся.)

Алекс остается с двумя мертвыми волшебниками, не зная, как выполнить приказ учителя. Он вспоминает слова Утренней Звезды и решает спросить у него совета.

Он отправляется на гору Паникус, прибывает туда во время заката и заговаривает с Утренней Звездой. Тот соглашается с Аркансом: если Алекс попытается сам вернуть волшебную палочку, то

машину, скорее всего, украдут. К тому же теперь он сильнейший волшебник в мире; ему следует остаться и использовать это могущество, чтобы охранять машину.

— Но тогда кого послать за волшебной палочкой? — спрашивает Алекс.

Утренняя Звезда предлагает воспользоваться услугами профессионального вора — он может порекомендовать того, кто носит имя Джек-Тень, как лучшего в своей профессии. Алекс спрашивает, как его найти, и Утренняя Звезда произносит его имя — Джек может его слышать, если оно звучит в тени. Затем Утренняя Звезда вытягивает свои огромные руки и крылья, и длинная тень, похожая на летучую мышь, простирается через всю страну.

Джек, проводящий время в гостинице или борделе, слышит свое имя и подходит к окну. Он видит приближающуюся тень, берет плащ, ступает в распространяющуюся темноту, которая возносит его ввысь, как эскалатор, и оказывается перед юным волшебником. Джек соглашается выполнить миссию по рекомендации Утренней Звезды. Очевидно, между ними существует какая-то связь. И вот Джек отправляется на восток, чтобы украсть волшебную палочку из полной ло-

вушек, хорошо охраняемой крепости, о которой ему рассказывает Утренняя Звезда.

Алекс возвращается в цитадель своего учителя, чтобы охранять машину. Занимаясь этим, он убивает время, вызывая картину далекого города, где находится волшебная палочка. Он видит трудности, встающие перед Джеком, когда тот входит в город, отыскивает крепость и пробирается в нее, — к примеру, в какой-то момент Джек перемещает предмет мебели так, что тень от него пересекает комнату, которую при малейшем давлении на пол заполняют лазерные лучи. Джек перелетает через комнату по тени — но затем предмет мебели кто-то случайно переставляет, лишая Джека возможности вернуться тем же путем… Однако Алекс отвлекается на блуждающую по технологическому центру прелестную девушку.

Мы следуем за Джеком, который находит сейф, где хранится волшебная палочка, а затем возвращаемся к Алексу — тот в своем огненном зеркале наблюдает за явлением, которого никогда прежде не видел, — взлетом реактивного самолета.

Самолет поднимается в воздух и направляется к границе между двумя мирами. Алекс сразу понимает, что это начало атаки, и принимает-

ся творить заклинание. Из-за тучи появляется дракон и устремляется вверх, однако начинает кувыркаться в воздухе, когда самолет на огромной скорости проносится мимо него и пролетает над горой, где обитает Утренняя Звезда — тот бесстрастно наблюдает за происходящим. Тогда Алекс вызывает бурю, которая обрушивается на самолет. Некоторое время тот успешно ей противостоит, но в конце концов в него ударяет молния. Одно крыло отламывается и падает. Другое аккуратно отделяется от корпуса, следом за ним хвост. Фюзеляж устремляется к земле, меняя форму. Последняя молния проносится мимо. И когда уже кажется, что корпус должен разбиться, над ним раскрывается сразу несколько парашютов — а фюзеляж превращается в бронированный автомобиль.

Сбросив парашюты, автомобиль приближается. Буря не унимается. Алекс произносит другое заклинание. Вскоре земля начинает дрожать, и в ней появляются трещины. Из них вырывается пламя; в воздух летят камни, и некоторые из них попадают в приближающийся автомобиль. Молнии продолжают сверкать. Наконец, одна из них ударяет в автомобиль, и тот взрывается. Боковая стенка отваливается, превращаясь в пан-

дус. Маленькая спортивная машина съезжает на дорогу и устремляется дальше. Алекс бросает зеркало и взбегает на стену. Оттуда он без помощи магических предметов видит приближающуюся машину.

Он наклоняется вперед и исторгает из рук магические молнии. Они обрушиваются на машину — и она начинает плавиться. Однако через несколько мгновений из обломков появляется мотоцикл, на котором сидит металлическая фигура — робот или человек, одетый в броню. Некоторое время водителю удается уходить от молний, которые швыряет в него Алекс. Металлическая фигура уже совсем рядом со стенами цитадели.

Наконец, перед мотоциклом разверзается земля, он летит в огненную пропасть, но водитель умудряется ее перепрыгнуть, приземляется с другой стороны и бегом устремляется к воротам. Металлические доспехи механизированы и полны оружия. Из рук вылетают лазерные лучи и прожигают брешь в воротах.

Алекс бросается навстречу захватчику, который уже поднимается по лестнице. Волшебные молнии Алекса нейтрализуют лазерные лучи, и противники постепенно оказываются возле

тайника, где спрятана машина. Алексу удается сжечь защитный костюм, но у него временно заканчиваются силы. Его враг поворачивается и пробивает дверь тайника.

Внутри на пьедестале стоит машина. Захватчик бросается к ней и начинает что-то набирать на клавиатуре. Алекс сбивает его с ног, захватчик падает, его шлем отлетает в сторону, сильно пострадавший костюм раскрывается. Разумеется, внутри оказывается девушка, которую он видел раньше, и Алекс на мгновение ошеломлен. Машина начинает издавать странные звуки.

Мы возвращаемся к Джеку, сжимающему в руке волшебную палочку, — он мчится по лестнице на верхний этаж здания, преследователи уже совсем рядом. Он достигает верха, вбегает в комнату, захлопывает за собой дверь и запирает ее. Потом поворачивается и видит, что оказался в ловушке. Других дверей нет, на окнах решетки. В дверь начинают стучать. Джек бросается к окну и выглядывает наружу.

Начинается рассвет. На вершине самой высокой западной горы Утренняя Звезда меняет свое положение, высоко вскидывает руки и оперенные крылья, и снова, по мере того как поднимается солнце, их тень начинает расти

и тянется к зданию, пока не накрывает окно, у которого стоит Джек. Улыбаясь, Джек меняет форму и просачивается сквозь прутья решетки как раз в тот момент, когда дверь не выдерживает натиска снаружи. Вновь он едет по тени, как по магическому эскалатору, через равнины и горы, к вершине Утренней Звезды. Там Джек без сил валится рядом с ним, сжимая в руке волшебную палочку.

Между тем в цитадели конфликт между Алексом и девушкой заканчивается, когда машина — которую она запрограммировала — поднимается в воздух и вылетает в дверь. Алекс взбирается на стену цитадели и оттуда швыряет ей вслед молнии, но машина движется слишком быстро и к тому же умудряется их парировать. Машина улетает на запад.

Утренняя Звезда держит волшебную палочку в руке и разговаривает с Джеком. Внезапно он тянется высоко в небо и сжимает другую руку, не поворачивая головы, чтобы посмотреть на то, что делает, и не прерывая речи. А когда он опускает руку, в ней оказывается машина.

Алекс (девушка — Дайджа — находится рядом с ним, они позабыли вражду) обращается к зеркалу, чтобы проследить путь машины. Он видит,

что произошло с ней и с волшебной палочкой. Утренняя Звезда каким-то образом узнает о том, что за ним наблюдают, смотрит на Алекса и Дайджу через зеркало и притягивает обоих к себе.

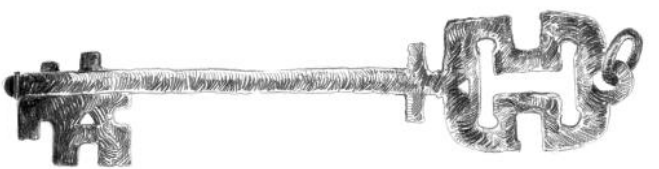
В их — и Джека — присутствии Утренняя Звезда заявляет, что пришло время вернуть оба инструмента в земли, которым они принадлежат, и вновь сделать мир единым. Он что-то делает с волшебной палочкой и отпускает ее. Она поднимается над ним, становится похожей на яркую звезду и исчезает из вида, направляясь на запад. Затем он программирует маленькую машину и тоже ее отпускает. Машина схожим образом скрывается из вида на востоке. Результатом слияния будет единый неподвижный мир, объясняет Утренняя Звезда, с Темной и Светлой сторонами, царством магии и царством науки, сосуществующими, граничащими друг с другом. Глубоко под землей и высоко в атмосфере произойдут изменения, магический экран, созданный волшебной палочкой, защитит Темную сторону от замерзания, а силовые поля, контролируемые машиной, не дадут Светлой стороне поджариться, а между ними возникнет царство теней…

Мир плавно замедляет движение, пока идет слияние. Происходят многочисленные ката-

строфы, но оба инструмента работают, чтобы предотвратить наступление полного хаоса. Устанавливается новый порядок. Алекс и Дайджа смотрят друг на друга, как будто осознавая, что между ними есть нечто общее. Джек допускает, что новое положение вещей будет стоить затраченных им усилий, ведь оно приведет к возникновению новых земель, в которых он сможет практиковать свое ремесло; что же до страны постоянной темноты — это также хорошо для вора. Он растворяется в сумраке. Алекс и Дайджа, держась за руки, отворачиваются и начинают спускаться с горы.

В кажущейся вечной тени Утренняя Звезда продолжает смотреть на восток, дожидаясь невозможного рассвета…

Первый черновик написан около 1979 года, исправлен в 1993 году; прежде не публиковался.



Комментарии

Джек из Тени и Утренняя Звезда возвращаются в этой истории — приквеле «Джека-Тени» и «Джека из Тени». Изначально Желязны написал ее по заказу в виде синопсиса анимационного фильма. В 1980 году он писал заинтересованному продюсеру комиксов: «В данный момент единственным моим неопубликованным произведением, права на которое никому не принадлежат, являются наброски для «Царства теней», приквела к роману «Джек из Тени», предназначавшиеся для анимационного фильма, который так и не был снят»[5]. Возможно, это был второй синопсис фильма (после «Подмененного»), который он подготовил для Nelvana Films в Торонто. Он также написал и продал синопсис анимационного фильма на основе мифологии американских индейцев[6].

Синопсис «Царства теней» запускался в производство и во второй раз. Переписка за период с 1993-го по середину 1994 года, хранящаяся в

---

[5] Примечания: 5

Недатированное письмо Роджера Желязны Крису Ульму из Eternity Comics, Ньюбери-Парк, Калифорния.

[6] Примечания: 6

Science Fiction Chronicle #36, том 9, № 3, август 1980 года.

архивах Желязны в Сиракузском университете, показывает, что компания Aries Graphics подготовила черновик сценария (основанный на этом синопсисе) и наброски к трехчастному графическому роману «Царство теней Роджера Желязны». Судя по всему, компания прекратила свое существование до того, как завершила проект. Публикуемый здесь текст представляет собой авторский конспект полного сюжета.

Желязны написал этот синопсис и «Джека-Тень» в качестве приквелов, потому что не хотел продолжать «Джека из Тени». «Я не собирался писать о нем дальше. Мне нравится, что этот роман заканчивается такого рода открытым финалом»[7].

---

[7] Примечания: 7
Media Sight, том 3, № 1, лето 1984 года.

Джек-Тень

Биография героя

ДЖЕК – ТЕНЬ

БИОГРАФИЯ
ГЕРОЯ

Джек-Тень (также известный как Джек из Тени) занимает необычное положение в своем странном мире. Планета, на которой он обитает, одной стороной постоянно обращена к солнцу. На дневной стороне превалируют законы науки, и это полушарие закрыто от жара мощными силовыми экранами, которые ослабляют излучение звезды. Ночная сторона — это царство магии, и от холода ее защищает цепь взаимосвязанных заклинаний. На ночной стороне не работают технологии, а на

дневной — магия.

Многие существа, рожденные на Темной стороне, обладают магическими силами. Эти силы, как правило, привязаны к определенным географическим точкам — «местам силы» этих существ, — из чего следует, что многие из них владеют некими территориями, королевствами или царствами. (Пограничные войны случаются довольно часто, в тех местах, где силы соседей примерно равны. Кроме того, существуют отдельные магические инструменты, которые можно перемещать с места на место.) Сила Джека необычна из-за того, что позволяет ему сохранять мобильность. Он был рожден в Сумеречных землях, расположенных между дневной и ночной сторонами, и его сила связана с тенями.

Всюду, где существуют тени, Джек может черпать силы, дарующие ему ловкость, а также способность становиться невидимым, левитировать и создавать иллюзии. Кроме того, он способен слышать, когда кто-то говорит о нем в тени. Все это, в сочетании с природной пронырливостью и сноровкой, помогает ему в долгой и успешной карьере вора. Ростом он шесть футов, у него темные волосы и темные глаза, одежда, как правило, серая; он создал себе репутацию,

проникая во владения многих магов Темной стороны мира, откуда похищал предметы огромной ценности, а также талисманы, самоцветы, жезлы и книги, позволяющие творить магию.

Обитатели Темной стороны не обладают душой (а следовательно, не слишком склонны к гуманности), однако способны проживать несколько жизней. Каждому из них известно, каким количеством жизней он, она или оно обладает, и каждый держит это в тайне, ведь такое знание даст немалое преимущество врагу. (Все это относится и к Джеку.) Когда жизней у них остается мало, темноземельцы, как правило, переходят на более консервативный образ жизни и начинают предпочитать блеф риску.

Воскрешение/возвращение всегда происходит на Западном полюсе планеты в весьма неприятном месте, известном как Навозные ямы Глайва, — там скапливаются мусор и отбросы со всего мира. Далее темноземельцам предстоит опасное путешествие домой, во время которого им приходится пересекать весьма недружелюбные местности, обманом или силой справляясь с людьми или существами, которые охотятся на возвращающихся.

Джек утверждает, что владеет тайной крепо-

стью — Теневой Обителью. Правда это или нет — никто не знает. Никому не удавалось увидеть это место и рассказать о нем.

Лучшим другом Джека является создание, похожее на демона или же на Прометея (тут многое зависит от того, с какой стороны смотреть), — Утренняя Звезда, выше пояса представляющее собой рогатого гиганта. Нижняя часть его тела слилась с горным пиком, и он всегда смотрит на восток, в сторону рассвета, который никогда не наступает. Говорят, что, если солнце взойдет, он получит свободу. Он практически всеведущ, однако почти бессилен, когда речь идет о том, чтобы что-то изменить. Судя по всему, он играл либо героическую, либо зловещую роль (или обе сразу) при сотворении этого мира.

Любой житель Темной стороны может быть призван для исполнения Долга Щита — то есть для того, чтобы некоторое время вносить свой вклад в магическую поддержку Щита, который защищает Темную сторону от космического холода. Отказаться от этого долга — значит стать изгоем. Никто не отказывается.

Кроме всего прочего, сумеречная кровь Джека позволяет ему путешествовать по дневной стороне — что практически невозможно для других

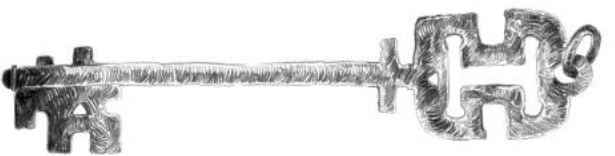
обитателей ночной. Его понимания Светлой стороны в определенный момент оказывается достаточно, чтобы использовать компьютер для заполнения пробелов в обрывочном магическом заклинании, как если бы оно было очень сложным уравнением.

Главный враг Джека в романе — Повелитель Нетопырей. Другой враг — Полковник, Который Никогда Не Умирал. В какой-то момент Джека преследует особенно отвратительное творение Повелителя Нетопырей — Боршин, существо, способное продолжать погоню даже на дневной стороне.

В число других известных врагов Джека входят безумный лорд Белринг и волшебница Вара Лилира. Стоящий в тени, Джек сильнее любого вампира, и ему случалось заставать врасплох тех из них, кто, преследуя его, оказывался в тени, и выпивать их кровь — если он в тот момент испытывал сильный голод.

Лишь однажды Джек занимался честным трудом — в течение двух семестров читал лекции по антропологии в университете на Светлой стороне и проявил себя на этом поприще на удивление неплохо. В то время он использовал имя Джонатан Тенн.

Роджер Желязны написал эту биографию, чтобы ввести персонаж Джека из Тени в один из вариантов игры «Подземелья и Драконы». Опубликована в антологии «Волшебники» под редакцией Билла Фосетта, издательство Mayfair Games, 1983 год.



Хронология жизни и творчества Роджера Желязны

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Родился 13 мая в Юклиде, штат Огайо.	1937	
Поступил в начальную школу Нобл в Юклиде.	1943	
Поступил в начальную школу Шор.	1949	
Поступил в среднюю школу Нобл в Юклиде.	1952	
Курс писательского мастерства.	1953	Пишет десятки рассказов, но не может ничего продать. Является соредактором журнала *Turban*. В сентябре выходит первая часть рассказа «Пособие под условием».
	1954	Весной *Euclio* (ежегодный литературный журнал) публикует два рассказа и стихотворение. В октябре получает первый профессиональный гонорар — *Literary Cavalcade,* публикует «Протест мистера Фуллера».
Главный редактор школьной газеты *The Survey* (выпускной класс). Поступает в Кейсовский университет Западного резервного района, Кливленд, штат Огайо.	1955	Весной *Euclio* публикует еще один рассказ и стихотворение.

Специализация в области психологии.	1956	
Начинает заниматься фехтованием. Меняет специализацию на английский язык.	1957	Поэтическая премия Финли Фостера за «Южный крест».
Начинает заниматься дзюдо, карате и другими боевыми искусствами — увлечение, сохранившееся на всю жизнь.	1958	Апрель — публикация «Знака, обращенного вовне» и «Человека без тени» в журнале *Skyline*.
Капитан команды шпажистов в год выпуска. Бакалавр искусств в области английской литературы. Оканчивает курс *елизаветинской и якобинской драмы* в Колумбийском университете.	1959	Поэтическая премия Финли Фостера за «Десять роз плюс еще одна». Апрель — публикация «Десяти роз плюс еще одна» и «Триптиха» в журнале *Skyline*.
Диссертация магистра отклонена. Вступает в Национальную гвардию армии Огайо — шестимесячная служба в Техасе.	1960	Часто посещает театр в Гринвич Виллидж; встречается, а потом и обручается с фолк-певицей Хейди Уэст. Сборник поэзии «Зубило в небе» не одерживает победы в Йельском конкурсе молодых поэтов (отказ от поэзии в пользу прозы).
Осенью принята пересмотренная диссертация.	1961	Помолвка с Хейди Уэст расторгнута. В октябре пишет рассказ «Роза для Екклезиаста», но никуда его не посылает.
В феврале начинает работу в кливлендской Ассоциации социального обеспечения. В мае оканчивает Колумбийский университет с дипломом магистра по сравнительному литературоведению.	1962	Пишет рассказы по вечерам и по выходным. В марте продает «Страсти Господни», и они выходят в журнале *Amazing Stories*. Отправляет «Розу для Екклезиаста» в *F&SF*.
	1963	Пишет «Двери лица его, пламенники пасти его», «Фурий», «Кладбище слонов». В этом году опубликованы 16 рассказов, в том числе «Роза для Екклезиаста» в ноябрьском номере *F&SF*.
Первая номинация на «Хьюго» за «Розу для Екклезиаста». Помолвка с Шэрон Стиберл. Серьезная автомобильная авария 27 сентября — Стиберл проводит в больнице шесть недель, свадьба отложена. 25 ноября, в день скоропостижной кончины отца (Джозефа), пишет три рассказа («Божественное безумие», «И вот приходит сила» и «Но не пророк»). 5 декабря женится на Стиберл.	1964	Пишет «Придающего форму». В марте опубликовано «Кладбище слонов». Заканчивает первый роман — «Этот бессмертный».

Проблемы в браке со Стиберл. Лето — развод со Стиберл и переезд в Балтимор.	1965	В январе/феврале опубликован «Придающий форму». В марте опубликованы «Двери лица его, пламенники пасти его». В мае задумывает «Князя света» и целый год работает над ним. В июне опубликованы «Фурии». Пишет «Творца снов», «Жизнь, которую я ждал», «Момент бури» и «Ключи к декабрю».
Получает две премии «Небьюла» (за «Творца снов» и «Двери лица его, пламенники пасти его»). 27 июня разводится с Шэрон Стиберл. 20 августа женится на Джуди Кэллахан. Получает премию «Хьюго» за «Этого бессмертного»; финалист «Хьюго» за «Двери лица его, пламенники пасти его».	1966	В марте опубликована «Жизнь, которую я ждал». В марте заканчивает писать «Князя света». Начинает писать «Порождения света и тьмы». В июне опубликован «Момент бури». В июле опубликован первый роман «Этот бессмертный». В августе опубликованы «Ключи к декабрю». В октябре опубликован «Творец снов».
Финалист премии «Небьюла» («Момент бури»). В июне — премия «Нова». В июне избран секретарем-казначеем SFWA. В июле избран редактировать «Рассказы премии Небьюла 3». Финалист премии «Хьюго» («Князь света», «Вершина», «Ключи к декабрю», «И вот приходит сила»).	1967	Заканчивает «Девять принцев Амбера» в первую неделю февраля, но никуда их не отправляет. Пишет часть «Ружей Авалона». Пишет «Долину проклятий». Заканчивает «Порождения света и тьмы», но никуда их не отправляет. В марте опубликован сборник рассказов «Четверка на завтра» (также «Роза для Екклезиаста»). В августе опубликован «Князь света».
Финалист премии «Небьюла» («Князь света», «Вершина», «Ключи к декабрю»). Весной начинает работать с Филипом Диком над «Господом гнева». В июне уходит в отставку с должности секретаря-казначея SFWA. Премия «Хьюго» за «Князя света». Финалист премии «Хьюго» («Долина проклятий»).	1968	Пишет «Остров мертвых» и «Долину проклятий». Сэмюэль Дилэни привлекает внимание редактора *Doubleday* Марка Хефеле к «Порождениям света и тьмы» (в апреле) и «Девяти принцам Амбера» (в июле). В сентябре бросает «Ружья Авалона». В ноябре выходит антология «Рассказы премии "Небьюла 3"».

1 мая увольняется с работы, чтобы полностью посвятить свое время писательству. В мае пишет «Умереть в Италбаре», *Doubleday* отказывается его опубликовать. Пишет первую историю о безымянном детективе «Проект “Румоко”». Пишет «Приди ко мне не в зимней белизне» с Харланом Эллисоном. С перерывами работает над «Господом гнева». В декабре заканчивает «Джека из Тени».	1969	В январе опубликован «Остров мертвых». В июле опубликованы «Порождения света и тьмы». В октябре опубликована «Долина проклятий».
Финалист премии «Небьюла» («Остров мертвых»). Начинает писать «Сегодня мы выбираем лица» и «Покойся с миром». Возобновляет работу над «Ружьями Авалона».	1970	В апреле опубликованы «Девять принцев Амбера».
С перерывами работает над «Господом гнева». В июне заканчивает «Покойся с миром». 26 декабря рождается сын Девин Джозеф.	1971	В мае опубликован сборник рассказов «Двери лица его, пламенники пасти его». В августе опубликован «Джек из Тени».
В марте заканчивает «Сегодня мы выбираем лица». В мае заканчивает переработку в «Умереть в Италбаре», добавляет в качестве персонажа Фрэнсиса Сэндоу. В июне пишет «Песнопевца». Начинает писать «Двери в песке». С перерывами работает над «Господом гнева». Получает премию «Аполло» за «Остров мертвых». Финалист премии «Хьюго» («Джек из Тени»).	1972	
Пишет «Мертвое и живое». С перерывами работает над «Господом гнева». 24 мая заканчивает «Двери в песке». Начинает писать «Знак единорога». В мае, после многочисленных отказов, откладывает «Покойся с миром».	1973	В апреле опубликован «Сегодня мы выбираем лица». В мае опубликован «Умереть в Италбаре».
Почетный гость «Дискона II».	1974	В июне заканчивает «Знак единорога». Пишет «Возвращение палача». В сентябре опубликованы «Стихотворения» (сборник стихов).
В январе переезжает в Санта-Фе, штат Нью-Мехико. Финалист премий «Хьюго» и «Юпитер» («Мертвое и живое»).	1975	Весной заканчивает «Господь гнева». Пишет «Руку Оберона» (заканчивает осенью) и «Мост праха».

Работает над «Дорожными знаками» и «Владениями хаоса». Начинается работа над «Иллюстрированным Роджером Желязны». Премия «Небьюла» за «Возвращение палача», финалист «Небьюлы» («Двери в песке»). Американская библиотечная ассоциация называет «Двери в песке» одной из лучших книг для молодежи. Премия «Сэйун» за «Этот бессмертный». Премия «Хьюго» за «Возвращение палача». Финалист «Хьюго» («Двери в песке»). 28 ноября рождается сын Джонатан Трент.	1976	В марте опубликованы «Двери в песке». В апреле опубликованы «Рука Оберона» и «Имя мне — легион». В июле опубликованы «Мост праха» и «Господь гнева».
Заканчивает «Владения Хаоса». Работает над «Знаками Дороги».	1977	21 октября выходит фильм «Долина проклятий».
Заканчивает «Знаки Дороги». Заканчивает «Последнего защитника Камелота». Почетный гость Исткона в Мельбурне.	1978	В феврале опубликован «Иллюстрированный Роджер Желязны». В августе опубликованы «Владения Хаоса».
В марте знакомится с Эдом Гринвудом и спонтанно пишет фрагмент рассказа «Тайна Амбера». В мае задумывает «Ночь в тоскливом октябре». Пишет «Подмененного». Начало работы над «Глазом Кота». Воскрешает Дилвиша в «Разделенном городе». 1 сентября рождается дочь Шеннон.	1979	В январе издательство SFBC публикует «Хроники Амбера» в двух томах (омнибусами). В мае опубликованы «Колокола Шоредана». В октябре опубликованы «Знаки Дороги».
Пишет «Очарованную землю» (опубликована в марте) и «Одержимого магией». В конце мая / июне пишет «Вариант единорога» во время круиза по Аляске. Продолжает работу над «Глазом Кота». 31 июля регистрирует *The Amber Corporation*. Премия «Балрог» за «Последнего защитника Камелота».	1980	В феврале опубликован сборник стихов «Когда та верба раз последний в кошачьем дворике цвела». В мае отдельными брошюрами выходят повести «Жизнь, которую я ждал» и «Последний защитник Камелота». В июне опубликован «Подмененный». В декабре опубликован сборник «Последний защитник Камелота».
Поездка в Ирландию, продлившаяся все лето. Пишет «Витки» вместе с Фредом Саберхагеном. Пишет три синопсиса фильмов, один из которых становится «Бегством от сна».	1981	В апреле опубликована «Очарованная земля». В июле опубликованы «Последний защитник Камелота» [ограниченный тираж] и «Одержимый магией» [ограниченный тираж]. В сентябре опубликована «Рапсодия в Амбере» (брошюра). В октябре опубликован сборник стихов «Езда это чудо Кот».

Заканчивает «Глаз Кота». Премия «Хьюго» за «Вариант Единорога».	1982	В мае опубликованы «Витки». В октябре опубликован «Глаз Кота». В октябре опубликован «Дилвиш проклятый» (сборник рассказов).
	1983	В октябре опубликован «Вариант Единорога» (сборник рассказов).
Премия «Сэйун» за «Вариант Единорога». Премии «Локус», «Балрог» и «Дейкон» за «Вариант Единорога».	1984	Начинает писать «Карты судьбы». Пишет «24 вида горы Фудзи кисти Хокусая».
Джуди Желязны оканчивает юридический факультет университета Нью-Мехико. В ноябре заканчивает «Кровь Амбера».	1985	Пишет «Вечную мерзлоту». Начинает работу над межавторским циклом «Звездный спидвей». В мае опубликованы «Карты судьбы».
Финалист «Хьюго» («24 вида горы Фудзи кисти Хокусая»). Премия «Локус» за «Карты судьбы». Премия «Хьюго» за «24 вида горы Фудзи кисти Хокусая».	1986	Пишет «Знак Хаоса» и «Темное путешествие». Пишет второй фрагмент «Тайны Амбера». В сентябре опубликована «Кровь Амбера».
Интервью для «Наглядного путеводителя по замку Амбер». Финалист «Небьюлы» («Вечная мерзлота»). Премия «Хьюго» за «Вечную мерзлоту».	1987	В апреле опубликовано «Темное путешествие». В сентябре опубликован «Знак Хаоса». В октябре опубликован «Звездный спидвей. Формула Клипсис».
Джеральд Хаусман предлагает Желязны концепцию романа «Кольтергласс». Пишет «Калифрики — Властелин Нити».	1988	В феврале опубликован «Звездный спидвей». В июне опубликован «Звездный спидвей: Гонки по паутине». В ноябре опубликован «Наглядный путеводитель по замку Амбер».
Совместно с Томасом Т. Томасом пишет «Маску Локи». Переписывается с Джейн Линдсколд и встречается с ней на Лунаконе. Пишет «Рыцаря теней» (заканчивает в марте). Пишет «Черный трон» с Фредом Саберхагеном.	1989	Соглашается работать с Джеральдом Хаусманом над «Кольтерглассом». В июле опубликован «Мороз и пламя» (сборник рассказов). В октябре опубликован «Одержимый магией» (омнибус). В ноябре опубликован «Рыцарь теней».

Джейн Линдсколд начинает собирать материал для биографии Роджера Желязны — лично и по переписке. Начинает писать «Кольтергласс» со второй главы.	1990	Пишет «Принца Хаоса». Пишет «Принесите мне голову прекрасного принца» с Робертом Шекли. В октябре опубликован «Черный трон». В ноябре опубликована «Маска Локи».
Пишет «Взрыв» вместе с Томасом М. Томасом. Заканчивает «Принесите мне голову прекрасного принца». Пишет «Коль с Фаустом тебе не повезло» вместе с Робертом Шекли. Работает над «Кольтерглассом». Пишет «Вернись к месту убийства, Алиса, любовь моя». В декабре находит наброски 1979 года к «Ночи в тоскливом октябре».	1991	Задумывает трилогию «Доннерджек». В сентябре опубликованы «Двери лица его, пламенники пасти его» (ограниченный тираж, сборник рассказов). В ноябре опубликован «Принц Хаоса». В декабре опубликован «Принесите мне голову прекрасного принца».
Пишет «Театр одного демона» с Робертом Шекли. Начинает «Доннерджек», первую книгу трилогии. Пишет третий фрагмент «Тайны Амбера» на Марконе 27.	1992	Заканчивает «Ночь в тоскливом октябре». Заканчивает «Кольтергласс», называющийся теперь «Дикие земли». В сентябре опубликованы «Здесь водятся драконы», «Там, в вышине» и «Взрыв».
В июне пишет первый рассказ об Амбере «Сказка торговца». Пишет «Крестника». Начинает дописывать рукопись Альфреда Бестера «Психолавка». Премия «Инклот» в номинации «Лучший прозаик» (Комик-Кон Интернэшнл).	1993	Собирает рассказы для антологий «Колесо фортуны» и «Воины крови и мечты». В марте опубликован «Коль с Фаустом тебе не повезло». В августе опубликована «Ночь в тоскливом октябре».
Диагностирован неоперабельный рак толстой кишки. Начинает химиотерапию. Расходится с женой Джуди и в июне переезжает к Джейн Линдсколд.	1994	В феврале опубликованы «Дикие земли». Заканчивает «Психолавку». Работает над «Доннерджеком» и «Лордом Демоном». Собирает рассказы для антологий «После победы» и «Эффект Уильямсона». Вместе с Джейн Линдсколд работает над игрой *Chronomaster*. В декабре опубликована брошюра «И темнота жестока».

Обсуждает завершение «Доннерджека» и «Лорда Демона» с Джейн Линдсколд. Финалист «Небьюлы» («Ночь в тоскливом октябре»). Завершает «Крестник: пьеса в трех актах». Работает над «Гимном солнцу: Имитация». Умирает 14 июня от почечной недостаточности.	1995	В апреле опубликован «Театр одного демона».
В мае опубликован «Эффект Уильямсона». 3 октября умерла мать (Джозефин).	1996	В феврале опубликован «Гимн солнцу: Имитация» (стихи).
	1997	В сентябре опубликован «Доннерджек» (завершен Джейн Линдсколд).
В мае опубликован «Лорд фантастики» (антология, трибьют).	1998	В июле опубликована «Психолавка».
В ноябре опубликован «Лорд Демон» (завершен Джейн Линдсколд). В ноябре опубликованы «Первые хроники Амбера» (омнибус, SFBC).	1999	В декабре опубликована «Большая книга Амбера» (омнибус).
	2002	В марте опубликован «Последний защитник Камелота» (сборник лучших рассказов).
В январе опубликована «Манна небесная» (сборник рассказов).	2003	
	2005	В марте опубликованы «Вторые хроники Амбера» (омнибус, SFBC).
В феврале опубликован «Покойся с миром».	2009	Опубликовано «Полное собрание рассказов Роджера Желязны» (февраль — 1 и 2 тома, июнь — 3 и 4 тома, декабрь — 5 и 6 тома).

